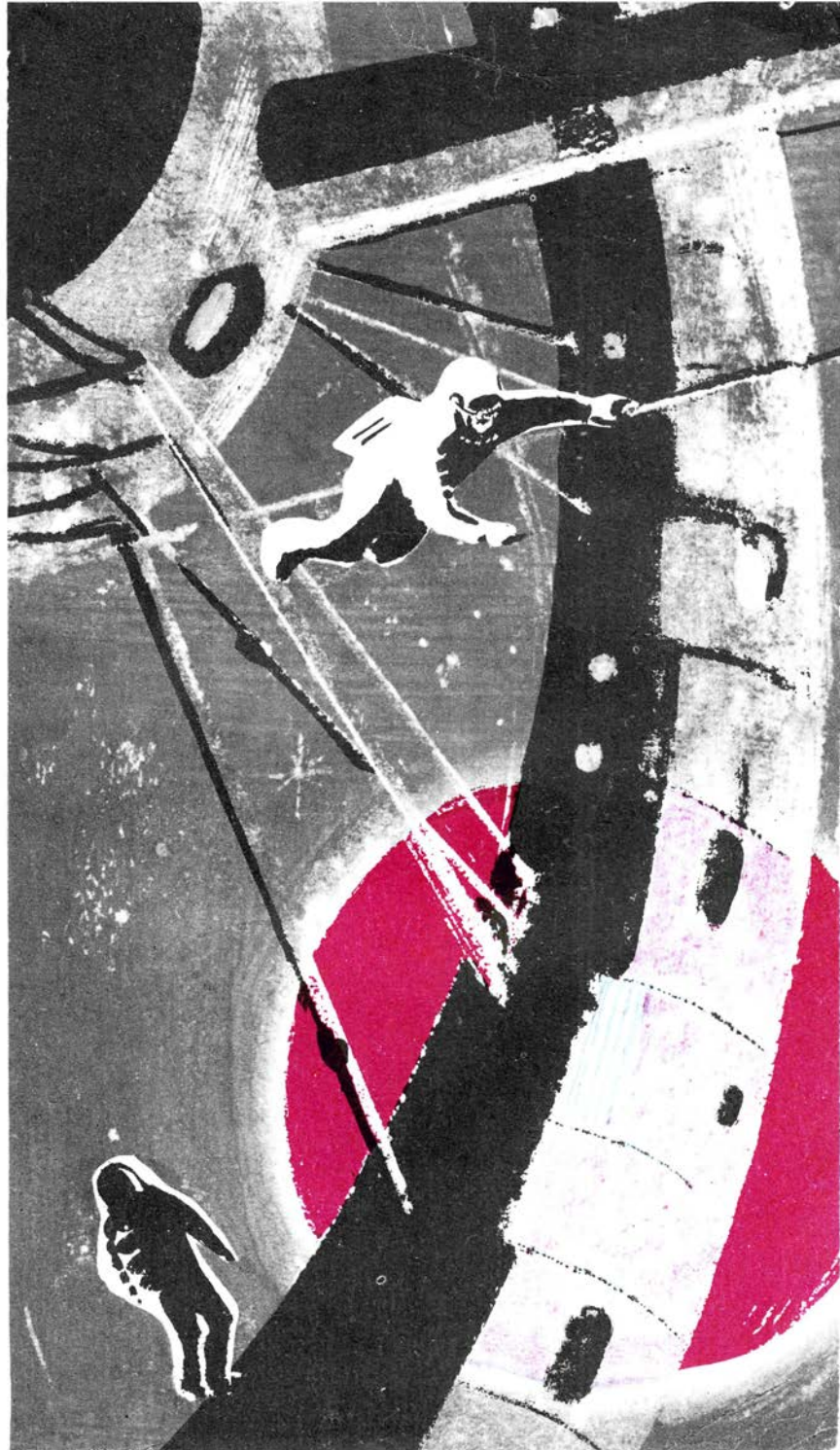

2
1964

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В этом номере «Искателя» со своими новыми произведениями выступают молодые писатели, работающие в фантастическом и приключенческом жанрах. Недавно они побывали в нашей редакции и рассказали о своих творческих планах.

На снимке (слева направо): Е. Федоровский, М. Емцев, Е. Парнов и Г. Голубев.

Фото М. Котлярова

Любителям фантастики известны повесть «Особая необходимость» и рассказ «Черные журавли Вселенной» Владимира Михайлова, впервые напечатанные в «Искателе». Сегодня мы начинаем печатать его новую, написанную для нас научно-фантастическую повесть.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

СПУТНИК „ШАГ ВПЕРЕД“

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. Гришин

I

Герну, которого многие астрономы Земли называют своим учителем, удалось с помощью гравителескопа обнаружить то, что он считал Трансцербером. С этого все и началось. Открытие неизвестного небесного тела под боком, на окраине солнеч-

ной системы — за Плутоном и Цербером, — всколыхнуло умы астрофизиков и космологов. Кое-кто из ученых вообще сомневался в существовании Трансцербера. Его не наблюдал никто до Герна и никто после него.

Однако никто из ученых смежных и далеких астрофизике наук не сомневался в том, что за орбитой Цербера есть «нечто» открытое Герном. Ведь не кто иной, как Герт, с помощью своего гравителескопа установил в свое время связь с «Джордано». А корабль считали погибшим в течение полутора лет, и так оно почти и было. Возможно, конечно, Герна подвела аппаратура. Но это-то и казалось самым невероятным.

И вот «Гончий пес» под вымпелом капитана Лобова выходит на орбиту гипотетического Трансцербера. Исследователи заняты у приборов. Пилоты устроились за шахматным столиком. Капитан Лобов — в кают-компани. Он для своего собственного удовольствия крутит старые фильмы. Инженер Риекст, который впервые летит на подобного типа корабле, боясь увидеть улыбки на лицах старожил «Гончег пса», не впервые уже старается расслышать, как работают диагравийные двигатели. Работают они совершенно бесшумно. Кстати, именно это обстоятельство и заставляет Риекста напрягать слух.

Один из исследователей отрывает взгляд от экрана и негромко произносит:

— А считать придется много. Сюда бы хорошего вычислителя... Вот у меня на Земле знакомый парень, Андрей Коровин. Воспитанник самого Слепцова. Удивительно даже: сам Слепцов смотрит на Андрея, а в глазах у него восторг. Не хотелось бы мне, чтобы с Коровиным, ну, случилось что-нибудь...

— Что может случиться на Земле? — бормочет другой исследователь.

— Все, — задумчиво произносит пилот, который играет черными. — На Земле может случиться все.

— А вот Коровин, знакомый-то мой, — он твердо уверен: ничего неожиданного на Земле произойти не может...

Когда Коровин говорил это, он всегда улыбался, словно извиняясь. У Андрея были добрые пухлые губы, и когда он улыбался, то открывались отличные зубы, такие белые, что голубоватыми казались. А глаза у него и взаправду голубые, только они щурились от улыбки, будто от собственного света ее.

И сейчас губы Коровина тоже были раздвинуты, и виднелись зубы белые, даже голубые, а глаза прикрыты.

Но Коровин не улыбался. Он был мертв.

Был мертв минутой...

Две... Пять...

Над лесом пронесся аэраплан.

А тем временем прошли восьмая, девятая минуты.

Десятая...

Аэраплан завис снижаясь.

И десятая минута прошла. Теперь Андрей Коровин был настоящим мертв. Его уже не спасли бы все друзья в мире. Те друзья, которые в эту минуту еще говорили о нем «есть» и называли по имени.

Имена долговечнее. Это относится не только к людям. Стрельба пережила лук и стрелы, слово «корабль» уже столетие не вызывает представления о водном транспорте. Или «лаборатория»...

Кедрин медленно повел глазами слева направо, как читают. Современник дизельного океанского корабля, пожалуй, не догадался бы, что попал в лабораторию. Приборы, аппараты, инструменты, посуда — где они? Глубокие кресла, зеленая ветка в тяжелой вазе, мягкие тона стен, выбранные Кедриним на сегодня, на одной картина: «Греза о познании». Все. Окно во всю стену, и за ним — деревья, зеленоватый свет лесного полудня.

И все же это лаборатория — место, где работают. Здесь ищут и находят новые конструкции портативных точечных излучателей. Они нужны для аппаратуры дальней наземной, подводной, планетарной и стелларной связи. Аппараты связи конструируются в других лабораториях института. Здесь — только точечные излучатели. Но зато все, кто занимается точечными излучателями, работают в этом секторе. Двое из них — в этой лаборатории. Придумывают, конструируют, моделируют...

Именно моделируют. Все в мере, весе и числе — как, по слухам, сказал еще Пифагор. Можно подумать, что он предугадал электронное моделирование. Не надо выдувать, паять, собирать схемы. Достаточно пересечь на кресло справа...

Кресло было занято. Это вывело Кедрина из раздумья. Прощла целая секунда, пока он вспомнил, почему здесь посторонний.

Велигай сидел боком к Кедрину, вытянув ноги и откинувшись. Он глядел в окно, тени от листьев дрожали на его лице. Его круглое, простоватое лицо было безмятежно, уголки большого рта все еще плавно уходили вверх — человек улыбался. Потом они дрогнули.

Кедрину понадобилась доля секунды, чтобы сосредоточиться на прерванном разговоре.

— Здесь принципиальная трудность, — сказал он. — В таком объеме коллиматорный блок не разместится. Нечего и пробовать. А без него точечного излучателя, как вы сами понимаете, не получится. Луч будет расходиться под недопустимым углом, и коэффициент потерь будет...

Он виновато взглянул на Велигаю. Тот повернулся к нему, растерянно приподняв брови:

— Раз принципиальная трудность — значит, нужно принципиально новое решение. Проще простого.

Он поднялся, мягко шагнул к Кедрину и навис над ним, улыбаясь, впрочем, безмятежно и доброжелательно.

— Вот как, — сказал Кедрин. — А сколько у вас в сумме трех движений?

— Не пробовал, — сказал Велигай. — А сколько вам нужно времени?

— Надо подумать, — протяжно проговорил Кедрин. На самом деле он уже думал. — Разве что... Бросить вдоль луча скользящее поле? Но это пока разрабатывалось только теоретически... А что? Может быть, этот объем не так уж важен?

— А вы вспомните ваш излучатель для стационарного передатчика. Его габариты.

— Не могу, — сказал Кедрин. — Я его никогда не видел. Электронную модель мы дали в машину — на расшифровку, расчеты в материале, программирование — и в производство. Ладно, подумаем небело...

Он неторопливо перебрался в правое кресло, покинутое посетителем. Жестом пригласил Велигай присесть рядом.

Кедрин надел на голову массивный шлем, застегнул пряжку. Протянул руку к пульту, единственному инструменту конструктора. Коснулся включателя. Вспыхнул индикатор: Элмо — электронный «мозг» — подключился, стал выслушивать приказания мозга Кедрина, отдал в его распоряжение свою обширнейшую память, связанную с Оперативным Мемориалом Института, невообразимую быстроту расчетов.

В Институте связи — институте Слепцова никто не думал невооруженным мозгом.

Кедрин нажал кнопку — стена напротив засветилась, по ней потекли цифры, символы, замысловатые кривые... Кедрин прочитывал их, некоторые возвращал, и они, повинаясь движением его лежавших на клавиатуре пальцев, проскальзывали в левый верхний угол стены и там застывали. Потом Кедрин пошевелился в кресле, отыскивая удобное положение. Стояла тишина, только еле слышный непрерывный шорох доносился, казалась, отовсюду. Через полчаса Кедрин глубоко вздохнул, стащил шлем, выключил Элмо, провел рукой по волосам.

— Грубо говоря, здесь еще до моделирования расчетов суток на пять машинного времени. Зависимых расчетов. Ну, человеческих, что ли... Потом машина сможет считать сама.

— Пять суток — это много.

— Пока у нас еще нет индивидуальных Элмо. Это впереди. Я в лаборатории не один...

— Об этом я не подумал, — огорченно признался Велигай. — Может быть, транслируем данные в Ригу? На центр?

— Нет, — сказал Кедрин. — Это я сделаю сам. Если даже и невыполнимо, то, во всяком случае, интересно.

— Вы любите рисковать?

— Без риска здесь нельзя. Конструкции не могут стоять на месте. Они должны совершенствоваться непрерывно. Иначе зачем мы здесь? Так что поднагрузим пещеру...

Он, усмехаясь, объяснил: комната и в самом деле была пещерой в толще гигантских вычислителей, скрывавшихся за стенами, потолком, под полом... Они стояли у окна, и Велигай слушал и глядел на подрагивающую от легкого ветерка листву, глядел странно: то ли ему трудно было поверить, что гигантские логические мощности кроются здесь, среди этих обыкновенных деревьев, таких спокойных и древних, то ли, наоборот, деревья казались ему странными — они-то остались такими же, как и сотни лет тому назад, троюродные родственники человечества.

— Пещерные люди, как интересно! — сказал Велигай и снова заулыбался. — Статьи, а ваш второй пещерный человек...

— Андрей Коровин?

— Он не будет возражать? Он где?

— Он удрал в лес размышлять, — сказал Кедрин. — Вы понимаете, он здесь не может. Вообще-то он может, но, как только он начинает мыслить, моментально выключаются вычислители. Это у нас называется «Андрей-эффект». Стоит ему задуматься, как он нажимает аварийный выключатель рядом с его креслом — вот,

— Понятно.

— Я его упросил, и теперь он, когда ему хочется посообразовать начерно — без машин, — уходит куда-нибудь. Сегодня он ушел в лес — там тоже можно что-нибудь крутить в пальцах, вертеть. Минут через двадцать он вернется. — Кедрин засмеялся, подмигнул Велигаю. — Андрей войдет, сгибаясь под тяжестью новых идей, и кинется к пульту. Сегодня я дам ему поработать, а уж с утра... — он взмахнул руками, сжал кулаки. — Нет, чудесно, просто чудесно... Придется поработать — впопору будет прилаживать к голове охлаждение. А Андрей...

Кедрин не успел досказать. Дверь распахнулась настежь рыком, словно сработал аварийный механизм. Нарушая все нормы поведения, кто-то остановился на пороге, поднял к потолку искаженное лицо, высоким голосом прокричал:

— С Андреем несчастье!..

Потом шаги тупо, часто застучали по коридору.

II

На орбите Трансцербера никаких происшествий. Капитан Лобов досмотрел очередной фильм и теперь пьет чай, поглаживает щеку и поглядывает на ящичек, в котором лежит бритва. Капитан Лобов бреется дважды в день. Он уверяет, что при искусственной гравитации борода у него растет в два раза скорее, чем на Земле.

Исследователи у приборов разделились на две группы и сидят спиной друг к другу. Спины одних явственно выражают уверенность в том, что Трансцербер уже где-то почти в сфере действия приборов. Спины второй группы — что Трансцербер существует лишь в воображении Герна. Что думает Гери, пока неизвестно. Гери не на орбите Трансцербера, а в Приземелье, на расстоянии девяти с лишним миллиардов километров от той точки — уже за пределами солнечной системы, — где находится в настоящую минуту «Гончий пес» капитана Лобова.

Инженер Риекст перестал прислушиваться и пошел осмотреть контрольную систему. Вероятно, он сделал это, вспомнив поговорку: «Лучше однажды увидеть, чем сто раз услышать».

Что касается пилотов, то каждый из них лишился двух пешек и одной легкой фигуры. Белые получили несколько лучшую позицию, но черные полны оптимизма и вскрывают центр.

Кедрин стоял не шевелясь. Его охватила оторопь. Глаза Андрея были почти закрыты. Из-под век виднелись полушарие радужки и край зрачка: неподвижные, неживые и странно-внимательные. От них невозможно было укрыться, словно они нарисованы глядящими на него, Кедрина. Но страш-

нее была раздувшаяся, огромная, нечеловеческая вроде нога трупa.

Усилив воли, потребовавшим от него напряжения, Кедрин на мгновение оторвал свой взгляд от мертвеца. Он озирался, но не замечал будто ни лесной поляны, ни аграплана Службы Жизни, ни крошечного, только что выросшего домика, ни людей. Но одновременно он видел все это и никак не мог связать в сознании смерть своего сверстника и все остальное, оставшееся на Земле таким же.

И когда Кедрин опять встретился взглядом с глазами Андрея, то замахал руками, отгоняя от себя невыносимое, противоестественное видение, повернулся, побежал к привезшей его лодке и плотно прижался к ее борту, словно кто-то собирался оторвать его силой.

Слепцов, глава института, как будто вовсе и не заметил его странных действий; он сидел неподвижно на траве, около лодки, смотрел на аграплан, и глаза его с каждой секундой становились все круглее.

Велигай, который, наверное, был невозмутим, разговаривал со стоявшими поодаль людьми в белой униформе Службы Жизни. При его приближении они перестали укладывать в аграплан какие-то ящички и свертки. Велигай что-то говорил, люди отвечали — порознь и все вместе, головы их были понуро наклонены, движения как движения виноватых людей.

Постояв рядом с молчащим Слепцовым и встретив, наконец, его взгляд, Кедрин резко повернулся, кинулся к группе людей в белом, словно они-то и были единственными виновниками смерти Коровина. Но на полпути Кедрин почти остановился и подошел к высокому медику в белом будто поневоле.

— Что же это? — тихо спросил Кедрин.

Плечи высокого передернулись, он хотел было ответить, и вдруг лицо его исказилось гримасой, и давно забытым движением отчаяния медик швырнул оземь клубок каких-то проводов и шлангов, которые держал в руке. Опомнившись, он подобрал брошенное и повернулся к машине, но Кедрин заступил ему путь.

— Что же это?

— Я уже объяснил... — ответил, наконец, медик. Он сделал это, почти не разжимая губ, только повел головой в сторону Велигая и попытался отстранить Кедрина. — Дайте мне пройти...

— Нет, — сказал Кедрин, резким движением отбросив его руку. — Вы объясните мне, мне. Ведь не может быть, что он умер! Так не бывает, слышите! Мы все знаем, что так не бывает. Никто не поверит...

— Умер, — угрюмо сказал медик. — Мы сами...

Он не договорил и схватил Кедрина за плечи: ему показалось, что тот падает. Но конструктор вырвался.

— Не трогайте меня! Где ваши сто процентов гарантии, если погиб человек? Где? Мы знаем, что такое сто процентов. Зачем Служба Жизни, если люди могут вот так умирать? Вы не смогли вернуть человеку жизнь! В наши дни!

Он кричал еще, и все угрюмо смотрели на него.

Слепцов медленно подошел к Кедрину и обнял его за плечи.

— Нет, мальчик мой, — тихо, как будто нерешительно сказал

он, — Служба Жизни есть Служба Жизни. Они больше не допустят такого. Они станут охранять нас бдительнее. Эта гибель научит их... Я ведь просил Службу Жизни следить за нашим институтом особо... Я взял вас мальчиками, избавил от всего постороннего, от всяких волнений — только думать должны были вы, конструировать и вычислять. Это самый совершенный, единственный институт на Земле... А он умер. Нет, — прервал Слепцов самого себя, и по сторонам его рта залегли прямые складки. — Нет. Все-таки у нас могучая Служба Жизни. Недаром над всей планетой висят ее дирижабли и аэрапланы.

— Конечно, недаром, — сказал Велигай.

— Вот мне — восемьдесят два. И я знал: мне гарантировано сто тридцать — сто тридцать пять, и я проживу эти сто тридцать пять...

— Безусловно.

— Но это, думал я, только начало! — Слепцов гремел. — Настоящий прогресс человека начнется теперь. Не заботясь ни о чем, он сможет тем сильнее упражнять свой мозг, сможет познавать самые трудные тайны природы.

— Как это правильно! — сказал Велигай, и Кедрин внимательно посмотрел на него: ему почудилось что-то, но Велигай был абсолютно серьезен, и все так же наивно глядели его глаза. — Как правильно!

— Что правильно? — переспросил Слепцов. — Откуда вы?

— Из Приземелья.

— Тогда вам этого не понять, — сказал Слепцов. — Человек не должен бояться смерти. Даже думать о ней. А там у вас... — он махнул рукой. — Убожество автоматике, этот дикий арханизм — ручной труд, и на каждом шагу опасности... А для человека прошло время подвергаться опасностям. Так считаю я. Но, значит, я не прав? — его голос перешел в крик. — Значит, я ошибался?

Двое медиков подошли к Слепцову сзади, в руках одного завертелся тускло отблескивавший диск, и Слепцов умолк, шагнул назад, его подхватили, понесли к лодке. Глаза его закрылись, он спал. Высокий медик уже подносил крутящийся приборчик к голове Кедрина.

— Вас не нужно выключить? — спросил медик у Велигая. — Вы перенесете нервное напряжение? Может быть, сон не помешал бы вам.

— Я перенесу, — спокойно ответил Велигай.

— Вы ведь понимаете, что мы...

— Я понимаю, не беспокойтесь. А как вы объясняете?

— У Коровина паралич сердца по каким-то пока непонятным причинам. И прошел слишком долгий срок. Девяносто процентов за то, что необратимые изменения зашли слишком далеко. Вы ведь знаете работу нашей службы?

— В общем как и все.

— Принцип таков... — медик швырнул, наконец, шланги в машину, вытер руки платком, смоченным голубоватой жидкостью из флакона. — Каждый человек носит наш медифор. Вот и вы... Нет, он у вас другой конструкции.

— А это не имеет значения. У меня приземельский. Итак?

— Итак, — сказал медик, поднося руки к дискам высокочастотного стерилизатора. — Назначение медифоров, в просторечии браслетов, понятно: постоянная информация соответствующей станции о состоянии здоровья человека — это раз. Прибор контролирует биотоки. Когда они в норме — все спокойно. Если нарушение, на станции включается диагност и в медифор идет сигнал. Тогда медифор начинает соответствующим образом влиять на нужную функцию организма, заставляет органы усилить или ослабить их деятельность. Это вторая функция. На Земле — тридцать миллиардов человек, и каждый из них на контроле.

— Вы спокойный человек.

— Мне хочется выть.

— Кстати, почему их усыпили вы, а не станция?

— Первое напряжение в наше время — напряжение поиска, творчества, работы. Не усыплять же ученого за пультом. Наоборот, станция через медифор его стимулирует. Мы не влияем на деятельность коры. Абсолютно исключено. Мозг священен.

— Согласен, — кивнул Велигай. — Что ж, я подожду, пока они проснутся. Так почему все-таки паралич сердца? И вы опоздали?

— Мы знаем лишь одно: он упал в глубокую яму — бывший колодец, очевидно, века двадцатого или девятнадцатого. При падении повредил медифор. Не настолько, впрочем, чтобы мы не приняли сигналов. Но сигналы были искажены. Мы нашли его, когда было уже поздно.

— Но он не разбился...

— Нет, в том-то и дело. Мы сделали секцию... — медик кивнул в сторону розового домика. — Может быть, разберемся на станции.

— Боюсь, — медленно произнес Велигай, — что не разберетесь и там.

Медик поднял брови, но кто-то из коллег окликнул его:

— Все собрано, летим.

— Уничтожьте дом.

— Ах, да.

Второй медик вытащил из машины баллончик, ушел к розовому домику. Раздалось громкое шипение. Дом опал, сжегился, розовые струйки поднялись к вершинам деревьев. Через минуту на том месте, где только что возвышался домик, осталась кучка пыли.

— Если хотите осмотреть, колодец там, метрах в четырехстах. Всего лучшего...

Дверцы захлопнулись. Аграплан бесшумно ушел вверх и полетел в сторону, где высоко над землей висел вакуум-дирижабль, пост Службы Жизни.

На поляне, у лодки, остались трое. Двое еще мирно спали, глубоко и ровно дыша. Третий взглянул на часы.

— Да, — пробормотал он, задумчиво поглядывая на спящих. — Что же, пожалуй. Это давний наш спор, Слепцов, хотя мы и не знали друг друга в лицо.

Кедрин проснулся первым. Потянулся, улыбаясь Велигаю:

— Знаете, я только что набрел на прекрасное решение... —

Он умолк и внезапно заплакал, как человек, которому не приходилось плакать ни разу в жизни. — Ведь не они виноваты — я... Если бы я не отсылал его думать подальше от лаборатории... Пусть бы он выключал Элмо хоть сто раз на день, но зато ничего бы не произошло, ничего бы... — Внезапно он вскочил. — Все равно не верю. Тут что-то не так. Это не просто так... Это что-то значит — такая смерть...

— Да, — сказал Велигай. — Вот это правильно. Такая смерть что-то значит.

— Молодой, смелый, талантливый конструктор...

— Да. Только смелый ли?

— Разве мы не смелые?

— Не знаю, — сказал Велигай. — Вы не знаете страха, это верно.

— Вот именно...

— Не знать, не встречать опасности — это одно. Встретив, преодолеть — другое. Так считаем мы.

— Не понимаю.

— Поймете. Только не сейчас. И не здесь. Но вы поймете. А пока не бойтесь умереть. — Велигай безмятежно улыбнулся. — Бойтесь умереть зря.

— Бояться смерти, — сказал Кедрин, — это естественно, говорит наш учитель Слепцов.

— И вы с ним соглашались?

— Почему же нет?

— Вы, Кедрин, хотите сами решить для себя все эти проблемы...

— Я все делаю сам.

— Посоветую, с чего начать. Отвыкните бояться. Кстати, отдайте наш заказ в другую лабораторию. Или, еще лучше, передайте свою лабораторию другим. Со всеми проблемами.

— Отдать такую проблему? Лучшей у меня никогда...

— Проблем хватит на век человечества. Все равно сейчас вам скользящих полей не решить. Встряски, подобные пережитой вами, не проходят бесследно.

— Я могу решать хоть сейчас. Одну минуту, — сказал Кедрин. — Одну минуту...

Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. На лбу Кедрина проступили вены, лицо покраснело. Потом он открыл глаза — в них было недоумение.

— Не могу, — тихо признался он. — Никкак не могу отключиться от этого...

— Вам надо отдохнуть. И не здесь. Совсем в других местах. Как говорят медики, смените климат. И образ жизни. Вы один?

— То есть... А, понимаю. Я давно один. Мне никогда не хотелось уходить из института, — сказал Кедрин.

— В свое время всем нам начинает чего-то хотеться. Кстати, сейчас мне хочется есть. С собой у меня ничего нет, а я привык обедать в три часа по нашему времени. Пора будить вашего коллегу...

Слепцов медленно открыл глаза, сел, огляделся, торопливо вскочил и медленно уселся вновь.

— Да, все так, — тихо сказал он. — Это вы привезли нас

сюда? Я хотел бы улететь отсюда... домой. Я себя не очень хорошо чувствую. Это ведь ваша лодка?

— Разумеется, — с готовностью сказал Велигай. — Летим немедленно.

— Только я попрошу вас — пониже. Не надо забираться высоко. В самом первом эшелоне, прошу убедительно.

— О, конечно, — сказал Велигай. — Только невысоко. В самом первом эшелоне.

III

На орбите Трансцербера еще ничего не случилось. Капитан Лобов побрился. Бритва уложена на место. Сейчас он стоит около пульта, и часы вслух отсчитывают секунды, оставшиеся до очередного поворота, потому что «Гончий пес» идет поисковым зигзагом.

Инженер Риекст занял свое место у контрольного блока. Во время поворота он будет, как это и полагается, следить за работой автоматики. Он тоже слушает отсчет секунд и на всякий случай каждую цифру негромко повторяет вслух.

Исследователи утонули в противоперегрузочных устройствах около своих приборов. Приборы приверженцев Трансцербера как будто собираются что-то показать. Впрочем, противники Герна клянутся, что их приборы вовсе и не думают показать хоть что-либо, кроме свободного пространства. За исключением одного прибора, который, по-видимому, случайно переориентировался в сторону Земли, видной отсюда лишь при максимальном усилении.

Пилоты оставили шахматный столик и сидят по местам. Фигуры на столике тоже стоят по местам. Уже ясно вырисовывается атака на белого короля, который остался без рокировки. Впрочем, пока атака отложена, пальцы пилотов лежат на пульте.

Семь до поворота... Шесть до поворота... Все спокойно.

Впереди волны изламывались. Гребни их, торопясь, опережали основания и обрушивались вниз, разбивались и таяли, оставляя в воздухе радужный туман водяной пыли.

Остров то скрывался в этом тумане, то выныривал, словно расталкивал мятущуюся воду крутыми боками пирамидальной, с усеченной вершиной горы. Остров медленно приближался.

Кедрин крепко вцепился пальцами в края доски. Наступал решительный момент. Сзади наплывала волна, мрачная как туча. Она была еще монолитной, молекулы ее двигались в полном согласии, и тем страшнее казалась волна снизу, из зыбкой водяной долины.

Он медленно вполз на доску — сначала грудью, потом животом. Волна исподтишка подлезала под доску, поднимая Кедрина все выше. Остров рос на глазах. Тогда Кедрин, подобрав ноги, встал на четвереньки. Он почувствовал, как волна понесла его вперед, все убыстряя бег, и, медленно выпрямив колени, Кедрин встал во весь рост, раскинул руки и полетел,

балансируя на доске, помчался сквозь радужный блеск, сквозь свой торжествующий, никому не слышный крик.

Волна оставила его на песке. Он лежал ничком, потом перевернулся на спину. Сел. Покрутил головой и улынулся. Набегала новая волна, и он встал и пошел от воды. Пройдя десяток метров, оглянулся.

Волны все так же катились, подгоняемые молодым, свежим ветром, изламывались, и падали, и снова вздымались. На досках, на аквапланах и лыжах, на размашистых катамаранах, в прозрачных шарах, на вогнутых платформах, на узких лодках с яркими, развевающимися, хлопающими и надувающимися парусами — на всем, что могло держаться на воде и взлетать на ее гребни, от берега к берегу мчались, стремились радостные, улыбающиеся, неслышно кричащие, ликующие люди, выносились на песок и, отдышавшись, вновь устремлялись в океан.

Кедрин глядел и улыбался. Потом он вспомнил, что скоро ужин, а завтра — завтра он начнет работать в группе обслуживания морского порта.

Он медленно пошел к сияющему огнями поселку.

Женщина обогнала его и на миг оглянулась. Затем, торопясь, пошла дальше. Женщина была очень красива. Чудесные глаза, размахнутые, как крылья. Было бы хорошо подойти к ней и сказать то, что в таких случаях столетиями приходило на язык всем: «Мне кажется, мы уже встречались когда-то...» Впрочем, глупо.

Женщина ушла вверх. Пожалуй, время ужинать.

Кедрин поднял голову. Обрыв нависал над ним, заслоня полсвета. Бесшумная река эскалатора выбивалась из земли и медленно текла ввысь, поблескивая на солнце твердым пластиком ступеней. Солнце было ослепительным, небо — чистым. Ветер дул, но облака проходили где-то стороной; наверное, в этом районе планеты облака сегодня не были нужны. Ветер с океана ударял в обрыв и путался в волосах. Кто ты, ветер? Ветер перемен? Ветер найденных ответов? Пусть ты будешь ветром найденных ответов...

Песок монотонно скрипел под ногами. Потом в его негромкое ворчание вплется высокий жалобный голос. Он шел, казалось, из-под ног, и Кедрин отпрянул. Полузасыпанный песком матовый купол шевелил гибкими отростками и жаловался на свою скучную судьбу. Кедрин шумно выдохнул воздух. Это был всего лишь прибор штормовой защиты, забытый здесь уже давно и так же основательно, как и сами штормы. Скоро песок занесет его совсем, вместе с суставчатыми рожками антенн... Кедрин зашагал дальше, а прибор все жаловался ему вдогонку, сожалел о штормах, которых не будет никогда.

«Мы не сожалеем о штормах, — подумал Кедрин. — Никто не ищет бури. Защищает нас единое в двух лицах — Служба Жизни и Техника Безопасности. И вдруг перестает защищать. Что произойдет со мной тогда? Неужели я все-таки трус?»

Он остановился. Ответ должен найтись сейчас же.

Он взглянул на обрыв. Смерил взглядом его высоту. Затем по заброшенному серпантину взобрался наверх.

Стоя на самом краю обрыва, он смотрел вниз и прикидывал.

Метров сто свободного падения. «Вот и посмотрим, трус ли я и как покажет себя одно в двух лицах...»

«Ты сходишь с ума, — подумал Кедрин. — Чтобы получить ответ, надо поставить эксперимент. В виде исключения — не на электронной модели. А на чем? Тогда сними с руки медифор. Сними. Тогда ты будешь испытывать себя, а не Службу Жизни и Технику Безопасности: сотни, тысячи людей, посвятивших себя охране миллионов жизней. Но, сняв медифор, ты просто разобьешься. Ты предашь жизнь».

Кедрин содрогнулся, потом он вяло двинулся к своему домику, выращенному за несколько минут из карманного стереотипа, пластмассовой конструкции сложных, скользящих очертаний, конструкции, не похожей ни на одну из соседних, таких же сложных и неповторимых. Стоя около дома, он долго следовал взглядом за всеми изгибами и стремительными скачками линий, создававших контур зданища.

Он торопливо вошел в домик, выслушал сообщение информатора: «Великая Аномалия пройдена; начат монтаж второго, внешнего метеорологического пояса; никто не заходил и ничего не оставлял; до ужина осталось полчаса».

В комнате Кедрин вызвал письменный стол, затем диван, прилег на него и подумал, что с ним что-то не в порядке и отдых пока что не помог, так что просто удивительно, почему Служба Жизни до сих пор не вызвала его.

Неужели и здесь его будет преследовать то, из-за чего он покинул прежнюю беспокойную жизнь, пытаюсь найти безмятежность в тихих стенах Института связи? Там был устоявшийся ритм. Гимнастика и бассейн — с утра. Драгоценные часы размышлений. Обед. Снова лаборатория, если хочешь. Если нет — что угодно. Читай, слушай, смотри. Или не делай ничего. Или иди гулять. Или к кому-нибудь — поговорить или помолчать, смотря по настроению. Или собраться втроем или вдесятером — и спорить, и соглашаться или не соглашаться, и пронзать вселенную логикой и интуицией, чтобы еще раз почувствовать себя хозяином бытия. Или играть в футбол, или жать штангу — и в конце концов ты снова оказываешься в лаборатории и надеваешь шлем Элмо, делающего беспредельными силы твоей мысли, и вот тогда ощущаешь себя властелином бытия по-настоящему.

«Властелин бытия, — усмехнулся он. — А вот Ирэн не выдержала. Ушла пять лет назад. И оказалось достаточно одного несчастного случая, чтобы сбить и с тебя спесь. Властелин, а?»

Что ж, значит, не должно быть несчастных случаев. Так говорит и Слепцов. Опытный и умный Слепцов. Такими он воспитал их. Велигай, чувствуется, с этим не согласен, хотя и не показывает виду. Но Велигай, кажется, не очень мощный интеллект. Человек, который там, наверху, занимается, верно, даже физической работой. В глазах Слепцова — это нонсенс».

Кедрин вышел из дома, медленно зашагал к площадке — ужинать. Не успел он ступить на площадку, как день внезапно погас.

На площадке были столики. Кедрин уселся у самой балюстра-

ды, за которой начинался склон. Негромко звучала музыка. Кедрин взглянул на середину площадки и вздрогнул.

Женщина — та самая — скользнула между низкими столиками. Танец был незатейлив и радостен.

Потом женщина шла к своему столику. Обычные щедрые пожелания счастья провожали ее. Она села неподалеку от Кедрина, за четвертый от него столик. Протянула руки, и ее пальцы легли на другие, неподвижно лежавшие на столе.

Ее спутник был немолод. Если женщина была бронзовой от загара, то его лицо казалось высеченным из северного камня. В глубоких морщинах лица гнездились холодные тени. Но камень внезапно ожил. Пальцы дрогнули, человек улыбнулся и что-то сказал — вернее, губы его шевельнулись, но Кедрин не услышал звука голоса, хотя и желал этого.

Он почувствовал внезапно, что хочет знать все об этой женщине с крылатыми глазами, которые смотрели так, словно у нее было все, что она лишь могла пожелать. И об ее спутнике с каменным лицом Кедрин тоже должен был знать все. Очень давно уже не возникало у него такого желания. Пожалуй, больше пяти лет — с тех пор, как... Но это не имеет значения. Пять лет — это много, даже когда человек живет сто тридцать, за пять лет многое может измениться и многое изменилось в нем. Он должен все знать об этой женщине...

Кедрин знал, что может просто подойти и спросить у нее об этом. Это было бы в порядке вещей. Но он знал также, что не подойдет; он почувствовал — при одной мысли о разговоре с нею у него начинают дрожать пальцы и учащенное дыхание высоко поднимает грудь. Нет, всегда бывает очень легко заговорить с теми людьми, к кому не испытываешь особого интереса, но заговорить с ней... Кроме того, Кедрин мог заговорить лишь невзначай, но чем больше он думал об этом, тем менее вероятной представлялась ему возможность подойти к ней.

Тогда он отвернулся и стал смотреть в ночь.

Светлую площадку окружала горячая темнота. Она была густой и ленивой. Она располагала не к действию или беседе, а лишь к неторопливым размышлениям. Во всяком случае, тех, кто хотел размышлять.

Люди, портовики и энергетики, были ярко одеты. Их голоса и смех растворялись в говоре волн и леса.

Лес шумел сдержаннее волн. Широкие листья деревьев поблескивали коротко и таинственно.

Можно было смотреть еще и вниз, на бухту. Там, чуть покачиваясь, лежал на фосфоресцирующей воде «Магеллан». Океанский лайнер набирался сил, чтобы завтра, взлетев над водой и опираясь на нее лишь стройными, обтекаемыми лапами, рвануться в Оран — аванпорт Средиземсахарского канала. Сейчас там был еще ранний вечер...

А на острове, где был порт, настала ранняя ночь, и люди со всех концов острова собирались туда, где были друзья, свет и прозрачный звон, летящий от звезд. Других звуков почти не было: остров находился вдалеке от тех людных берегов, где порой сама земля содрогалась от мощных движений машин и сдержанного гула титанических плазмоцентралей.

Люди входили, улыбаясь и раздавая слова приветов. Они пришли, чтобы после работы отдохнуть.

Кедрин взглянул: женщина и человек с каменным лицом все еще сидели на месте и так же негромко разговаривали, и это почему-то успокоило Кедрину. Он снова перевел взгляд на то место площадки, где был вход.

Люди все шли. Уже все места были заняты, и только к столу, за которым сидел Кедрин, не подошел еще никто. Не было принято нарушать покой человека, ушедшего в свои мысли, а Кедрин со стороны казался именно таким.

На самом же деле он не мыслил и даже не размышлял, потому что размышлять означает все-таки делать усилие, всесторонне обдумывая какую-то проблему. Кедрин же не делал усилий.

Он просто чувствовал, что чего-то не хватает. Хотелось чего-то другого, неясного: какого-то движения, чего-то неизведанного, незнакомого.

Он начал настраивать себя на прогулку. В теплой темноте, по влажному песку. Броситься в светящуюся воду. Плыть далеко-далеко. Лежать на воде. Нырнуть глубоко — насколько хватит дыхания. Смотреть на длинные, мерцающие тела рыб. Смотреть на звезды и их отражение в воде. И не думать. И не вспоминать.

Он уже совсем было встал. Потом снова взглянул на женщину и остался.

Он уйдет, а они останутся здесь. Потом они уйдут вдвоем, и он не будет знать куда. А если бы даже и знал... Ему не хотелось, чтобы они ушли вдвоем, хотя он и не видел, как сможет помешать этому.

Может быть, просто пригласить ее купаться? Всякий волен в своем выборе, и она тоже. К тому же может статься, это просто ее знакомый? Женщины не любят сидеть за столиком одни или с незнакомыми. Так оно идет с древности. Значит, можно подойти?

«Не подойдешь, — сказал он себе. — И никуда не уйдешь. Будешь сидеть здесь, и смотреть на них, и думать, что ты умеешь рисковать только в построении гипотез...»

Он опустил голову. Затем поднял ее, почувствовав на себе чей-то взгляд.

IV

На орбите Трансцербера «Гончий пес» сделал очередной поворот — и вот на экранах приборов взвиваются крутые пики. Наконец-то!.. Если это не Трансцербер, то что же? Приверженцы Герна встают в окуляры. Противники тоже. Шуриат самописцы. Автоматы держат курс, словно по линейке. Пилоты засели за вычислители и уточняют положение Трансцербера и его орбиту, которая, кажется, все-таки существует.

Капитан Лобов советуется с инженером Риекстом: идти ли на сближение с телом, называемым «Трансцербер», или, наоборот, уходить от него, но с таким расчетом, чтобы он постепенно догонял. С точки зрения астронавигации предпочтительнее второй способ, с точки зрения исследования — первый.

С точки зрения инженера Риекста предпочтительней второй способ: точка зрения инженера — это точка зрения двигателей. Капитану Лобову в общем все равно, но он склоняется к первому способу и выбирает второй: капитан Лобов не всегда доверяет своей интуиции и всегда — расчету.

Разворот на сто восемьдесят градусов. Перед капитаном вырастают негодующие исследователи...

Кедрин поднял голову.

Три человека стояли у входа на площадку и смотрели на его столик — единственный свободный.

Они были одеты, как все, и в то же время не так. Обычная одежда стесняла их движения. Она облегала их тонкие и, наверное, гибкие тела, казавшиеся какими-то слишком хрупкими по сравнению с мускулистами, пропитанными силой людьми из порта.

Они медленно двинулись по площадке. Глаза их шурились от света, при ходьбе трое чуть раскачивались из стороны в сторону, как раскачивались в старину моряки с тогдашних тихоходных судов, подверженных качке и всем прихотям моря. Один из вошедших нес чемоданчик, двое были налегке.

Трое подошли к его столику.

Кедрин нехотя кивнул, и они сели, плавно, как бы по воздуху, отодвинув кресла. Кедрин смотрел на них и чувствовал, что с каждой секундой они непонятно почему интересуют его все больше.

Они были одинаковы, хотя и совсем не похожи друг на друга. Сидевший слева был шире остальных в плечах; на лице его выделялись острые полукружия скул, глаза были полузакрыты, словно от боли или наслаждения, но Кедрин безотчетно почувствовал, что все мускулы и нервы этого человека напряжены до предела, натянуты, как пружина, и от чего-то неясного зависит, будет ли пружина раскручиваться долго и равномерно, приводя в движение механизм, или же развернется вдруг, подобно взрыву.

Средний — с длинным и худым лицом и со странным взглядом: в глазах его не было дна. Кедрин почувствовал, как его мгновенно, со сноровкой древнего механика, разобрали на мельчайшие части, тщательно осмотрели и ощупали — и вновь безошибочно собрали. Тогда Кедрин понял, что повернулся к среднему, повинувшись его взгляду. Он поднял брови, но средний уже повернулся к соседу справа — высокому и соразмерному, с лицом круглым и незатейливым, как северное яблоко, и насмешливо поблескивающими глазами. Поглядев на третьего, Кедрин осознал, почему они казались одинаковыми: такое впечатление создавали одинаковая неподвижность их лиц, одинаковый прищур глаз и одинаково, точно от легкой боли, сдвинутые брови.

Кедрину захотелось запомнить этот миг и этих людей. Ему показалось, что все это внезапно приобрело странное и глубокое значение.

Они сидели за столом неподвижно и, казалось, понемногу растворялись в окружающем, становились все менее заметными

на фоне пестрых костюмов и звуков. Даже яркая, пятнистая куртка на среднем из сидящих уже не бросалась в глаза.

Длиннолицый, разобрав и вновь собрав Кедрина, положил ладонь на середину стола, где на гладкой поверхности выступала клавиатура вкусовых заказов — хитроумной системы, заменившей немудрящих кулинаров прошлых столетий. Предвкушая удовольствие, длиннолицый совсем закрыл глаза, медленно нажал несколько клавиш, затем — кнопку посылки. Ответа не было — индикатор приема не вспыхнул. Возможно, это было неисправное устройство... В следующий момент круглолицый сосед справа, усмехнувшись, не глядя, пробежался пальцами по верхней кромке врезанного в стол прибора, нащупал что-то, нажал — крышка, откинувшись, осталась в его пальцах, открылась сложная схема.

Кедрин подумал, что такое не принято; это было, пожалуй, слишком для посетителя кафе. Но круглолицый запустил пальцы в недра схемы, извлек на стол все, что нашлось внутри тумбы, — невообразимую путаницу разноцветного монтажа. Кедрин должен был признать, что даже простое вкусовое устройство выглядит достаточно сложно. Круглолицый пренебрежительно закрыл один глаз, оглядел схему, словно прицеливаясь. Затем вынул из кармана крохотный инструмент, прошелся им по схеме. Инструмент тихо пощелкивал. Замолчал. Тогда нарушитель правил повернул что-то в датчике контактов. Индикатор приема вспыхнул. Круглолицый водворил схему на место. Через минуту лючок подачи раскрылся, на стол выдвинулись наполненные бокалы.

— Вот и все, — сказал длиннолицый. — Штука нехитрая. Уровень прабабушек.

— Ну, Гур, — сказал круглолицый. — Ну, ну...

— Кафе и кафе... — промолвил скуластый. — Вообще тут ничего... Люблю медленное передвижение.

Они говорили негромко. Голоса у них были одинаковые — низкие, глухие голоса.

Кедрин кашлянул. Трое посмотрели на него.

— Здесь весело, — выпалил Кедрин.

— Это хорошо, — сказал Гур, — наш друг Слава, Слава Холодовский, обожает веселье...

— Брось, Гур.

— Да... Помнишь, как ты смешил Игоря? — Гур говорил настойчиво. — Игорь... — он перевел взгляд на Кедрина, — Игорь хохотал сорок минут без остановки. Он хохотал бы еще, но ему наложили последний шов...

Кедрин вздрогнул.

— Да, простите, но что поделаешь: у него в двух местах был проломлен череп, и под руками не нашлось анестезирующих средств.

— У него текли слезы, — сказал Холодовский. — Тогда я еще не умел...

— Текли от смеха, — не согласился Гур. — От смеха, о искуснейший из накладывающих швы!

«Голова... в двух местах, — подумал Кедрин. — От этого можно умереть. Неважный повод для смеха. О страшном и непонятном они говорят, словно о чем-то естественном». И спросил:

— Конечно, случайность?

— Скорее закономерность, — ответил Гур. — Настоящие случайности редки — в их чистом виде...

— А где ваш друг теперь?

— Увы, он покинул нас, — грустно произнес Гур.

«Ужас, темный ужас!» — подумал Кедрин, а круглолицый укоризненно произнес:

— Ну, Гур. Ну, ну...

— Он ушел на экспериментальном корабле. На том самом, который стоил ему двух швов. До сих пор он шлет нам приветы. Только они не доходят. Ведь так, Дуглас? — Гур обратился к молчаливому скуластому спутнику. Тот кивнул.

— Стоит ли утомлять собеседника загадками? — сказал Кедрин. — Откуда вы?

Гур ответил:

— Неудобство нашего времени, о мой любознательный друг, заключается в том, что тридцать миллиардов живет на Земле, а профессий хотя и значительно меньше, но и их тоже — сотни тысяч, и нельзя знать одному всё. А человек по природе своей универсал... Так вот, только в Приземелье работают представители пятнадцати тысяч специальностей. О Заземелье я уже не говорю. Там их еще больше — хороших, добротных, уважаемых специальностей двадцать второго столетия. В специфику некоторых из них по временам входят проломленные головы. Вот вам ответ.

— А вы...

— А мы монтажники. Просто монтажники. Рабочие Приземелья. Звездолетный пояс, стационарная орбита двадцать четыре.

— Монтажники... — сказал Кедрин. — Монтажники... Что же вы там монтируете?

— Корабли, — сказал Гур, и его глаза, лишенные дна, уперлись в зрачки Кедрина. — Планетолеты, транссистемники и самое дорогое — длинные корабли.

— Вот, вот, Гур, — сказал Дуглас.

— Длинные корабли... — сказал Холодовский и посмотрел вверх. — За длинные корабли!

Они подняли бокалы, полные запаха и звона. В вине отразились звезды, свет в свете.

Кедрин кивнул головой:

— Хотел бы я посмотреть...

— Кстати, — сказал Холодовский, — это несложно. Летите с нами — и вы посмотрите.

— И в самом деле, мой друг, — сказал Гур, — почему бы вам не слетать на Звездолетный пояс?

— Нет, — сказал Кедрин. — Лететь с вами нет смысла. Я ничего не понимаю в кораблях. А кроме того...

Он взглянул туда, где сидела она; взглянул случайно, а может быть, и не совсем случайно.

— А кроме того, есть и другие причины...

«И эта причина, — подумал он, — живет на Земле. Такие, как она, живут только на Земле».

— Ну да, — сказал Холодовский. — Конечно, есть и другие причины.

— Почему-то, — серьезно произнес Гур, — никто до сих пор не взялся всерьез за изучение вероятности человеческих поступков в системах с неопределенным количеством неизвестных, имя которым «квазислучайности». Будь найден соответствующий алгоритм, он значительно облегчил бы вашу задачу, и вы уже сейчас поняли бы, что единственный выход для вас — идти и собирать вещи для полета на Пояс.

— Можно подумать, что вы...

— Для меня в этой системе одним иксом меньше...

Он хотел сказать еще что-то, но внезапно все трое вздрогнули и болезненно поморщились. Казалось, их ударило током, но это была всего лишь громкая музыка.

— Так вот, друг мой, для меня одним иксом меньше. И это так же верно, как и то, что мой длинный нос чувствует в воздухе какой-то необычный запах.

— А знаете что? — тихо проговорил Холодовский. — А вот нам случай проверить...

— Ну, ну, Слава, — сказал Дуглас. — Ну... Дразнить себя...

— А почему? А если он покажет запах? Тогда ясно будет, что этот этап пройден и что хотя бы в этой части мои мысли подтверждаются. Что, Гур?

— Лучше проверить, — сказал Гур, — чем не проверить. К тому же вы знаете мой принцип: если вы не знаете, остаться ли на месте или сделать шаг вперед, — в любом случае делайте шаг вперед!

— Что же, — сказал Холодовский. — Сделаем шаг вперед. К счастью, я своевременно отстроил прибор от фона.

Он поднял чемодан на стол, открыл его. На экране прибора вспыхнула красная точка, стала разгораться все ярче и ярче, потом чуть потускнела и снова разгорелась.

— Пожалуйста, — сказал Холодовский. — Что и требовалось...

— Но направления нет, — сказал Гур.

— Этого я пока не обещал.

— Ну, Слава, — сказал Дуглас, — а был ли мальчик-то?

— Это же твой озомер.

— И я могу ошибаться.

— Зато я не могу, — сухо сказал Холодовский. — Запах есть. Прибор фиксирует его. Грубо можно даже определить направление: источник запаха смещается приблизительно на норд — норд-ост. Что еще? Сила запаха? Пожалуйста, в этой точке — три миллиоза.

— Я не о том, — сказал Дуглас. — Есть ли сам запах? Мало что...

— Пожалуй, нет, — вмешался Кедрин. — Я почувствовал бы. У меня острое обоняние.

Никто не ответил, только Гур проворчал: «На Земле не может быть острого обоняния при таком фоне...» Потом спросил у Кедрина:

— Может здесь пахнуть дыней? Большой желтый плод...

— Знаю. Нет, не может. На всем острове вот уже четыре дня нет ни одной дыни.

— Ну, ну, — сказал Дуглас. Встал. Ритмично раскачиваясь, ушел к выходу. Гур лихорадочно черкал что-то на салфетке. Протянул ее Холодовскому.

— Если так, то здесь ставим озометрические посты...

Они едва слышно заговорили о преобразованиях Гарта применительно к рабочему пространству. «Странные люди, — думал Кедрин. — Больше им нечего делать, как всерьез рассуждать о запахе. Если чего-то и нет в пространстве, то именно запаха. У этих парней отсутствие дисциплины и целенаправленности мышления. Не говоря уже о том, что решать невооруженным мозгом преобразования Гарта применительно к чему-то там — ерунда. Все равно, что заколачивать головой гвозди. Такую черную работу дают на машину и используют лишь результат... Интересно, для чего им этот самый озометр? Странный прибор...»

Вернулся Дуглас, шагая так же неторопливо. Он уселся, поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Транспортная пустышка проходила к Дакару, — сказал он и помолчал. — Имела на борту груз текстобутира. — Он снова помолчал. — Текстобутир...

— Текстобутир, как известно всей видимой вселенной, пахнет дыней, о мой разговорчивый друг, — победоносно завершил Гур. — А что это значит?

— Что нам здесь больше нечего делать, — сказал Холодовский и встал. — Прибор нам сделать помогли. Можно считать, и испытания совершились. На какой высоте шел вакуум-дирижабль? Тысяча пятьсот? Если озометр засек запах при таком фоне, как здесь, то я и не знаю, что вам еще нужно. На чем мы улетим?

— Через двадцать минут приземлится «Кузнечик». Будет брать воду. Здесь как раз его соленость. Широта знаний украшает человека, друзья мои и соратники.

— А на нем?

— Куда-нибудь. В Казахстан или Атакаму, но с любого космодрома на первом же приземельском мы улетим. А пока еще успеем выкупаться. — Он повернулся к Кедрину. — Ну, было очень приятно, мой уважаемый друг. Но нам пора начинать жить по другим часам... Никогда не прошу себе, что мы не заказали ужин.

Кедрин не слышал. Он смотрел в другую сторону. На женщину. Она встала. Ее спутник остался один, и это был именно тот момент, когда надо было подойти к нему, и спросить обо всем, и ответить на все вопросы. И, может быть, когда она возвратится к столу...

Он уже шел, и каменное лицо придвигалось все ближе, но сейчас Кедрин стал бы сражаться даже с камнем.

Он сидел неподвижно, этот камень, подперев голову левой рукой, словно пытался что-то вспомнить или услышать. Да, он, кажется, прислушивался к тому, что происходит где-то далеко, страшно далеко отсюда...

— Я прошу вас сказать, — проговорил Кедрин.

V

На орбите Трансцербера все в порядке. Поворот «От Трансцербера» совершен. Небесному телу была предоставлена возможность догонять «Гончего пса» в свое удовольствие. Было

известно — планета нагонит корабль, было известно, где это произойдет, и было известно когда.

Маневр закончился, и пилоты вспомнили о том, что осталась незавершенной атака на белого короля, а исследователи вспомнили, что даже им иногда следует подкрепляться пищей, не имеющей ничего общего с планетологией. Капитан Лобов вспомнил, что один фильм им все-таки отложен на вечер, а инженер Риекст с грустью констатировал, что он, вернее всего, так никогда и не услышит, как работает диагравийонный двигатель. И тогда он услышал его.

Наращение шума произошло мгновенно, как взрыв. Одновременно взвыли сирены контрольного блока, дозиметры и авральные сигналы. Что-то со звоном разлетелось вдребезги. Кто-то охнул и смолк.

Капитан Лобов уставился на инженера Риекста и прохрипел слово, которого никогда не было и, наверное, не будет ни в одном из языков Земли, слово, изобретенное столь же мгновенно, как пришла беда. И инженер, может быть, не понял бы этого слова, если бы капитан Лобов одновременно не сделал обеими руками такого жеста, словно он собирался взлететь, воспарить к потолку рубки вопреки искусственной гравитации.

Жест этот был понятен, это был жест, предусмотренный инструкцией. И инженер Риекст, не колеблясь ни миллисекунды, упал вперед — так было быстрее всего — и в падении ухитрился сдвинуть предохранитель и ударить по красной выпуклой шляпке в дальнем углу пульта.

Катапультирование реактора было произведено вовремя, и он взорвался как раз на таком расстоянии, чтобы не повредить того, что осталось от корабля. Корабль лишился реактора, и двигателя, и энергии, если не считать аварийных аккумуляторов, о которых есerves говорить не приходилось, и всякой надежды обрести свой ход и уйти с орбиты Трансербера раньше, чем загадочная планета настигнет его.

Когда все это выяснилось, капитан Лобов разрешил экипажу ужинать. Сам же он прошел в рубку связи и начал срочно вызывать Землю, хотя это и обходилось аккумуляторам дорого. Все-таки с Землей надо было поговорить, хотя бы из простой вежливости, как сказал капитан Лобов, поглаживая щеки с таким видом, словно собирался бриться в третий раз.

— Я прошу вас сказать... — повторил Кедрин.

— Не слышу, — глядя мимо Кедрина, громко сказал человек с каменным лицом. — Не слышу... — У него был странный голос, высокий и курлыкающий. — Возьмите канал у метеорологов.

— Зачем? — растерянно спросил Кедрин. — Я хочу узнать только... — Он постарался сказать это как можно решительнее.

— Теперь слышу хорошо, не кричите, — перебил его сидящий. — Говорите... — Взгляд его все еще был устремлен куда-то вдаль. — Да?

— Где я смогу найти ее? Завтра?

— В зоне Трансербера... — раздельно и словно бы задумчиво сказал сидящий. — Так.

— Что? — сказал Кедрин и сделал шаг назад.

— Нет, ни в коем случае. Только шаг вперед... — каменный усмехнулся, но в глазах его была тревога. — Скажите: Седов уверен, что все будет в порядке. Да.

— Простите, вы...

— Я буду немедленно, — громко сказал человек с каменным лицом. — Слышите, немедленно!

Кедрин оглянулся. Была явно необходима помощь Службы Жизни, а до ее прибытия могли помочь трое монтажников, если они еще не ушли. Их не оказалось за столиком. Кедрин крутнул головой. Они стояли плечо к плечу за его спиной, и глаза их не отрывались от каменного лица.

— Вы что-то хотели? — сказал каменный, наконец-то заметив Кедрина. — Хотя все равно... — Он вытащил из уха капсулу, отлепил микрофон, приотившийся в углу рта, и тотчас же вернул все на место и, чувствовалось, сразу же забыл о существовании Кедрина и смотрел теперь только на монтажников.

— Что? — спросил Гур, и Кедрин удивился, услышав, как кратко он может спрашивать.

— Авария.

— У нас?

— «Гончий пес» с Лобовым. В зоне Трансербера. Взбесился гравигенный реактор. Катапультировали... — Человек с каменным лицом курлыкал и клекотал, однако трое отлично понимали его и, видимо, давно привыкли к протезу гортани. — Но корабль-то наш. Восемь человек. На обломках. Уточняют, сколько можно продержаться.

— Причина?

— Пока неясна. Хода нет и не будет, да и энергии... Ты помнишь, Дуг, их аккумуляторы?

— Помню, — сказал Дуглас, и по тону было ясно — он помнил их не с хорошей стороны.

— Тут нужны длинные корабли, — сказал Холодовский.

— Да. Длинные корабли. Ни одного сейчас нет в системе.

— Им и нечего делать в системе. Длинные корабли...

— Ну, Гур. Ну, ну...

— Значит, выход один, — прокурлыкал высокий голос. — Его надо построить.

Гур сказал скорее для себя:

— По программе длинный должен быть заложен через две недели...

— Заложим через неделю. Если не помешает запах...

«Ничего не понимаю, — подумал Кедрин. — Да и кто понимает?»

Видимо, остальные понимали.

— Запах не мешает.

— Ты ручаешься, Слава?

— Я ручаюсь. Озомер испытан.

— Останься здесь на неделю для развернутых испытаний. В пространстве нам его не испытать. Нет микроизлучателей.

«Нет микроизлучателей, — подумал Кедрин. — А что им сказать? Нет. Не рассчитав, нельзя обещать».

— Итак, остаешься на неделю.

— Нет, — сказал Холодовский.

— Ты знаешь его, Седов, друг мой, — проговорил Гур. — Мы тоже его знаем. Это Слава Холодовский в своей коронной роли. В роли истребителя запахов. Да буду я назван лжецом, если он не полетит с нами. Ты знаешь его.

— К старту... — сказал Седов, и трое шагнули к выходу. Женщина встретила с ними на полдороге, она возвращалась к столику. Длинный Гур протянул руку и что-то сказал. Она повернулась и стремительно пошла, обгоняя их. Яркая ткань платья растворилась в сиянии радужных ламп. Трое шли за нею. Они чуть раскачивались. От выхода Гур обернулся. Его взгляд нашел Кедрина. Гур махнул рукой.

— Делайте шаг вперед... — донеслось до Кедрина. Потом они исчезли.

— Итак, — сказал Седов, — вы хотели что-то сказать мне?

— Нет, — сказал Кедрин. — Ровно ничего.

«Ровно ничего, — подумал он. — Им предстоят дела посложнее, чем разговор о чувствах. Хотя для меня сейчас это самое сложное».

Он повернулся и смотрел снова на выход, в котором исчезла она и куда направлялся высокий и сутулый ее спутник. Ничего, сегодня она проводит своих знакомых. Оказывается, и те были ее знакомыми. Странно... Но он найдет ее завтра и скажет все... А сейчас ему не хотелось более оставаться здесь, где люди все так же громко разговаривали и смеялись, не зная ничего ни об ушедшей женщине, единственной в мире, ни об аварии — где это было? — в зоне Трансцербера. Кстати, что это такое?

Кедрин спустился с площадки и вступил в лес.

Мохнатые стволы обступили его, дрожащими точками заплескали светящиеся жуки. Маленькими планетами величественно плыли среди них голубые яркие многокрылые шарики, завезенные с иной планеты и прижившиеся почему-то только на этом острове, странные автотрофные организмы, подобных которым не было на Земле...

Он шел и чувствовал, что в какой-то невообразимый клубок, недоступный анализу, спуталось в его голове все: красота Земли, гибель Андрея, монтажники, женщина и авария в зоне Трансцербера... Мысли путались, как тропинки в лесу, одна из которых сейчас вела его неведомо куда. Была тишина, только на миг раздался гул, что-то светлое промелькнуло над головой, гул перерос в рев и опал, и вновь был покой. Лес дышал. Сгущались шорохи. Фосфоресцирующие ночные цветы с Эвридики сдержанно покачивали сухими стеблями. Рассудок молчал, молчала интуиция. Тропинки пересекали одна другую, и иногда на них мелькали люди, и слышны были смех и приглушенные голоса.

На миг ему стало жаль себя, потому что он бродил один и ему не с кем было посмеяться и не с кем было говорить приглушенным голосом, все повторяя и повторяя древние и вместе новые слова, которых он знал — внезапно он с удивлением убедился в этом — великое множество... Но тут же он подумал о монтажниках. Мысли о них вдруг захватили его, словно бы эти люди все время шли за ним по ночному лесу и вот теперь улучили момент.

Что же это была за работа? Он представил себе четверых — нет, пятерых, потому что Велигай, судя по микронизлучателям, тоже был из этих людей, — стоящими на каком-то помосте или площадке и напряженно вглядывающимися в бушующее пространство. Но он никак не мог придумать, что же должно бушевать в пространстве, и картины не получилось.

Это рассердило его, и вдобавок он едва не налетел на внезапно пересекавшего тропинку человека. Кедрин инстинктивно вытянул руки, и его пальцы ощутили странное, прохладное и гладкое вещество комбинезона.

Человек остановился, длинные крылатые глаза взглянули на Кедрина и узнали его. На миг в них мелькнула искорка смеха, и вновь только обычная доброжелательная вежливость тела под веками. Кедрин стоял растерянный, не опуская рук, извинения никак не могли выговориться. Не думая, он стиснул плечи женщины и поцеловал ее — неожиданно для себя еще более, чем для нее.

— Ну вот... — сказал он.

Она колебалась долю секунды. Потом улыбнулась:

— Здесь такой обычай, на острове? Или...

— Нет. Но...

— Впрочем, все равно. Пусть это будет прощанием с Землей. Прощай...

Кедрин догнал ее почти бегом и зашагал рядом, глядя не вперед, а на тонкое лицо женщины.

— Смотри на тропу, — не оборачиваясь, тихо сказала она. — Ты упадешь.

— А ты?

— Я нет.

Он послушно отвел глаза. Небывалый вечер, неизвестный край...

— Я правильно иду к Мыслителю?

Она заставила его ощутить конкретность пространства. Лес, людей на тропинках, один разлегся на теплой земле и устался на экран теленформатора.

— Ах... к Мыслителю? Тогда сейчас направо...

Она ускорила шаги. Обернувшись, улыбнулась в последний раз. Она простила... Впереди, у подножия статуи Мыслителя — не древнего, роденовского, а нового, Нилуа — Кедрин различил четыре отблескивавшие фигуры.

Монтажники смотрели на статую. Затем, не отрываясь, подняли руки — это означало, должно быть, что женщину заметили, и Кедрина удивила способность этих людей видеть, не поворачиваясь, все, что происходило по бокам. Потом они все-таки повернулись и вежливыми кивками попрощались с Кедринным.

— Время, — сказал Седов. Курлыкающий голос его был неожиданно звонок, но все же с хрипотцой, словно в металле была трещинка. — Вы проводили ее, это очень любезно с вашей стороны. Хотя это лирика. Прощайте.

Мыслитель остался один и все так же пристально смотрел вдаль, на лежащий за океаном континент. Пять силуэтов растворились в темноте. Кедрин прошел немного вперед, чтобы лучше видеть, как они уходят — и она с ними. Нет, он не встретит ее завтра...

Небывалое упрямство выросло в нем. Не встретит? Ну, это еще не доказано...

Он кинулся вдогонку по ровной светящейся — таково было ее покрытие — дороге, уходящей к бухте. Он бежал быстро, и, однако, когда достиг берега, с крутого борта темной машины, которой еще вечером здесь не было, уже убирали трап. Кедрин ухватился руками за последнюю перекладину и поехал вверх, больно стукаясь коленями о гладкий борт. Люк приближался. Тонкая рука вытянулась оттуда, схватила за ворот... Кедрин почувствовал, как его поднимают на воздух, и удивился неожиданной силе Холодовского. Тот задумчиво смотрел на Кедрина и чуть улыбался, и фигура его казалась столь же хрупкой, как и раньше, хотя он только что держал на вытянутой руке восемьдесят килограммов: свой вес Кедрин знал точно...

В салон его буквально втокнули и кинули в кресло. Сквозь задний иллюминатор было видно, как над водой взлетели и упали стрелы пламени. Их строенная ракета, длинная сигара над двумя покороче — «Зеленый прыгающий кузнечик», глайнер — скользнула по взволнованной, мигающей воде.

Бег ускорялся. Кедрин знал, что сейчас все на острове, кто мог видеть, смотрят на это чудо, которое не может примелькаться: тяжелый корабль уже не держался на воде... Блеснули короткие косые крылья. Вода закипела, гул проник в салон, громадный «Магеллан» осуждающе закачался у стенки...

На высоте пятидесяти километров моторы умолкли. «Прыгающий кузнечик» втянул крылья. Тогда Кедрин оглядел салон.

Он казался пустым, на этом витке ночные рейсы не собирали пассажиров. В салоне были только те пятеро — ну и, разумеется, шестой, сам Кедрин. Приняв сердито-независимый вид, он как бы невзначай подсел поближе к монтажникам.

Никто из них, казалось, не удивился, да никто из них давно уже не удивлялся поступкам, неожиданным лишь для человека, не видящего скрытой связи явлений... Только Гур чуть-чуть прищурил глаза.

— Логика погибла в лесу, — пробормотал он.

— Ну, Гур, — проворчал Дуглас. — Ну, ну...

— А что? Человек тем и отличается от животных, что обладает способностью поступать нелогично... — назидательно сказал Гур, устраиваясь в кресле поудобнее, и начал что-то излагать относительно логичности инстинкта. Никто не поддерживал беседы, и Гур умолк, обиженно проворчав напоследок:

— О люди, люди...

Кедрин молчал. Только теперь он стал по-настоящему удивляться себе. Ему вдруг показалось, что вот-вот начнутся какие-то совершенно необычные и очень важные события.

Однако это было не совсем так.

VI

На орбите Трансербера подсчитаны все ресурсы. Энергии хватит на пять месяцев, если свести все к минимуму и не слишком злоупотреблять связью. Так сказал капитан Лобов.

Все несколько приуныли, успев познакомиться с тем, как ка-

питан Лобов понимает слово «минимум» и как он понимает слово «злоупотреблять».

Впрочем, после этого капитан утешил всех или думал, что утешил. Он объявил, что команда и пассажиры — пассажирами числились исследователи — могут заниматься личными делами. После этого он сел к столику и стал бриться, предупредив, что искусственная гравитация будет выключена через двадцать минут: она в минимум капитана Лобова никак не входила.

Итак, капитан Лобов бреется третий раз за сутки. Пилоты садятся играть партию — двадцать первую за эту неделю. Они играют очень внимательно и сосредоточенно и только впоследствии обнаружат, что черный король шесть ходов подряд стоял под шахом и никто этого не заметил.

Исследователи уселись кто куда и принялись писать. Двое записывали свои соображения по поводу того, что обнаруженное тело, хотя и обладает небольшой (относительно) массой, все же должно быть признано планетой и просто удивительно, как это никто до Герна не обнаружил никаких признаков его пребывания на орбите. Двое других пишут нечто прямо противоположное, хотя и не отрицают существования на орбите некоего тела, ошибочно именуемого Трансцербером.

А некое тело, ошибочно именуемое Трансцербером, находится еще очень далеко, до него — по орбите — миллиард с лишним. Но оно догонит их и рано или поздно догонит. Еще не все ясно, но в глубине души все побаиваются, что это будет несколько рано. Хотя, когда бы это ни произошло, все равно будет слишком рано: реального способа спастись нет, и все знают — ни в одном космопорту сейчас нет длинных кораблей. Корабли строятся не для того, чтобы висеть в портах.

Других событий на орбите Трансцербера пока не происходит. Достаточно и того, что уже произошло.

Людям нередко бывает свойственно думать, что события лишь надвигаются. Сдерживая дыхание, они ждут их приближения в то время, когда события уже окружили их со всех сторон, уже прочертили в пространстве-времени свои пока невидимые трассы, и нужно не ждать их, а лишь разглядеть и приготовиться встретить во всеоружии воли и разума.

Понимание этого дается опытом. Пока его нет, человек может откинуться в кресле и ощущать, как медленно исчезает ускорение и тело становится все легче, потому что глобальный лайнер — глайнер «Кузнечик» стремительно приближается к вершине своей баллистической кривой, к точке, откуда начнется его медленное падение на Землю. Человек может украдкой (чтобы не показывать, что на такой машине он, как ни странно, летит впервые) оглядеть салон, подобный салону вакуум-дирижабля или внутриконтинентального лайнера, делающего не более трех тысяч километров в час. Только кресла стоят на каких-то подставках, закрытых матовым пластиком. И меньше иллюминаторов. И сами иллюминаторы меньше, чем на других средствах транспорта.

Человек может смотреть в один из этих иллюминаторов или — еще лучше — включить экран на спинке переднего кресла и лю-

боваться россыпью облаков далеко вниз, и ползушим медленно, чуть выше этих облаков, тяжелым транспортом с короткими, вынесенными в самый хвост крыльями, и виднеющимся вдаль Висячим космодромом, чья толстая гибкая платформа находится на высоте ста пятидесяти километров над Землей. На этой платформе накапливаются грузы, а затем их забирает большегрузный транспорт с Метеорологического или Звездолетного пояса или с другой орбиты Приземелья и увозит в пространство. Пассажирского сообщения с Висячего космодрома нет. Вокруг маленькой отсюда пластинки Висячего космодрома снуют жуки и стрекозы, которые становятся светляками, когда включаются их двигатели.

Чем еще может заниматься человек? Смотреть на бодро поднимающееся на западе солнце (оно летит куда медленнее, чем глайнер) или, наконец, размышлять, каким образом, вместо того чтобы спокойно спать в домике на острове, он несется куда-то вокруг Земли и неизвестно, куда еще попадет.

Но можно вовсе и не размышлять, а просто смотреть на людей — на тех пятерых, расположившихся в креслах чуть впереди. Тем более, что они не обращают на тебя никакого внимания. Они заговорили:

— Я не пойму: почему Лобов радирует о четырех месяцах? Ведь энергии должно хватить на пять — пять с половиной...

— Их догонит Трансцербер.

— Все-таки они нашли Трансцербер, — сухо сказал Холодовский. — Гери будет прыгать, и торжествовать, и произносить свое классическое: «Я же говорил...»

— Гери не будет торжествовать. Он будет рвать остатки волос и стремиться туда, чтобы пожертвовать собой для спасения этих восьми.

— Жертвы их не спасут.

— Расскажи это Герну.

— А впрочем, какое это имеет значение... Они нашли планету.

— Только бы она не нашла их, о мой категоричный друг.

— Я хотел бы, чтобы был еще один Транс...

— Запах — твой Транс, — курлыкает голос.

Они смолкли, и можно смотреть на любого из пятерых; на Седова, что снова как будто окаменел в своем кресле, и непонятно, спит он, или мыслит, или мечтает, или просто отдыхает, расслабив мускулы тела и связи головного мозга. Можно смотреть на женщину подле него — она, широко раскрыв глаза, глядит вдаль. Гур задумчиво выводит пальцем на выключенном экране какие-то фигуры, причудливые линии, в хаосе которых угадываются закономерность и ритм. Холодовский вложил в ухо капсулу приемника планетного вещания, но вряд ли слушает передачу: он что-то записывает. Дуглас, вопреки нормам поведения, разобрал такую же капсулу и критически разглядывает на свет какую-то едва видимую простым глазом деталь.

И вот, оказывается, можно смотреть на все это — и не разглядеть событий. Не увидеть их даже в хрусткой ленте фотограммы. Человек, вышедший из пилотской кабины, тронул Седова за плечо, протянул ему эту ленту и отправился обратно. Он шел по проходу, насвистывая и дирижируя указательным пальцем.

Седов прочитал радиограмму, не сделав ни одного движения сверх тех, что были потребны. Никто из остальных не повернул головы. Крайне нелюбопытны были они, хотя уже сам факт поступления фотограммы прямо на борт глайнера был многозначителен: не такая уж легкая задача — связаться с глайнером.

Пока Кедрин успел подумать об этом, Седов аккуратно свернул ленту, сунул ее в карман комбинезона и неторопливо застегнул карман. Затем он легко поднял из кресла свое угловатое, сутулое тело.

— Опять запах, — сказал он негромко.

— Я знал, — сказал Холодовский, — что сейчас не время для развернутых испытаний.

— Где мы возьмем озометры? — спросила женщина.

— Сделаем.

— Это предупреждение, — сказал Седов. — Нужна защита.

— Я сейчас думаю над этим, — сказал Холодовский, и это прозвучало так, как будто защита уже готова. — Моя гипотеза стала теорией. Это микрометеоры, тормозящиеся в статическом поле.

— Как запах проникает в экранированный скваммер? Не осветишь ли ты и этот вопрос, о достойнейший?

— Для защиты нужны дополнительные экраны.

— Просто и дорого, — сказал Седов, каменной глыбой молча стоя в проходе.

— Но необходимо.

— Ну, Слава. А если ты ошибаешься?

— Это мой Трансцербер. Я подбираюсь к нему два года. Надо скорей попасть на спутник.

— Мы будем там, — сказал Седов, — через час. — Он оглянулся, его взгляд зацепился за Кедрина. Миг брови Седова выражали недоумение, затем досадливо сдвинулись.

— Вы здесь... — сказал он. — Зачем вы здесь?

— Мне нужно, — ответил Кедрин.

— Куда вы?

— С вами.

Уголок рта на каменном лице неожиданно приподнялся в улыбке, и это было как будто цветок распустился на камнях. В следующий момент улыбка исчезла.

— Хорошо. Как у вас со здоровьем?

— Без ограничений.

— А на перегрузки?

— Я же сказал: без ограничений.

— Что ж, в худшем случае... Где ваш медифор?

Кедрин протянул руку, и Седов перевел регулятор на маленьком приборчике Службы Жизни.

— Теперь вы на контроле у нас. Идемте. Вы мне понадобятся.

Кедрин встал. Седов уже шагал к двери в пилотскую кабину широко и уверенно, словно по своей комнате. Кедрин настиг его лишь в рубке.

В глубоких овальных креслах сидели двое. Один — он выносил радиограмму, — насвистывая, глядел в потолок, накручивал и раскручивал с пальца болтающуюся на тонком проводе капсулу контроля за двигателем. Другой, с залысенным

лбом, читал книгу. Были люди, упорно не признававшие микро-чтения, или, как они говорили, микрочтива. Одно это давало представление об их характере, и вряд ли стоило просить такого о чем-нибудь не предусмотренном правилами.

— Вы — командир, — сказал Седов, обращаясь к читавшему.

— Говорят, — согласился тот, отведя руку с книгой, и с интересом оглядел собеседника. Потом взгляд его скользнул по Кедрину, но тотчас же вернулся к монтажнику и с удовольствием прошелся по его сухой фигуре. — Итак?

— Вы идете на Среднеазиатский?

— Среднеазиатский приземельных орбит, — уточнил пилот. — А вы идете в другую сторону?

Глядевший в потолок прыснул. Смеялись и глаза пилота. Кедрин понял — им было скучно. Но Седов пропустил вопрос мимо ушей.

— Давайте так, — сказал он. — Я буду спрашивать, вы — отвечать.

— Отвечать будет информаторий, — сказал пилот. — Сема, будь любезен, свяжи товарища с информаторием. У меня тут, — он ткнул пальцем в книгу, — назревает любовная драма.

Сема продолжал насвистывать, но рука его потянулась к кнопке.

— Мне необходимо на Звездолетный пояс. Срочно. Спутник-семь.

— Что же, — доброжелательно сказал пилот. — Со Среднеазиатского машина уходит к поясам через восемь... Сема?

— Через... семь сорок две точно, — и Сема продолжил прерванную мелодию.

— Через семь сорок две. Вы успеете.

— Мне нужно быть на Звездолетном поясе через час. Вместе с товарищами.

Сема перестал свистеть.

— У меня стратосферная машина.

— Просто старая машина, — с расстановкой произнес монтажник.

— Старая, — так же с расстановкой подтвердил пилот и отложил книгу.

— Их списали с орбитальных полетов и передали в стратосферу год назад. Но двигатели остались...

— Передали, — согласился пилот. — Земля бережлива. Но на большинстве двигатели уже выработали свой ресурс и заменены.

— У вас еще стоят Винд-семнадцать. Иначе сняли бы и группу отключения резерва, а она на месте.

— Я вижу, вы были там, — сказал пилот. — Допустим, я выйду в пространство. Пусть даже нас там возьмут маяки и подведут, куда надо. А чего ради мне отдавать свой сертификат?

— Жизнь людей.

В рубке стало тихо.

— Давно я не слышал этого ключа... С тех пор, как оттуда. И вы потеряли пять минут, с этого надо было начать.

— Надо было познакомиться с вами.

— Ясно. Нужно согласие пассажиров.

— Кроме нас, здесь только один. Вот он. Он согласен.

— Вы согласны?

«Ты согласен? — подумал Кедрин. — Это уже больше не игра, не романтическая погоня за возлюбленной. Да или нет?»

— Я согласен, — сказал он, но голос сорвался, и он повторил еще раз, более уверенно: — Конечно, согласен.

— Он согласен, — подтвердил Седов.

— Не забывайте, перегрузки будут не пассажирские.

— Он перенесет, — сказал Седов. — Конечно, перенесет.

Сема обернулся, подмигнул Кедрину и щелкнул языком.

— Ладно. Поставим вас на контроль. Только если ему станет плохо, мы не взлетим. Блокировка.

— Взлетим, — сказал Кедрин басом.

— Ну да... — мрачно пробормотал пилот. Он повернулся в кресле, почти не глядя, потыкал пальцем в клавиатуру решающего, столь же мрачно обозрел шкалу. — Учитывая износ машины, сорок семь процентов риска.

— Ради жизни людей я ходил на шестьдесят, — сказал Седов.

— Я ходил на девяносто, — пробормотал пилот. — И я знал людей, которые ходили на сто. Самсонов ходил на сто и пришел обратно.

— На Цербере? — Седов глядел на металлический кружок на правом рукаве пилота.

— На Диане, в оранжевой системе. Я — да, на Цербере. Через год снова пойду. Я сейчас отдыхаю. Займите места. Высплют нам, Сема?

— Высплют, — радостно сказал Сема.

— Высплют. Не забудьте присоединиться к контролю. Все. Сема, проследи.

Сема проследил. Возвращаясь в рубку, он остановился на пороге и доверительно сообщил пассажирам:

— Вы сделали старику подарок — лучше не надо. А то он говорит, что у него в жилах кровь свернулась в простоквашу. Сейчас он отведет душу...

— Звездолетчик, — пробормотал Седов. — Звездолетчик... Звездолетчик, — сказал Седов в третий раз, ставя точку, и, прекращая всякую лирику, откинулся в кресле.

«Звездолетчик». — подумал Кедрин, и тут же мысли сдвинулись с места, смешались, завихрились, канули куда-то. Кресла полезли вниз, одновременно поворачиваясь, раздвигаясь, превращаясь в диваны. В глазах потемнело. Пилот «Кузнечика» отводил душу. «Кузнечик» ревел тремя «Винд-семнадцать», наконец-то дорвавшись до форсажа. Громовым салютом глайнер попрощался с наезженной трассой, вырываясь в простор, о котором всегда мечтают даже маленькие корабли... И он, рыча от восторга, карабкался на вершину невидимого пика.

Далеко внизу, на Земле, в посту слежения и управления Глобальных трасс, диспетчер схватился за голову, на которой давно уже не росли волосы, и послал негодующую радиogramму. Сема мгновенно закодировал ответ. Диспетчер прочел, топнул ногой, призвал на помощь всех чертей и, одобрительно подмигнув неизвестно кому, пустил по спирали сообщение о том, что

Глайнер восемнадцатый задерживается в пути и на линию будет выслан резервный номер семьдесят три.

Корабль вышел в черное небо.

Пилот снял ускорение. Настала невесомость. Трижды, нарастая и ослабевая, во внешних дозиметрах прошумел неведомый прибой, означавший, что пройдены радиационные пояса планеты.

Распахнулось пространство; Земля уходила в сторону. Над ее выгнутой поверхностью всходили голубые конструкции астрофизического спутника номер пять. Шестой сиял в самом зените, на фоне давно знакомого созвездия, и вокруг него вспыхивали другие звезды, которых не было в астрономических каталогах. Тяжелый грузовоз оторвался от его причальной площадки, выбросил голубое облачко и начал снижаться к ажурным дискам Метеорологического пояса, нечастой цепью охватывавшего планету в меридиональной и экваториальной плоскостях. Где-то далеко справа вспыхнула и начала расплываться розоватая туманность — наверное, очередной планетолет ушел в рейс к внутренним планетам, — и сейчас же это облачко на миг затемнил проходивший перпендикулярным курсом нерегулярный патрульный спутник... Пространство Приземелья жило своей жизнью, и как бы в доказательство этого в телефонах утихали голоса планетного вещания, и их место занимали другие: люди на кораблях и спутниках переговаривались, шутили и спорили, иногда резким свистом их перекрывали закодированные тексты с лунных станций, и в ответ им летели такие же свистящие молнии с Земли. Впереди, пока еще в отдалении, возникли и становились все ярче зеленоватые светила Звездолетного пояса.

Кедрин не испытывал страха. Ему казалось все еще, что пространство нереально — невесомость кончилась, корабль шел с ускорением в одно «же». Пока ничего необычного не было... Разве что мигание предупреждающих табло и голос, раздавшийся в капсулах: «Внеочередной, внеочередной, даю пеленг, слушайте ваш пеленг... Включите ваших киберов на прием нашей посадочной программы... Какая частота ваших киберов?» — «Нестандартная, сажусь сам», — ответил несколько измененный передачей голос пилота. «Внеочередной, не уверен, что сядете». — «Пит, узнаю тебя по ушам, вспомни спецзону на Диане». — «Мишка, клянусь святым торможением, это вынырнул Мишка!» — «Взял твой пеленг, Пит. Включаю». — «Пузырь, пузырь, по кличке «Орион», куда лезете в наше пространство, освободите пространство для внеочередного!» — «Но я имею график». — «Поломайте его о колено...»

Началось торможение. Оно было плавным, тяжесть нарастала медленно, чувствовалось, что пилот работает, как мастер, — без лишнего напряжения, легко и точно. Двадцать четвертый дробь семь надвигался из пространства — громадный цилиндр, опосанный тороидами, окруженный радио- и световыми маяками, светящийся множеством иллюминаторов и габаритных огней. Глайнер выходил к торцу цилиндра. Вспыхивали сигналы. Спутник покатился, уходя из поля зрения. Загорелись звезды. Торможение усилилось, внезапно корабль завибрировал, и Кедрину показалось, что у него заняли целых шестьдесят четыре зуба — так много их вдруг оказалось. Но вибра-

ция кончилась, плафферовые шторы поднялись, закрывая иллюминаторы. «Мишка, у тебя есть переходник?» — спросил тот же голос. «Нет, это же теперь глайнер, к чему на нем переходник?» — «Ну, я не знаю, на всякий случай... До чего ты дожил — летаешь на глайнерах». — «После этого рейса не буду летать и на глайнерах, — мрачно пообещал пилот. — Так куда мне приткнуться?» — «Ладно, провались ты в Юпитер, примем вас в закрытый док, выйди на пеленг АМ».

Только сейчас Кедрин осознал: они действительно в пространстве, в приземельской пустоте, и рядом — громадный, медленно вращающийся спутник, и каждое неловкое движение может стоить слишком дорого кораблю, а значит и всем им. Вдруг он остро пожалел, что ввязался в эту историю. Куда спокойней все-таки на Земле, а к тому же пилот и тот, другой, вели разговор в каком-то недопустимо легкомысленном тоне. словно им приходится садиться и принимать корабли каждый день. Тут Кедрин сообразил, что им действительно приходится — и приходилось, и еще придется — делать это каждый день, и рассердился на самого себя, и в то же время ему стало смешно. В конце концов это вряд ли сложнее, чем справиться с Элмо, не говоря уже о компаунд-вычислителях.

Теперь в иллюминаторы уже нельзя было видеть спутник, но экран на спинке переднего кресла исправно показывал его крутой зеленоватый борт многоэтажной высоты, плавно закругляющийся вверху и, наверное, внизу, — видеоприемники смотрели чуть вверх. Борт медленно плыл по экрану, потом он внезапно кончился, что-то небольшое, но, безусловно, астрономическое промелькнуло по экрану. Кедрин сжался, ожидая неминуемого удара и каких-то еще более страшных вещей. «Это Костин, сорок девятый», — сказал Холодовский. «Опомнись, о зорчайший из моих друзей, это девятнадцатый — Тагава». Во всяком случае, это не метеорит, догадался Кедрин. В этот миг ускорение исчезло, и Кедрину так и не суждено было догадаться, какой тонкости требовал ввод корабля со шлейфовым двигателем в закрытый док. Монтажники, наверное, знали это, потому что все, как один, подняли большие пальцы, и даже женщина подняла большой палец. Послышался приглушенный, как шепот, звук, и вспыхнуло табло: «Выход».

VII

На орбите Трансцербера виновник торжества догоняет гостей, но скорость его не превышает расчетной. Капитан Лобов сидит, поглаживает щеку и думает: хорошо, что успели развиться. Инженер Риекст получил теперь занятие надолго: по показаниям приборов и записям самописцев он пытается установить, почему же в конце концов диагравийный реактор пошел вразгон. Пилоты бросили играть в шахматы. Теперь они играют в исследователей: один встал на сторону трансманов, другой на сторону трансобов. Собственно, это не совсем игра, если учесть, что пилоты имеют докторские степени. О самих исследователях говорить нечего. Они тихо сжигают свои нервы и фосфор на том самом костре, на котором все

время подогревается проблема Трансцербера. Они несколько успокоились с тех пор, как пришла фотограмма Звездолетного пояса: длинный корабль придет самое позднее через четыре месяца. Четыре месяца, как свидетельствует капитан Лобов, они продержатся вне всякого сомнения, даже пять. Молчаливый инженер Риекст, энергетический бог, подтверждает это: как известно, молчание — знак согласия. В конфиденциальном разговоре с инженером Риекстом капитан Лобов допускает и иную возможность: он подозревает, что скорость сближения «Гончего пса» и Трансцербера несколько больше той, которую показывают приборы, и что это происходит оттого, что какой-то негодяй — или даже два — кое-что немного разрегулировал. Инженер Риекст, знаток приборов, через полуоткрытую дверь глядит в сторону гипотетических негодяев, усмехается и соглашается с капитаном не только молчанием.

Но и они верят, что выход есть, потому что на Звездолетном поясе знают капитана Лобова, да и остальных тоже, а капитан Лобов знает шеф-монтера Седова, да и остальных тоже. Они найдут выход.

Седов стремительно прошагал к выходу, вслед заторопились остальные. Женщина оглянулась на Кедрину, но ничего не сказала, только чуть заметно покачала головой, и непонятно было, означает это истинное осуждение или одобрение под видом осуждения.

За входным люком оказалась маленькая площадка, от нее, шурша, убегала бесконечная лента. Где-то вдалеке на ленте виднелись фигуры спутников по кораблю. Пилот стоял на площадке и улыбался. Голос Семы доносился откуда-то снизу или сверху, сказать было трудно. Кедрин взглянул себе под ноги, и у него закружилась голова, словно он стоял на краю бездны. Почти так оно, впрочем, и было.

Он ухватился за поручни площадки, чтобы не упасть. Воздух был чист и плотен. Тяжести почти не было. Он закрыл глаза — головокружение продолжалось. Ему почудилось, что он стоит ногами вверх, потом — что лежит. Он снова открыл глаза. Свет клубился в громадном цилиндре, как теплая метель, все так же шуршала дорожка. Пилот похлопал его по плечу. Кедрин ступил на дорожку и поплыл над бездной. Верха и низа все не было. Дорожка привела его еще на одну площадку, и вдруг низ определился и лег под ноги, верх оказался над головой. Эскалатор повез его вниз. Почувствовав пол, Кедрин облегченно вздохнул и порадовался обретенной тяжести, потом поднял голову. Метрах в пятидесяти над ним, стиснутый могучими захватами, висел глайнер, а еще выше, на потолке, головой вниз ходили, кажется, люди. Кедрин сказал сам себе:

— Вот как?

Несколько человек остановились неподалеку — все в таких же отблескивающих комбинезонах, как и знакомые монтажники. Они, задрав головы, полюбовались на глайнер, потом один сказал:

— Вот назидательное зрелище из той романтической эпохи,

когда летали со шлейфовыми двигателями. Спорю, что на нем стоят «Винды». Как ты думаешь, романтик?

— Романтик не думает, — сказал другой. — У него зудят бока. Прорезывается вторая пара рук.

— Он взрослеет. Романтики всегда поздно взрослеют.

— Я встречал одного. Представляете, сидит читает. Глаза горят, ерошит волосы, топает ногами — аж сбивает курс. Я взглянул — ну, конечно, роман о межгалактическом перелете, фантастика. Читает и воображает себя героем. А шли всего-то регулярным рейсом к Марсу...

— Его бы на Диану. Там от таких остается куча праха и пара башмаков...

— Ладно. Заправим это чудо техники.

— Заправим... А посадил он его классно.

— Да. Искусство посадки исчезает, как искусство писать фантастические романы.

— Ну, ну, как говорит Дуг...

— Давайте заправлять. Скоро смена.

— Теперь сменами не обойдешься. Ребята горят у Транса. Они его нашли, а он в отместку...

— Лобов сигналил: в конце концов он нас нагонит, он не Ахилл, а мы не черепаха, хотя и вроде. Ходатайствует назвать его Ахиллом. Тогда, может, не догонит.

— Это Лобов... Подключай... Я ходил с Лобовым. Чем хуже, тем он веселее.

— Дай давление... Вытащим, если не помешает запах.

— Холодовский говорит: запах кончился. Я ему верю.

— Холодовский не говорит зря. С ним работать — удовольствие. Он на сварке стоял у меня в подручных. Давно, правда. Он сделает защиту... Курт, давай дозатор.

— Я даю дозатор. Холодовский — это колоссально.

— Внимание. Даю поток...

Кедрину не хотелось уходить отсюда. Это было интересно — и суставчатая труба, выползшая откуда-то из-под пола и дотянувшаяся до корабля, и люди, управлявшие этой трубой и какими-то связанными с нею механизмами. Кедрин подумал сначала, что все это дело автоматов и людям нечего терять время на такие операции. Потом он сообразил, что никто не станет держать на спутнике автоматы для заправки таких кораблей, которые не заходят на спутник и уже списаны с орбит. Значит, если бы люди не смогли что-то наладить, корабль вообще нельзя было бы заправить, пришлось бы специально привозить автоматику с Земли. А если бы пришлось тебе, ты бы смог? Нет... Я ведь в этом ничего не понимаю. Да, здесь людям приходится быть если не универсалами, то что-то вроде этого.

Один из монтажников покосился и сказал: «Пассажир...» «Пассажир», — откликнулся другой, и это было все.

К Кедрину подошел маленький, плотный человек.

— Вы с глайнера? — спросил человек. — Шеф-монтер просил меня побыть с вами. Может быть, вы хотите осмотреть спутник? Я бы на вашем месте не стал осматривать спутник. Обыкновенный спутник, ну и что? Это закрытый док. Он принимает корабли для ремонта.

— Большой док, — сказал Кедрин.

— Нет, маленький корабль. Сюда может зайти и транссистемный. Длинный, правда, не может.

— Длинные корабли — это звездолеты, да? А почему...

— Почему длинные? Потому, что они длинные, конечно. Нелзя же длинный корабль назвать коротким. А кроме того, они ходят на длинные дистанции. Звезда Арвэ, например...

— Я не силен в астрономии.

— Конечно, этого же нельзя требовать от всех. Но уж характеристики-то Арвэ вы знаете?

— Не знаю, — виновато сказал Кедрин.

— Он не знает, — сказал человек. — Оказывается, есть люди, которые не знают характеристик Арвэ. Хорошо. Так что вы будете делать? Я сегодня дежурю по спутнику, у меня не очень много времени. Или вы хотите уже обратно на Землю? Извините меня за нелюбезность, но около этого проклятого Трансцербера гибнут люди. Если бы я мог это предвидеть, я бы и не занимался вычислениями.

— Какими?

— По определению орбиты. Меня зовут Герн, и это я открыл его. Разве я мог знать, что у них разнесет реактор? Я не мог этого знать. А здесь Кристап ранен...

— Спасти их возможно? — спросил Кедрин.

— Проклятый запах...

— Так что же такое запах?

— Если бы я знал это, так я бы был умен, как Холодовский. Но я не Холодовский. Это угроза людям — вот все, что я знаю. Идемте к шеф-монтеру.

— Зачем?

— Он просил привести вас. Откуда я знаю зачем?

— Да зачем в самом деле? — проговорил голос за спиной. — Я бы отказался... Так хорошо у Слепцова...

Кедрин резко обернулся. Наивные глаза смотрели на него, они доброжелательно улыбались, и выражение безмятежности господствовало на лице.

— Вы... — сказал он, но Велигай приветственно поднял руку.

Глухо стукнула дверь, уведившая куда-то — просто куда-то. Кедрин затоптался на месте, не зная, то ли броситься за Велигаем, то ли... Герн, обернувшись, схватил его за рукав.

— Так что, я должен вести вас за ручку?

— Кто он в конце концов?

— Кто он?

— Велигай.

— Велигай? — спросил Герн, и его брови полезли вверх. — Такого монтажника нет...

«Этого еще не хватало», — подумал Кедрин.

— Вы пойдете? Или вас надо нести?

— Да иду я, — с досадой сказал Кедрин.

Они шли по залу, по гулкому полу. Кедрин старался ступать осторожно, ему казалось: ступи посильнее, и громкое эхо разнесется по всему огромному цилиндрическому объему. Герн шел, чуть раскачиваясь, шаги его совсем не были слышны. Потом лифт долго нес их вниз. Они вышли в длинном коридоре. И спереди и сзади коридор плавно загибался, уходил вверх, и Кедрин

понял, что они находятся уже в одном из огромных торондов. Пройдя метров пятьдесят, Герн остановился возле двери.

— Вообще-то он здесь, — сказал Герн, глубокомысленно подняв брови и почесав нос. — С одной стороны... А впрочем...

Он открыл дверь. Кедрин вошел. И тотчас отпрянул назад, прижался спиной к стене.

Шеф-монтер даже не заметил его появления. Он сидел на стуле подаль от лежа, на котором лежало что-то завернутое в белые ткани, и из этого белого торчали только голова и рука. Глаза лежащего были закрыты; три длинные гибкие металлические лапы, выходящие прямо из потолка, покачивались перед ним — одна тянулась к руке, две другие, медленно втягиваясь, поднимали к потолку какой-то блестящий прибор. Первая лапа схватила лежащего за руку, обернулась вокруг кисти, что-то прижала к ней — лежащий поморщился и, не открывая глаз, проговорил:

— Ух, ух, какая пакость!..

— Не ври, — сказал Седов. — Не больно.

— Терпеть не могу таких холодных прикосновений. Как будто лягушку гладишь. Тебе приходится?

— Давай серьезно, Кристап, — сказал шеф-монтер.

— Если серьезно, то они меня залечат, а мне всего лечения — покрутиться в пространстве. Подумаешь, пара синяков. — Он умолк, на лбу его проступил пот. Тотчас же сверху спикировала лапа с тампоном, вытерла пот, убралась восвояси. — А вообще подносилась моя электроника...

Голос его был тих и в то же время очень громок, и громким было хрипловатое дыхание. К тому же звук голоса шел откуда-то совсем с другой стороны. Лишь взглядевшись, Кедрин различил прозрачную стену, разделявшую комнату пополам.

— Вот подлечат — покрутишься в пространстве, — пообещал Седов. — Сейчас нам придется крутиться. Сроки по длинному сокращаются...

— Месяцев за пять сделаем, — сказал Кристап.

— За пять сделаем, — согласился шеф-монтер. — А надо за три.

— Пожалуй, не сделаем.

— Как же мы не сделаем?

— Сделали бы, если бы не запах. Такого запаха не было даже в Экспериментальной зоне.

— В Экспериментальной не было.

— Слушай, — сказал Кристап, и даже попытался приподняться на локте, и открыл вдруг заблестевшие глаза. — А ты помнишь, чем пахло на Экспериментальной?

— Арбузами пахло.

— Арбузами... — сказал Кристап и засмеялся. — Вот именно, что арбузами. Так мне тогда хотелось арбуза!.. А сейчас не хочется.

Наступило молчание. Кедрин почти решился открыть рот, как Седов негромко сказал:

— Ну, давай, что ли, рассказывай...

— Понимаешь, — сказал лежащий, — главное — неожиданность. Ни тебе солнечный патруль, никто и ничто не могут предупредить. Вдруг наплывает этот запах. Дышать становится не-

чем, чувствуешь — сейчас задохнешься, конец. Начинает мерещиться всякая ерунда — литиевые озера... В общем страшное. Ну, и не хочешь, а задерживаешь дыхание, чтобы избавиться от этого запаха. Теряешь сознание... А уж на что я потом налетел, этого я не знаю. Спроси что-нибудь полегче...

Он говорил все медленнее и на последних словах как будто бы совсем задремал. Шеф мрачно взглянул в потолок и негромко сказал:

— Разбился он крепко. Вы бы его в гипотермический, что ли? Пусть отлежится, отоспится...

— Его на Землю надо, — ответил кто-то сверху, где никого не было.

— На Землю! — сердито сказал Седов. — Лечите здесь. Монтажники в таком виде на Землю не уходят. Подумайте, может, гравитацию снять? Думайте, через полсмены я загляну. И чтобы к нему — никого...

Он медленно поднялся, обернулся, взгляд его тяжело уперся в Кедрина, наполовину заслонявшего собою небольшого Герна.

— Что такое? Я же сказал...

— Вы сказали привести...

— Сюда? А если бы я сидел...

Он не сказал, где он сидел бы.

— Ну ладно. Как вас зовут-то? Ага, Кедрин. Вот что, Кедрин. Попали вы сюда, может, случайно, может, не случайно — не имеет значения. Пространство любите?

— Нет, — сказал Кедрин. — Не люблю.

— Значит, все лучшее у вас впереди. Еще полюбите... И страх пройдет. Каюту вам ГERN покажет, раз он дежурный, хотя он и скверный дежурный.

— Но послушай, Николай...

— А что? Хороший дежурный, да?

— Нет, при чем тут... Нельзя же так, шеф. Может быть, он не хочет. А потом к нам просятся — мы не берем, а тут...

— Не хочет — захочет. А что просятся, пока их привезут, а мне люди нужны сегодня, и он сегодня здесь. Я бы и того пилота не выпустил, но корабль кому-то надо увести. А Кедрина мы сегодня же и обучать начнем...

— Да слушайте же! — вспыхнул Кедрин. — Я совершенно...

— Стоп, — сказал Седов. — Сбросьте ускорение. Слушайте меня. Кому суждено быть монтажником — он им будет. А вам суждено, это я вам говорю. Короче, здесь каждый комплект рук ценится больше, чем на Эвридике. Речь идет о спасении людей. Честно говорю, что ста процентов гарантии у нас нет. Но у тех, о ком идет речь, нет и десяти процентов. Решайте.

«Что за черт! — подумал Кедрин. — Это насилие — так ставить вопрос». Но он вспомнил, как не прыгнул с обрыва. Тогда это было бессмыслицей. Теперь — нет. И она здесь...

— Я согласен, — сказал он.

— ГЕРН! Покажите ему каюту и швырните его в пространство. Мне пора.

Они постояли на месте, провожая шеф-монтера взглядом, пока он не скрылся за выпуклостью потолка, поднявшись, казалось, по отвесной стене, и Кедрин почти готов был поверить в его

способность ходить по вертикальным стенам. Герн тронул его за локоть:

— У нас мало времени...

— Покажите мне каюту.

На перекрестках коридоров виднелись небольшие, видно, самодельные таблички. На одной было написано: «Проспект переманных масс», на другой — «Переулок отсутствующего звена».

Герн сказал:

— Здесь живет Гур, с которым вы прилетели. Названо в его честь.

Кедрин не уловил связи между Гуром и отсутствующим звеном, но спрашивать не стал. Как и проспект, переулок был тих и залит светом. Пол слегка пружинил под ногами, иногда шедшие вдруг высоко подскакивали — колебалось напряжение гравитации, видимо, барахлили гравигены. Впрочем, напряжение колебалось только в переулке.

Потом был еще один проспект — не салатный, а цвета слоновой кости. Герн сказал:

— Вот это ваша...

Это было просторное помещение с закругленными углами. Потолок ярко светился теплым, розоватым светом.

— Вечерняя заря, — сказал Герн. — У вашей смены кончается день.

В каюте почти не было мебели, только два низких шкафчика, такой же низкий столик, микрофильмотека — и все.

— У нас каждый живет, как ему нравится, — сказал Герн. — Здесь жил Тагава. Он перешел в смену Кристапа и в его каюту.

— А как же с мебелью?

— Закажите, — равнодушно сказал Герн. — Стереотипов полно... — Он прошелся по каюте, отворил одну дверь. — Здесь — помещение для работы. Тагава — микробиолог, но свои склянки он заберет. Вы связист? Закажите оборудование... — Он сделал еще несколько шагов, распахнул маленькую дверцу в углу. — Здесь все прочее...

Кедрин осмотрел и все прочее.

— Нет, — сказал Герн. — Это несложно — не вакуумное устройство. У нас только частично экоцикл... Ну, осмотрели? Теперь пошли.

— Куда? — спросил Кедрин, чувствуя, как дыхание выходит из-под контроля.

— Вы что, не слышали, что сказал шеф-монтер? Очень просто, сейчас я вышвырну вас в пространство...

VIII

В пространстве, на орбите Трансцербера, стало несколько спокойнее, чем раньше: споры о сущности некоего небесного тела, именуемого Трансцербериом, понемногу утихают — тем быстрее, чем меньше становится расстояние, разделяющее небесное тело и тело земного происхождения. Разумеется, спор утихает лишь потому, что с приближением небесного тела увеличиваются воз-

возможности разобраться в его природе, а не по какой-либо иной причине.

Капитан Лобов доволен порядком и не замечает того, что теперь два прибора постоянно ориентированы на Землю. Ведь если бы он заметил это, ему пришлось бы указать исследователям на нарушение программы работ, и он не замечает.

Инженер Риекст недоволен тем, что ему, по существу, нечего делать. Единственное, что ему осталось, — вести контроль за расходом энергии, и он ведет контроль так, что капитан Лобов одобрительно кивает головой, замечая все новые и новые источники экономии.

Пилоты, завершив дискуссию по поводу Трансцербера, возобновляют шахматный турнир. Турнир идет с переменным успехом. Они не думают о том, что без двигателя, по сути дела, они просто брошены в пространство. Не в первый раз они в пространстве...

Герн швырнул его в пространство. Оказалось, что это очень просто и даже не так страшно. Герн провел и провез его по ходам и переходам и радиальным шахтам спутника. Они проходили мимо многих помещений, тихих и оживленных, больших и маленьких. В одном месте до них донеслась музыка, потом она умолкла, кто-то стал читать стихи. Герн разъяснил: отдыхает вторая смена, кто хочет — собирается в кают-компанию, где можно развлекаться, и, между прочим, поговорить обо всем, о чем следует, и сделать выводы. Потом они оказались перед массивной дверью. Она медленно растворилась, и по ее толщине и медленному, величественному движению Кедрин понял, что за нею и должно находиться грозное пространство.

Он хотел бесстрашно шагнуть вперед, но на миг отказали ноги.

— Вперед, вперед! — закричал Герн и подтолкнул Кедрина в спину.

— Ну чего, — сказал Кедрин, — я и сам иду, не видите, что ли?

Но и за этой дверью с первого взгляда не обнаружилось ничего странного. Кедрин зашагал по узкому коридору. Потом Герн ухватил его за рукав и толкнул дверь.

— Вот, — сказал он.

Здесь была каюта, только потеснее, и не такая веселая, и не такая уютная — просто четыре стены, койка и столик. Голый пластик и немного металла.

— Живите, — милостиво сказал Герн. — Живите здесь.

— А там? — спросил Кедрин.

— Туда вы вернетесь через неделю. Во-первых, — сказал Герн и выставил один палец, — здесь вы пройдете соответствующее медицинское исследование, раз уж вы попали к нам контрабандой. Во-вторых, — он выставил два пальца, — во-вторых, вы освоите скваммер. В-третьих, освоите пространство. В-четвертых, примы работы. И, в-пятых, — он выставил кулак, — все это будут вам не прогулки на глайнере и не ваше коптение там, на Земле, или пусть я буду не Герн, а кто-нибудь.

Вот поэтому вы с недельку поживете здесь. Побудете без спутника.

— А это не спутник?

— А, — сказал Герн, — это старый корабль. Он уже не может летать, но воздух он держит, и вообще все на нем в лучшем порядке. Мы пришвартовали его к спутнику, нельзя же, чтобы пропадал герметический объем.

— Все равно, — сказал Кедрин, — я буду ходить на спутник в свободное время.

— Он думает, у него будет свободное время, — сказал Герн. — Вы слышали? — он поднял плечи до ушей. — Нет, а? Пойдемте к скваммерам.

— Что такое скваммер?

— Почему это, — трагически спросил Герн, — новичков всегда привозят в мое дежурство?

Скваммер оказался довольно внушительным сооружением — именно сооружением и уж никак не костюмом. Вообще-то это был скафандр, каким пользовались при монтаже кораблей и искусственных спутников непосредственно в пространстве. Он напоминал грубо высеченную человеческую фигуру, у которой не было резкой грани между головой и туловищем. Вернее, скваммер напоминал бы человеческую фигуру, если бы у него было две руки, но у него было четыре. Небольшая дверца была на той стороне, которая, как и следовало ожидать, оказалась спиной.

Скваммер стоял в позе великого магистра древнего рыцарского ордена. Герн похлопал магистра по крутому бедру, и тот ответил гулким, низким звоном.

— Управлять скваммером, — сказал Герн, — может новорожденный. Мог бы, если бы были скваммеры такого размера. Учтите: я не педагог, а астроном. Запоминайте сразу или спрашивайте, но не фантазируйте.

Он извлек из скваммера шлем, напоминавший шлем Элмо, привычный шлем электронного «мозга», и четыре широкие манжеты, от которых тянулись провода, как объяснил Герн, к сервоустройствам. Без их помощи человеку («будь он даже силен, как Дуглас», — сказал Герн) нечего и думать сделать в этих доспехах хотя бы одно движение.

— Это надевают на руки, — сказал Герн, — а это — на ноги. Если вы перепутаете, вам придется ходить на руках. А это — на голову.

— А у меня только пара рук. А здесь — две.

— А зачем у вас голова? Второй парой управляют головой. Голова у вас есть?

Потом он влез в скваммер и показал, как надо в нем устроиться, где и что находится. Затем он захлопнул за собой дверцу, и вдруг скваммер тяжело шагнул вперед. Кедрин невольно отпрянул. Грузно переваливаясь с ноги на ногу, скваммер сделал несколько шагов по камере, повернулся и возвратился на место. Остановившись, он трагически воздел все четыре руки и опустил их.

— Теперь вы, — сказал Герн, вылезая, — забудьте, что вы умеете ходить, и учитесь заново. Как говорит наш Гур, делайте шаг вперед!

— Все-таки зачем столько рук?

— Вам еще придется пожалеть, что их не вдвое больше.

— Еще вдвое больше — это было бы чересчур, — пробормотал Кедрин.

Он влез в скваммер и в два счета убедился в том, что ходить он действительно не умеет. На коленях, наверное, будут основательные синяки. Потом он целый час кружил по камере и сквозь прозрачный изнутри фонарь без особого дружелюбия разглядывал Герна, который в это время пил кофе с лимоном. Потом Герн сделал ему знак остановиться и спросил: «Ну, а связь вы уже умеете включать? А как вторые руки?»

Со вторыми руками было хуже, от попытки привести их в действие начинала болеть голова. Кедрин старался приспособиться

к скваммеру, автоподстройка скваммера принаравливалась к Кедрину. В конце концов руки стали шевелиться.

— Устали? — спросил Герн.

Кедрин вздохнул и сказал:

— Нет.

— Тогда идите в пространство, — сказал Герн.

Пришлось лезть в другой скваммер, уже не тренировочный. Герн довел его до выхода, зацепил за скваммер длинный тонкий тросик и посоветовал не своротить спутник и не наматываться на корабль.

— Трос — это пока, — сказал он, — чтобы вы сразу не улетели к звездам. Есть такие — сразу хотят лететь к звездам.

Потом он хлопнул Кедрина по железной спине и сказал: «По могутной спинушке». Но Кедрин его уже не услышал, потому что у Герна не было связи.

Кедрин подождал вакуума. Потом он, как учил его Герн, встал на люк, и люк тотчас же провалился под ним. У Кедрина закружилась голова, и центробежная сила вышвырнула его в пустоту.

Он летел и ждал, когда его остановит трос, а трос все не останавливал, и Кедрин сообразил, что, верно, карабин тросика отцепился и скваммер все-таки летит к звездам. Надо было остановиться, и это можно было сделать только с помощью ранца-ракеты.

Монтажники, по уверениям Герна, владели этими ранцами в такой степени, что им ничего не стоило передвигаться с точностью до полуметра и еще точнее, если даже пролететь надо было сотни метров. Они будто бы делали это с первого импульса, не расходуя ни грамма массы на коррекцию пути. Они владели ранцем с такой же непринужденностью, с какой рыбы владеют плавниками. Но Кедрину сейчас надо было просто остановиться, и он вдруг потерял уверенность в том, что сумеет это сделать.

Стараясь включать гиросулы горизонтالي и вертикали лишь на едва уловимые промежутки времени, Кедрин начал поворачиваться в пространстве, нацеливаясь на корабль. Корабль все убежал куда-то вверх. Теперь Кедрин летел спиной вперед. Пока он справился с гиросулами, корабль оказался уже так далеко, что Кедрину стало холодно и страшно захотелось обратно.

Он нащупал стартер и хотел нажать его, но пришла мысль, заставившая его поспешно убрать ногу в самый угол просторного башмака и тяжело перевести дыхание. Если сейчас из-за неумения импульс получится слишком сильным, то удар о корабль будет означать только конец и ничего больше. Он злобно посмотрел на корабль и на idiotские торонды спутника. Все-таки надо целиться не в корабль, а чуть выше.

Кедрин снова подвинул коробочку прицела до фиксатора и при помощи гиросулы, наконец, привел себя в нужное положение. Потом начал нажимать правой ногой на стартер, и это нехитрое движение вдруг показалось ему необычайно опасным.

Он нажимал очень осторожно, и ранец-ракета, как ему показалось, не включался страшно долго. Это было не шуточное дело — выстрелить самим собой. Дыхание Кедрина гулко отдавалось в скваммере, других звуков не было, и вообще ничего

не было — звезды были далеко, и корабль — тоже. «Странно, — подумал Кедрин, — я думал, что Приземелье населено куда гуще».

Ракета не включалась, и Кедрин, наконец, нажал изо всех сил. Корабль из глубины пространства стремительно понесся на него, и Кедрин еще не успел испугаться, как корабль пронесся под ним и стал удаляться еще быстрее, чем в первый раз, только в другую сторону. Кедрин судорожно схватился за гирури, пальцы его дрожали.

Еще несколько раз он качнулся, как маятник, оказываясь то по одну, то по другую сторону корабля и всего спутника, видимого в общем с ребра. Наконец Кедрин затормозился, и корабль перестал удаляться. Он неподвижно висел в нескольких километрах. Это было так хорошо, что Кедрину не хотелось трогаться с места, хотя еще больше хотелось покинуть пространство раз и навсегда. Он отдыхал, нервная дрожь постепенно проходила. Он включил связь — наугад, на чью-то частоту. Кто-то негромко сказал: «Убери ригель». Кедрин удивился, потом вспомнил, что это не ему. «Теперь хорошо, — сказал голос, — вари». Кедрин сменил канал. «Отойди на метр левее, — сказал бас, — переведи на вторую дорожку». Странно было, что так спокойно можно говорить в пространстве. Как будто людям не было страшно. Кедрин вспомнил о страхе, и страх охватил его.

Кедрин понял, что висит сейчас в пустоте, практически ничем не защищенный, лишенный спасительной оболочки спутника, и в любую секунду, из любой точки мироздания может примчаться тот метеор, который без особых усилий проникнет оболочку скваммера, и тело Кедрина, и снова скваммер и полетит дальше, лишь немного потеряв скорость. Ощущение надвигающейся гибели стало вдруг настолько реальным, что Кедрин втянул голову в плечи и сжался внутри скваммера насколько мог, а скваммер послушно повторил его движения и тоже поджал ноги и прижал локти к бокам.

Так он провисел сколько-то времени, закрыв глаза, но метеора все не было, он мог и совсем не прилететь или промчаться мимо на расстоянии сантиметра, и Кедрин его даже и не заметил бы. Он висел, и не было сил даже удивиться тому, что же заставляет его быть здесь и ради чего люди вообще выходят в пространство, когда есть чудесная, безопасная Земля.

— Ничего, — сказал он. — Я сейчас соберусь. Отдохну немного. Ничего...

Он пошевелился в скваммере, пытаясь устроиться поудобнее, хотя при невесомости на него ничто не давило и ничто его не стесняло. Но все же он устроился поудобнее, чтобы доказать себе, что он еще хозяин своего тела — пусть не скваммера, пусть не пространства.

Он взглянул в пространство. Это было очень страшно, гораздо лучше было смотреть внутрь скваммера, на рычажки, провода, на собственные колени... Но все же он взглянул в пространство, а оно словно только и ждало этого.

Звезды начали наступать на него медленно, но неумолимо. Угрожающе уставив на него свои прямые и твердые лучи, они наступали со всех сторон. Вселенная неумолимо сжималась,

и Кедрин чуть не закричал при мысли, что она сейчас сожмется окончательно и раздавит его в своих твердых ладонях, против которых не устоит, конечно, никакая броня.

Мироздание испугалось его немногого крика — звезды бесшумно отпрянули назад. Вселенная распахнулась, и звезды убежали так далеко, что их совсем не стало видно. Потом снова вынырнули из мрака, Вселенная стала сжиматься, мир стал тесен и тверд, и Кедрин удивился, почему он раньше не знал, что пространство твердо. Никто не придет ему на помощь, и та женщина не придет ему на помощь. Ну что ж, пусть его раздавит Вселенная. Когда-нибудь они найдут его. Пусть... Он закрыл глаза.

Он открыл их, ощутив слабый толчок. За ним последовал частый настойчивый стук. Стучали в прозрачный фонарь. Он нехотя открыл глаза. Герн стоял перед ним и нелепо жестикулировал. «Связь», — прочел Кедрин по его губам и включил связь.

— Вы думаете выйти из скваммера? — спросил Герн. — Или вы уже так привыкли к нему, что будете в нем ночевать? Нет? Так откройте люк. Отодвиньте два предохранителя сзади. Так. И открывайте.

Это была та же камера, которую он покинул в скваммере неопределенное время тому назад. Как он попал сюда, было непонятно. Вообще ничего больше не было понятного. Кедрин вылез из скваммера, запутался в проводах, сорвал манжеты и шлем и кинул их в люк. Ему захотелось лечь и лежать, больше ничего.

— Ну, — сказал Герн, — в первый раз бывает еще и не так.

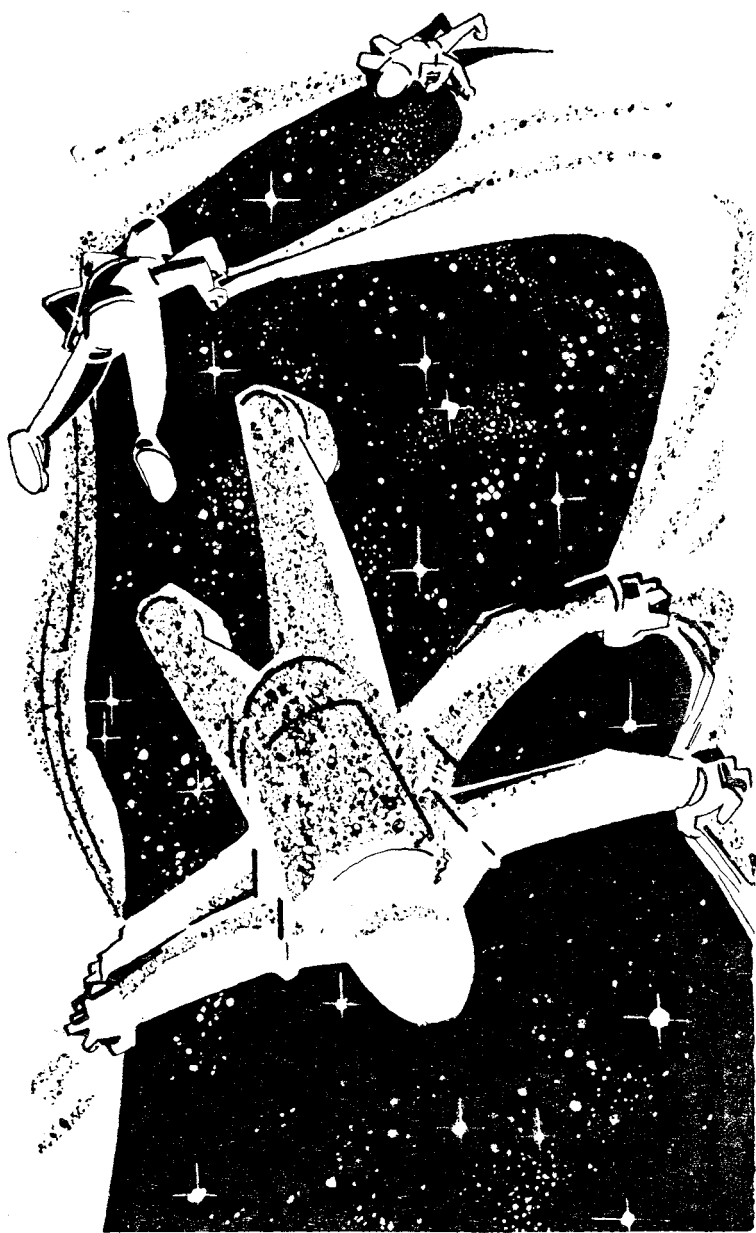
— Бывает, — сердито сказал Кедрин, не поднимая глаз. — Будет, если тебя уносит за десяток километров...

— Интересно, — сказал Герн, — о каком это десятке километров вы говорите, если длина троса — пятьсот метров и вы его даже не использовали до конца?

— Он отцепился, ваш трос.

— Интересно, за что мы тогда втянули вас в корабль... Учитесь определять расстояния в пространстве. Это нелегко — перспективы нет. Хотя, — он взглянул на Кедрина из-под нависающего лба, — хотя вы, может быть, вообще не захотите больше выходить в пространство?

(Продолжение следует)

СПУТНИК „ШАГ ВПЕРЕД“

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. ГРИШИНА

Кедрин зажмурился, он вспомнил, что «спрыгнул с обрыва», летит, но до дна далеко. Далеко — он только начал падать.

— Почему же это не захочу? Только сейчас спать.

— Сначала — обед.

— Есть и спать.

Кедрин съел обед. Потом он спал. Когда он проснулся, все тело ломило, хотя он всегда занимался спортом. Но здесь был не спорт, а работа, и это было не одно и то же.

Настало время выходить в пространство. Все его существо протестовало против этого. Сердце стучало бешено.

«Она выходит каждый день, — подумал он, — и я «спрыгнул с обрыва», — сжал кулаки и пошел в камеру.

Снова было страшно. После тренировки он даже не пообедал как следует. Герна не было, был другой дежурный, он не удивился и не взволновался, просто отвел Кедрина спать. Пришлось долго устраиваться в постели, чтобы не болело тело.

На третий день он начал знакомиться с работой. Теперь его уже не втягивали в люк на тросе. Сквammer почти позировался ему, хотя грудные дети, которые, если верить Герну, запросто могли бы управлять сквammerом, были бы, наверное, невыносимо гениальными детьми. Его волновало, какую работу он должен будет выполнять ежедневно, чтобы доказать хоть себе самому, что он «спрыгнул с обрыва» не с желанием разmozжить

Продолжение. Начало см. в «Искателе» № 2.

себе голову и поэтому достоин самой горячей любви самой чудесной женщины. Кстати, он так еще ни разу и не встретил ее на спутнике.

Он вышел и внезапно стал замечать всю конкретность окружающего мира. Он удивился тому, как велик этот мир и как не похож он на Землю. Земля была видна вся. Она заслоняла лишь небольшую часть вселенной.

Его проводили в тот куб пространства, который назывался рабочим пространством и где монтировались корабли. Там спешно достраивался пузатый планетолет, который, как оказалось, монтажники даже не называли кораблем, настолько он не был похож на это стройное слово, а именовали «пузырем» — и никак больше. Для его небольших скоростей такая форма была выгодна, и такие шары строились один за другим, но за пределы ближних орбит они не выходили, потому что тот, кто думает, что обводы корабля не играют роли в пространстве, пусть-ка сам попробует выйти на пузыре хотя бы в район Пояса астероидов. Кедрин уже знал, что пузырь теперь понадобится самому поясу, чтобы возить металл с Луны. Обычные транспорты не смогли бы справиться с обеспечением пояса металлом по новому строительному графику, по которому будет строиться звездолет — длинный корабль.

Шар висел в пустоте и вместе со спутником образовывал единую систему. Она медленно обращалась вокруг общего центра тяжести, который, в свою очередь, исправно вращался вокруг Земли. Кедрин смотрел и представлял. Если бы здесь работали автоматы, можно было бы сидеть в спутнике и думать хотя бы о том, как улучшить направленную связь с автоматами. Вслух Кедрин этого не сказал. Все равно монтажники вряд ли согласились бы с этим.

Они сновали вокруг шара. Монтажники — бронированные муравьи, как подумал Кедрин. Они что-то тащили, устанавливали, варили, стремительно пролетали или медленно обращались вокруг планетолета по каким-то своим орбитам. Чем больше смотрел на них Кедрин, тем менее подходящим казалось ему сравнение с муравьями, точность орбит подсказывала другое — это были люди-планеты, чьи пути пролегали в мироздании на равных правах с бесконечной спиралью Земли, трассой Солнца, дорогой Галактики, по тем же законам обращались они плюс еще один — закон человеческой воли, которая позволяла им менять свои орбиты, а когда-нибудь, возможно, позволит менять и орбиты планеты. Да, наверное, надо было обладать всеми видами силы, чтобы не пугаться такой планетной судьбы, а монтажники ее не пугались, они работали. Совсем так же, как работали люди на Земле; и если чего-то не хватало этой аналогии, то свиста или песни, потому что люди на Земле насвистывали за работой, а скваммеры молчали, во всяком случае, пока ты не включался на их частоту.

Молчал и Кедрин. Ему предложили облететь корабль, не топясь, рассмотреть его со всех сторон. Он полетел. Конечно, прямо на корабль. Его поправили, догнав и самым грубым образом перевернув за ногу. Тогда он все-таки облетел корабль. Кое-где не хватало здоровенных кусков оболочки, и, наверное,

еще много чего не хватало. Хотя, как разъяснили Кедрину, внутри все было на месте: корабли в пространстве начинали монтировать изнутри, механизмы постепенно обрастали разными помещениями и оболочкой.

Потом понадобилось перегнуть одну из массивных деталей в нужное место. Кедрин выжал педаль стартера с такой силой, как будто давил каблуком змею. У него покраснело в глазах: это был предел перегрузок... Он очнулся. Ему кричали: «Тормози!» — кричали на общей волне. Он слышал. Он забыл, как тормозят. Вместо этого он еще прибавил ходу. Стало ясно, что плохо придется монтажнику, летящему впереди в том же направлении, но куда медленнее. Вокруг него были захлестнуты тросы от какой-то сложной и, судя по виду, особо массивной детали, которую он толкал перед собой, а в четырех руках он нес еще какие-то штуки поменьше. Кедринская деталь — гамма-отражатель — уже хищно нацелилась острым углом между лопаток скваммера, чуть повыше дверцы. Стало ужасающе ясно, что в точку встречи они придут одновременно... В пору было закрывать глаза.

Затем Кедрин почувствовал удар. Из глаз посыпались искры бенгальского огня. Кто-то сидел на его вытянутых, все еще сжимающих край отражателя руках, ухитрившись на полном ходу протиснуться между деталью и Кедриным. Металлический живот упирался в фонарь кедринского скваммера. Налетевший тормозил — тоже на пределе ускорений.

Кедрин не удержал деталь, но ее скорость была уже сбита. Она прошла точку встречи через две секунды после перегруженного монтажника, и за нею сразу устремились двое других. Кедрин тяжело дышал.

— Надо спокойнее, — безучастно сказал стеклянный голос Холодовского.

— Значит, это был ты, ученый друг мой? — донеслось откуда-то. — Благодарю тебя, о предотвративший смертоубийство. Ты шел с запасом в миллиметры, как мне сказали...

— Запас вообще не нужен, — сказал Холодовский. — Нужна уверенность.

Он отцепился от Кедрина, железная рука похлопала его по косому плечу скваммера.

— Спокойней, — еще раз сказал он. — Скорости нужны, особенно сейчас. Благодаря скоростям мы уже выиграли для тех, у Транса, день жизни. Но прежде всего уверенность...

Ее не хватало Кедрину. Вечером, ворочаясь в постели, которая, казалось, была набита метеоритами, он страдал. Стыд не давал заснуть, и еще одна мысль: вот так когда-нибудь новичок налетит на него, острым углом детали вскрыет скваммер, как банку консервов... Если бы можно было не выходить!.. «Ты человек?» — спросил он себя.

Он выходил каждый день, и с каждым днем что-то менялось. Управление скваммером становилось проще. Детали тоже начинали повиноваться. Теперь он успевал переместить и поставить на позиции три детали за то время, что в первые дни — одну. Темп работы был стремителен, и он немного пугался лишь

вечером, перед сном, вспоминая события дня. Впрочем, целые часы куда-то исчезали. Его тело в конце концов стало перемалывать острые метеориты в постели, и сон приходил сразу.

Наконец ему сказали, что обучение закончено. Это было, когда Кедрин еще не перестал уставать. Усталость сама по себе была удивительна: ведь мускулы не воспринимали тяжести деталей. Работали сервомоторы, он лишь управлял ими. Но для того, чтобы управлять, надо было представить себе, что ты делаешь все сам — и, очевидно, уставала прежде всего нервная система: она-то работала в полную силу... Значит, понял Кедрин, не мышцы, а нервы определяют меру силы человека, и поэтому монтажники не имели холеной мускулатуры — были тоньше, стройнее и сильнее. «Интересно, — подумал Кедрин, — стану ли я таким. Возможно». Ему кажется, что он делается сильнее.

Теперь он мог возвратиться на спутник, в свою каюту. Его сменой остается четвертая, с которой он тренировался. По этой смене идут часы в каюте: ведь у смен свое время. Есть ли у него пожелания?

У него было одно пожелание, но он его не высказал. Он и так был уверен, что та женщина работает именно в этой смене. Именно в этой и ни в какой другой.

IX

На орбите Трансцербера все росли и росли рулоны записей, катушки лент, заполненные дневниками исследователей. Обрабатывать полученные материалы было некогда, сейчас шла пора накопления. Окончательные выводы можно будет сделать потом. А если нет, то их сделают другие. Ориентированный на Землю разведчик, набитый материалами, уйдет в тот момент, когда приборы покажут нарастание поля тяготения Транса до критического. После этого, конечно, будут сделаны еще какие-то наблюдения, но нельзя утверждать с полной определенностью, что они дойдут до Герна и других ученых.

У людей просто не хватало времени для работы с приборами. Даже капитан Лобов включился в дело. Тем более что инженер Риектс, проводя предписанную ему программу, предложил капитану бриться один раз в сутки, не чаще одного раза, как сказал инженер, потому что бритва потребляла энергию, а второе бритье не входило в понятие минимума. Капитан Лобов вздохнул, погладил щеку и согласился.

Гравитация была выключена, к невесомости привыкали недолго — новичков в полете не было. Борода у капитана Лобова при невесомости росла еще быстрее, но если он и переживал, то про себя. Бытовой агрегат был тоже отключен, и заниматься стиркой приходилось самим. Они занимались стиркой, варкой обеда и приборами и все реже поглядывали в сторону Земли: они знали — пока оттуда ждать нечего. Время шло, и с каждым днем Трансцербер придвигался чуть ближе. Но у них еще оставалось четыре с половиной месяца — по общему счету, и три с половиной — по счету капитана Лобова, который он держал про себя.

Он держал этот счет про себя, и никто не знал об этом — абсолютно никто, исключая разве что инженера Риекста, который должен был знать. И еще двух пилотов, которые тоже должны были знать, на то они и пилоты. Итак, получается, что знала ровно половина. Да, но риск — профессия летящих и путешествующих.

Он отдыхал в каюте почти целый день. После мужественной, даже чересчур мужественной простоты корабля, здесь было очень хорошо. Он отдыхал на уже установленном мягком диване, ни о чем не думая. Чтобы стало возможным ни о чем не думать, он начал рассчитывать в уме возможные параметры установки скользящего поля. Голова была удивительно ясна, и считалось хорошо, только не было машинной памяти и нумертаксора для записи данных, так что довести расчеты до конца он не смог.

Тогда снова на первый план выдвинулся Андрей. Отчего он погиб? Медики говорили, что он не разбился. Медикам можно верить. Не разбился, не задохнулся, не... Ничего «не». Единственное, что он повредил, был медифор. Но и медифор продолжал работать. Так в чем же дело?

Ты тоже подвергался опасности в пространстве. Но с тобой ничего не случилось. Он не подвергался опасности, и с ним случилось... Вся разница в том, что ты ожидал чего-то, а он не ожидал ничего. Ну и что? Что от этого меняется?

Выяснить это ему помешал Холодовский. Он вошел, словно в свою каюту — не постучавшись и не спросив позволения; уселся в кресло и обвел каюту взглядом.

— Сюда поставь еще столик, — сказал он.

— Зачем?

— Надо.

Это прозвучало так, что не было никакой возможности возражать.

— Надо, — согласился Кедрин.

— Как думается? — спросил Холодовский.

— Хорошо.

— Не люблю маленьких помещений, — сказал Холодовский. — В них невозможно думать.

— Я привык, — сказал Кедрин. — В маленьком помещении мысль всегда ищет выхода на простор. И находит.

— Я могу думать только на просторе. В доке. Или в кают-компании, когда она не занята. Только она всегда занята. Тесный спутник.

— По-моему, нет.

— Тесный. Мысль о природе запаха впервые пришла ко мне в кают-компанию. Додумал я гипотезу в порту. Спутник тесен. Он уже устарел, по сути дела. Задачи растут. И все устарело. Скваммеры... Реликты!

— Хоть ты мне объяснишь, что такое запах?

— Электромагнитные колебания в микронном диапазоне.

— Это все знают. Но каким образом здесь?

— В скваммерах возникает запах. Иными словами, излучение

проникает в скваммеры. Запах вызывает потерю сознания. Утрату контроля. Запах возникает не всегда, его нельзя предусмотреть. Был один способ борьбы: при первых же признаках укрыться в спутник. Дело страдало.

— А теперь?

— Теперь дело не может стоять. Всегда у нас был резерв времени. Сейчас этот резерв со знаком «минус».

— Значит, работать, рискуя потерять сознание?

— Потерявший сознание не может работать, — безучастно сказал Холодовский. — Элементарная логика: колебания могут проникать в скваммеры только из пространства. Нужна экранировка: или скваммеров, или пространства. Что бы вы выбрали?

— Скваммеры, — сказал Кедрин.

— Неверно. Мы ограничим подвижность скваммеров. Это невозможно. Остается только заэкранировать рабочее пространство.

— Гигантская работа.

— Другого выхода нет. Надо знать лишь, откуда приходит излучение.

— Это пока неизвестно?

— Пока нет. Сейчас ведется экранирование участка, который я считаю наиболее опасным. Все делается в соответствии с моей гипотезой.

— Она подтвердилась?

— Подтвердится. Ничего другого ей не остается.

«Уверенности надо учиться у Холодовского, — подумал Кедрин. — Таким не страшно пространство».

— Мы не можем терять времени, — говорил Холодовский. — Они ждут.

— Успеем?

— По старой технологии — нет. Разрабатываем новую на ходу.

— Но это невозможно! Для перепрограммирования необходимо остановить процесс. А это замедлит...

— Мы не программируемся — мы мыслим, — сказал Холодовский. — А мыслить можно и за работой. И менять все на ходу. Завтра кончаем пузырь. И сразу заложим корабль. Длинный корабль. — Он произнес эти слова с нежностью. — Звездного класса.

«Черт его знает, — подумал Кедрин, — что-то в этом есть! Звездного класса. Да, что-то есть!..»

— Мы возьмем его с двух сторон, — сказал Холодовский. — Параллельным монтажом. Это мысль Гура. Между прочим, он нашел ее в пространстве. Он любил думать, висая в пространстве. Там он набрал на лучшие свои фантазии.

— Почему фантазии?

— Он прогносеолог — борец с отсутствующими звеньями. Наука проходит путь шаг за шагом. Прогносеология совершает прыжки. И вот он может висеть в пространстве целыми часами и думать, пока хватает ресурсов. Только сейчас у нас нет свободного времени.

— А о чем думаете вы?

— Моя специальность — раум-физика. Только об этом и стоит

думать. Теория запаха в вакууме — неплохой вклад в раум-физику. Для чего еще стоит жить?

— Для любви, — сказал Кедрин, потому что он подумал: для любви.

Холодовский коротко усмехнулся.

— Любить надо физику. Вообще — свое дело.

«Ну, конечно, и это тоже, — подумал Кедрин. — Но что нужно Холодовскому?»

Холодовский взглянул на него и усмехнулся.

— Ты прав, мне что-то нужно. Вернее, не мне. Все-таки было бы очень хорошо получить твою помощь при расчете аппаратуры предупреждения. Ты сможешь помочь Дугласу в конструировании?

— Конечно, — сказал Кедрин. — Только без «Элмо» я не очень привык.

— Кое-какие машины у нас ведь есть.

— Что ж, это лучше, чем ничего.

— Так вот, сейчас смена собирается в кают-компанию, а мы потом решили встретиться у Гура. Уйти в свободный полет. Так он называет это. Мышление как будто бы без определенной цели, но на самом деле самыми неожиданными путями приводящее к нужному результату.

— Это интересно — свободный полет...

— Так вот, мы ждем, что ты через час зайдешь.

— Не поздно?

— Нет, у нас свой режим. Мы называемся — Особое звено. Вот такие вопросы, вроде запаха, обычно достаются нам.

— Значит, вы не работаете на монтаже?

— Почему же? Как и все...

— Тогда вам приходится работать больше всех.

— Что может быть лучше — знать, что ты отдаешь больше других?

— Это правильно, — сказал Кедрин.

Холодовский вышел, и Кедрин вскочил на ноги. Вечер в кают-компанию. А он сидит в каюте и думает неизвестно о чем.

Он вышел в коридор. В нем был фиолетовый сумрак позднего вечера. Но чем дальше от каюты уходил Кедрин, тем становилось ясней. Около кают-компаний царил ранний вечер. А в соседнем коридоре, куда он по ошибке заглянул, царил вечер, люди отдыхали в своих каютах; и, наверное, как и на Земле, только наиболее одержимые поиском, те, у кого решение было уже близко-близко, оставались в своих лабораториях, и для них смена суточных циклов превращалась в пустой звук. Правда, с завтрашнего дня, когда будет заложен длинный корабль, работать придется в полтора раза больше, чем обычно, и лабораторные проблемы будут отложены — замрут приборы, останутся в сосудах реактивы, в кабинетах и студиях замрут недописанные книги, полотна, незаконченные скульптуры — все будут заняты на монтаже длинного корабля, который должен спасти людей.

Он остановился у входа в кают-компанию. Здесь была зелень, деревья росли прямо из тугого пластикового пола, под ними были расставлены столики, удобные сиденья. Правда, их было, пожалуй, слишком много — не зря Холодовский говорил,

что спутник становится тесен. Спутнику уже много лет, а кораблей строится все больше.

В одном углу кают-компания раздавалась музыка, люди то плавно, то резко, порывисто двигались в танце. Откуда-то доносилась песня, в ней были грусть и непреклонность — грусть о Земле и непреклонность уходить все дальше от нее, потому что иначе не может человечество.

Глаза его обшаривали зал, искали — и не находили ее.

Иногда чьи-то голоса нарушали его сосредоточенность, вторгались в нее. Где-то недалеко говорили о том, что утвержден проект экспериментального корабля совершенно нового типа, а ведь какого бы типа ни были корабли, им не миновать рук монтажников, а значит — с каждым днем работать будет все интереснее. По соседству толковали о том, что кое-кто из монтажников уже месяцами не бывал на Земле и устроился от непосредственного общения с планетой, с ее мыслью и искусством, что монтажнику уж никак не простительно. «Хотя климат на Земле, конечно, не столь идеальный, как здесь», — говоривший вздохнул, и сразу двое подтвердили: «Да, разумеется, климат здесь идеальный...» Возле самой двери спорили о космометрии пространства в связи с недавно вышедшей работой Аль-Азиза «Об истинной геометрии плоскости»; и кто-то был согласен с автором относительно эволютной природы того, что мы называем плоскостью, а кто-то не был согласен и возражал.

Кедрин досадливо морщился: разговоры отвлекали его, он привык делать все в тишине — даже искать кого-то взглядом. Но он не мог не вслушиваться, когда речь заходила о тех восьми, и из уст в уста передавались слова их радиограмм, и производилось имя Герна, забросившего на время астрономию и усевшегося на связь с «Гончим псом». Герна, который никогда в жизни не признавал ничего, кроме астрономии и кораблей, бывших ее руками, как телескопы — глазами. Все это было хорошо и интересно, однако он так и не увидел ее.

Очевидно, ее здесь не было, а время шло, и скоро надо было уже идти в каюту Гура в переулке Отсутствующего звена, но он никак не мог уйти.

Вдруг Кедрин почувствовал, как сердце рванулось, набирая ход, развивая невиданную скорость. Все вокруг стало вдруг синим. Он не слышал больше ничего. Она выбралась откуда-то из самого угла и медленно пересекла кают-компанию. Она шла к выходу, и Кедрин отступил в тень. Он догнал ее за углом.

— Я провожу тебя, — сказал он.

Она чуть заметно пожала плечами, и он зашагал рядом.

Они вышли в коридор — на проспект Дружеских Встреч, как гласила табличка. Кедрин хотел взять ее за руку и уже взял — это получилось у него бессознательно. Она удивленно и чуть насмешливо взглянула на него, и Кедрин отпустил руку.

— Как давно я не видел тебя, — сказал он.

— Да? Я не заметила... Ты ведь недавно у нас?

— Ирэн, не надо... Пять лет, Ирэн...

— Молчи, — сказала она. — Или уйди сейчас же.

Они медленно шли по проспекту, и Кедрин готов был отдать, что угодно, и сделать, что угодно, лишь бы она не ускоряла шаг. Она не ускорила шаг, и Кедрин подумал: «Все-таки надо

сказать все то, что надо сказать», — и иначе он просто не может.

— Ирэн, — сказал он. — Ну, бей виноватых, ну!.. Пять лет, Ирэн... Многое изменилось с тех пор... Я ушел из института... Видишь, я здесь. Это было нелегко, Ирэн, но я...

— Все то же «я», — грустно сказала она. — Нас здесь тысяча, не один ты.

— Не надо... Я не знаю, как ты живешь, Ирэн. Только когда-то ты... А я — и сейчас...

— И доказательство — пять лет молчания. Что бы я ни сказала тогда, ты должен был искать.

— Сначала я не мог. Ведь ты была права.

— Это я знала и без тебя... Но я все равно ждала. А потом стало ясно: нет...

— Да, Ирэн, да! И я знаю...

— Пусть так. Но я тебя придумала тогда. И не хочу повторяться.

— Хорошо, Ирэн. Каким ты хочешь видеть меня?

— Таким, каким хотела всегда. Таким, как Гур, как Славка, как Дуглас. Я не говорю уже — как Седов.

— Ирэн, этот Седов — это...

— Разве об этом спрашивают?

— Прости. Но все они какие-то... особенные. Таких не было в нашем институте. Я не встречал. Это жизнь в пространстве делает их такими? Или они вообще такие и потому работают в пространстве? Знаешь, Андрей погиб...

— Да, — сказала она. — Вам всем у Слепцова так хорошо, что скоро вы при случайном стуке начнете умирать от страха. Он оторвал вас от всего, Слепцов. От жизни. Ну, вот моя каюта. Спасибо. Доброй ночи.

Дверь закрылась за ней. Он стоял в коридоре. «Скоро мы у Слепцова начнем умирать от страха? Погоди, погоди!..»

— Умирать от страха? — спросил он вслух.

— В этом есть рациональная мысль, не правда ли? — чуть насмешливо проговорил голос.

Массивная фигура прошла мимо него по другой стороне коридора-проспекта, в случайном отблеске света на миг мелькнуло безмятежное лицо. Это был миг — и фигура скрылась, растаяла в темноте, уже воцарившейся в коридоре, для которого наступила ночь.

— Велигай! — громко сказал Кедрин. — Где вы, Велигай?

Ответа не было. Кедрин двинулся по проспекту в том же направлении, в котором скрылся странный человек. Чувство одиночества вдруг охватило его, пугающими показались пустые переходы этого странного мирка, который уже не был Землей и жил по своим, иным законам. Еще не было количественно установлено, в какой степени ритм жизни, настроение, многое другое в жизни человека зависит от близости значительных тяготеющих масс, но, во всяком случае, не Земля была здесь, а другая планета — спутник «Шаг вперед», как называли его сами монтажники с легкой руки прогносеолога Гура. Пол — или следовало называть его почвой? — не обладал незыблемостью Земли. Совсем рядом его участок был поднят, два человека при свете скрытого освещения возились в открывшейся под гладкой

поверхностью неразберихе проводов, трубок, волноводов всех цветов, диаметров и назначений, что-то приглаживали, поправляли... И даже не зрелище обнаженной сущности этой планетки, а именно то, что здесь люди, согнувшись в три погибели, руками исправляли что-то, тогда как на Земле эта работа давно уже стала уделом роботов, заставило Кедрина с небывалой остротой почувствовать удаленность этого мира от того, в котором он прожил последние годы. А ведь мысли о своей отрешенности чаще всего приходят именно ночью, и это была первая ночь, когда он не спал.

Наверное, и отсутствие биополя сыграло в этом роль — ведь на Земле мы всегда, если только мы не в центре обширной пустыни, бессознательно воспринимаем биополе, созданное напряжением мозга миллионов людей, и в какой-то степени находимся под его влиянием; здесь же все каюты были заэкранированы, и если человек в коридоре был один, то он был один... Кедрин не хотел быть один. Он вспомнил, что его ждут, но в темной сети переходов сориентироваться было трудно, где теперь искать переулочек Отсутствующего звена. Кедрин заторопился.

Через каждые несколько метров из-под пола выходили невысокие, тонкие колонки с гранеными головками; пробегая мимо них, Кедрин все же заметил, как эти слабо светящиеся головы бесшумно поворачиваются, словно следя за ним, что-то сообщая друг другу. Ему стало жутко. Раздался жалобный, протяжный свист, отразился от стен и прозвучал в другом конце коридора. Кедрин свернул в первый попавшийся переулочек. Печальный свист провожал его. «Это был плач по человеку», — пришло ему в голову. Куда же это он в конце концов идет?

Он остановился с ходу, сильно качнувшись вперед. Неярко освещенная преграда возникла перед ним, казалось, внезапно: переулочек оказался тупиком. Огромная, во всю стену, дверь не поддавалась усилиям Кедрина. Она выглядела совсем иначе, чем остальные, — гладкая, без всякого выступа стальная поверхность, чуть выпуклая и с маленьким прозрачным глазком в середине. Прозрачным — так казалось, но когда Кедрин прильнул к нему, он не увидел ничего, только черноту. Очевидно, за дверью было темное помещение. Вдруг в нем возник слабый огонек, зеленоватые лучики протянулись от него — это была звезда, внезапно возникшая в глазке звезда, а чернота была чернотой пространства. Кедрин отшатнулся. Как он не подумал, что здесь могут быть резервные выходы в пространство?

«На Земле нет дверей, ведущих в бездны», — подумал он, и тоска по родной планете с ее надежностью и с ее ночами, полными теплого, душистого воздуха, охватила его, как зыбкая вода пловца.

Наверное, этот внезапный приступ тоски по запахам Земли привел к галлюцинации: запахло сильно и чудесно, чем-то странным, незнакомым и таким простым... Это было что-то похожее — на что? Похожее, только гораздо более сильное и вместе повелительное и влекущее, чем лучшие запахи Земли. Мысли ушли, и осталось только желание вбирать в себя этот запах не только ноздрями, но всей кожей, глазами, ртом, волосами. Внезапно Кедрин почувствовал, что уже полон запахом, еще немного —

и он разорвется, распадется; он больше не может дышать, он сыт дыханием, как человек бывает сыт едой и питьем. Он поднял руки к лицу, чтобы прекратить доступ запаха в легкие, что бы ни было потом.

Он не знал, куда бежит, и слишком поздно понял это; он бежал к человеку, к которому приходят мужчины в тяжелые минуты, чтобы найти защиту от многого и в первую очередь от самого себя. К женщине, которая тебе ближе всех или была ближе всех. Дверь ее каюты Кедрин открыл стремительно, даже не подумав о том, что не следует делать так.

Она была одна, длинная ткань обтягивала ее тело, почти целиком открывая грудь. Он закрыл за собою дверь и прислонился к ней спиной, тяжело дыша. Женщина ступила ему навстречу, и Кедрин послушно сделал шаг вперед и остановился перед нею.

— Ты испуган, — сказала она, коснувшись рукой его влажного лба. — Что произошло?

— Не знаю, — сказал он медленно, — не знаю... Что-то произошло... Да, запах. Возле резервного выхода.

— Которого?

— Не знаю...

— Ты сможешь найти его?

— Не знаю... Может быть.

— Ты уверен, что это?..

— Запах. Вдруг захотелось дышать... Что делать? Надо что-то делать. Это ведь опасно...

— Успокойся, Виталий, — сказала она.

Она видела, что он не успокоится, и, чуть приподнявшись на носках, поцеловала его. Он сразу обмяк, и сел на кровать, и сидел неподвижно — только глаза следили за нею. Она набрала номер.

— Седов... Слушай, только что обнаружен запах. Кедрин. Он у меня... Об этом потом. Вторая еще не вышла? Седов, может быть, запретить выход?

— Нельзя запрещать выход, — проговорил голос в трубке. — Надо установить направление. Он помнит, где именно?..

— Он вспомнит, — сказала она, мельком взглянув на Кедрину. — Он уже вспоминает...

— Пусть вспомнит. Немедленно вышлем Особое звено. Может быть, им удастся, наконец, определить направление и закончить экранирование рабочего пространства. Смена должна выйти — запах не держится долго.

— Хорошо, — сказала она. — Я тоже выйду.

— Незачем. Ты не Особое звено.

— Я хочу выйти.

— Нет. Сейчас я подниму Особое звено. А он пусть вспоминает.

— Хорошо, — нехотя проговорила она, положила трубку. — Ты вспомнил, где это было? Как ты шел? Сейчас шеф-монтер поднимет Особое звено, они выйдут в пространство.

Он сидел, опустив голову. Она уселась рядом с ним, положила руку на его плечо.

— Тебе все еще страшно? Ты не хочешь идти к себе?

Кедрин встал, сделав усилие, почти исчерпавшее его силы. Но он принял решение, и силы откуда-то прибывали снова.

— Я выйду с Особым звеном. Они не сорентируются без меня.

— Ты можешь рассказать им все, пока они будут одеваться.

— Нет, — сказал он. — Я должен выйти с ними.

«Должен, — поняла она, — чтобы завтра не стыдиться самого себя и тебя».

— Хорошо, — сказала она. — Только в таких случаях одевают компенсационный костюм. Возьми мой, он достаточно эластичен.

— Спасибо, — сказал Кедрин.

Он поцеловал ее, уже не боясь, что она расскрывается, и подумал, что она все та же и так же красива.

Уже по дороге в гардеробный отсек, где стояли скваммеры, он вспомнил, что должен был зачем-то зайти вечером к этому самому Особому звену, командиром которого, как ни странно, был не решительный Холодовский, а несколько легкомысленный Гур. Но теперь поздно было думать о том, чего он не успел. Время было думать о том, что он еще может сделать.

Х

Если до сих пор в поведении исследователей на орбите Трансцербера и наблюдалась какая-то нервозность, то сегодня она исчезла окончательно. Капитан Лобов с удовольствием констатировал про себя, что исследователи наконец-то окончательно поверили в спасение. Теперь, как понимал капитан, они будут спокойно заниматься своими исследованиями до того самого момента, когда помощь придет — или не придет.

Так же полагает и инженер Риекст, который по-прежнему молчит, но на этот раз удовлетворенно. Того же мнения придерживаются и пилоты.

Так считают и сами исследователи. Наконец-то стало ясным то, что заставляло их нервничать все последнее время: несовпадение показаний приборов. Теперь выяснилось: виной этому было не какое-то новое, неисследованное явление, а просто часть приборов по неизвестной причине сбилась с точной настройки. Ученые отрегулировали приборы, и теперь их показания совпадают. Правда, при этом выяснилось, что встреча с Трансцербером произойдет не через четыре с половиной месяца, а через три.

Четыре скваммера неслись, удаляясь от спутника, от почти уже законченного круглого корабля, от мерцающих маяков — к внешней границе рабочего пространства, туда, где были установлены экраны для защиты от запаха.

Солнце было за Землей, стояла темнота. Звезды неподвижно висели на местах, не приближаясь и не удаляясь. Это было очень хорошо — лететь стремглав в пространстве не одному, а вместе с тремя товарищами, на которых можно положиться, с которыми, пожалуй, не будет страшно нигде. Они летели ко-

лонной. Это полагалось на тот маловероятный случай; если произойдет встреча с чем-либо: тогда опасность будет угрожать только первому. И они менялись, как меняются на ходу велосипедисты: чтобы не приходилось одному все время принимать на себя давление возможных опасностей. Трое менялись. Кедрин и сам понимал, что до этого ему еще далеко — до права лететь впереди Особого звена. Он летел замыкающим, и ему было доверено нести небольшой контейнер с какими-то приборами, которые могли понадобиться.

Они летели минут двадцать. Потом щупальца прожекторов зацепились за странную конструкцию впереди — громадную снежинку замысловатого рисунка, медленно перемещавшуюся в пространстве. Это была одна из антенн статического поля, окружавшего рабочее пространство. Звено держало курс на нее. Монтажники уменьшили скорость. Внезапно мурашки стали разбегаться по телу, приятно закололо и защекотало сначала в кончиках пальцев, потом по всему телу. Тогда Холодовский, шедший в это время первым, дал команду тормозиться. Они начали торможение, одновременно развертываясь в цепь, и Кедрин вышел точно на свое место крайнего слева. Все-таки скваммер привыкал повиноваться ему.

Здесь начинались экраны. Широчайшие прозрачные полотнища из гибкого, почти эластичного полиметаллопласта уходили во все стороны; их растягивали и удерживали на месте гравификсаторы, обозначенные маяками, — приближаться к ним не рекомендовалось.

Монтажники медленно плыли вдоль экранирующих полотнищ. Приблизиться к ним вплотную было нельзя — слишком сильным было напряжение статического поля, наведенного скрытыми в центре антенн мощными генераторами. Оказалось, все было в порядке. Никакого нарушения целостности экранов не замечалось, как сформулировал Холодовский. «Ну, ну...» — с сомнением ответил ему Дуглас, но возражать не стал.

Запах не было. Прошел час, пока была пройдена почти половина заэкранированного пространства. Тогда Гур подал сигнал остановиться.

Они сблизилась, хотя разговаривать можно было и на расстоянии. Такова уж была привычка — разговаривая, сходитьсь. Несколько секунд они глядели туда, где чуть в стороне от спутника мелькали огоньки: вторая смена вышла в пространство. Кедрин вдруг почувствовал себя чем-то вроде часового, которому поручено сейчас охранять этих людей, торопившихся очистить место для закладки нового корабля. Он не знал, думают ли то же самое монтажники из Особого звена, и вряд ли они думали так торжественно; вернее, они не представляли себе, что об этом нужно еще специально думать. Но Кедрин не мог не думать об этом.

— Итак, многоуважаемые друзья мои, — неторопливо сказал Гур, и по голосу его можно было, пожалуй, подумать, что он чем-то озадачен. — Итак, половина экранов в порядке. Если и вторая половина окажется в порядке, то могут быть лишь два вывода.

— Три вывода, — сказал Холодовский.

— Третий за тобой. Мои таковы: или мы неправильно определили направление, которое следовало защитить, или твои экраны, о высокочтимый друг мой Слава, ни к черту не годятся, и защищаться ими все равно, что носить воду... этим — ну, как его? — которое с дырочками.

— Ну, ну, — сказал Дуглас. — Проанализируй.

— С неизъяснимым удовольствием, — сказал Гур и заставил скваммер сделать нечто напоминающее реверанс. — Направские. Кедрин принял запах. Он находился у резервного выхода. Он не знает, у какого. Я не ошибаюсь? — вежливо спросил он.

И Кедрин буркнул:

— Не знаю.

— Он не знает. Но, решая эту задачу в пространстве — времени, мы пришли к выводу; это мог быть только резервный люк номер восемь. До других люков он не смог бы дойти, постоять там, принять запах и вернуться в... туда, куда он вернулся в такой промежуток времени, какой ему понадобился в действительности. Этот вывод был принят единогласно. Имеются ли иные соображения?

— Не имеются, — сказал Дуглас.

— Угу. Итак, известен люк, и известно время в пределах плюс минус пять минут. И известна траектория спутника. Значит ли это, что известно направление?

— Да значит, — сказал Холодовский. — Вернее, сектор.

— Вернее, радиан. Чудесно! И этот радиан указывает как раз на это вот заэкранированное пространство. Так? Так. Следовательно, проницательные друзья мои, с направлением все в порядке.

— Когда-нибудь, — задумчиво сказал Холодовский, — я буду тебя бить за эту манеру разговаривать.

— Так это еще когда-нибудь, о мой воинственный друг. Итак, мы предположили, что экранировка повреждена. Пока мы не нашли никакого повреждения. И это значит всего лишь, что она не годится.

— Чушь! — сказал Холодовский. — Не думаю даже, что это надо опровергать. Экраны прошли все мыслимые испытания на миллиметровые волны. Значит, дело не в них.

— А в чем же? В излучении? Это твой третий вывод?

— Ничуть не бывало. Мой вывод, что запах просто почудился Кедрину.

— Мальчика не было, — сказал Дуглас. — Ну, ну...

— Вот именно: не было! Кедрин был в достаточной мере взволнован. Так?

— Так, — сказал Кедрин.

— Ну, и вот. Галлюцинация, только и всего! Тем более что он в этот момент, по его словам, заметил какую-то звезду. А я вам говорю, что он не мог ее заметить. Реставрируйте обстановку — и вы убедитесь в том, что глазок резервного выхода восемь упирался в «Угольный мешок». Там нет ни одной звезды.

— М-да, — сказал Гур. — Убедительно, о мой... да! Кедрин, как ты думаешь?

— У меня никогда не было галлюцинаций, — сказал Кедрин обиженно. — Разве что при первом выходе...

— Значит, были, — сказал Холодовский. — Вот и все. Вот мой вывод.

— Что ж, — сказал Гур. — Так или иначе, вторую половину экрана исследовать надо. Прошу вас, высокочтимые друзья мои, принять походный порядок... Может быть, мы еще успеем поспать сегодня. А сон, как известно, драгоценнейшее из благ...

Они выстроились в колонну. Перед тем как дать сигнал к движению, Гур еще раз обернулся, взглянул на экраны и негромко сказал:

— Теперь, кажется, галлюцинирую я... Слава, ну-ка... Все головы повернулись разом.

Что-то произошло в пространстве. Только что спокойная и монолитная, как казалось, поверхность экранирующих полотен внезапно стала извиваться, словно оттуда, с внешней стороны, кто-то тяжело ходил, бегал, прыгал по ней, старался пробить ее, разорвать. Колонки гравификсаторов окутались голубоватыми облачками, удерживая экраны на месте, но, очевидно, их мощности не хватало — что-то могучее старалось растащить полотнища в разные стороны. Казалось, они сейчас не выдержат такого напряжения и лопнут, разлетятся. Это представлялось необъяснимым, и в то же время это было, и приходилось срочно сделать что-то, иначе пропала бы вся громадная работа по изготовлению, транспортировке и установке экранов.

Они не успели даже перемолвиться. Все четверо кинулись вперед, к полотнищу — трое одновременно и один на долю секунды позже, но не потому, что он колебался, просто у него еще не было той быстроты реакции, какой обладали монтажники. Они рванулись в середину, потому что именно здесь экранам грозила максимальная угроза, здесь, кроме неведомых сил, прикладывавась вся мощь гравификсаторов, которые старались растянуть и удерживать экраны на месте — и тем самым помогали разорвать их в клочья, но ведь гравификсаторы были всего лишь автоматами. Тысячи игл вонзились в тела монтажников, Гур на ходу крикнул в микрофон: «На спутнике, убавьте статическое, иначе мы скоро начнем светиться!.. Убавьте, тревога, мы вышли на экраны». Поле мгновенно убавили, и монтажники достигли поверхности экранов в тот самый момент, когда разрыв возник там, где и следовало ожидать, в самой середине, в месте наибольшей напряженности.

Гур был первым. Все четыре «руки» его скваммера вцепились в края разрываемого пополам полотнища. Напрягая мускулы и сервомоторы, Гур попытался стянуть края полотнища вместе, но для этого были нужны совсем другие силы, и все, что он мог сделать, — это не разрешать краям расходиться дальше. Но полотнище, чья целостность была уже нарушена, продолжало рваться дальше, и через несколько десятков метров в разрыв вцепился Кедрин — уж этого-то никто не мог запретить ему, сил у его скваммера было не меньше, чем у остальных. Дуглас метнулся к противоположному концу экрана и ждал, пока разрыв дойдет туда, чтобы заблокировать его окончательно. Холодовский повис над самой серединой и уже развел все четыре «руки», увенчанные могучими клешнями.

— Слава, — сказал Гур хрипло. — Слава... — И Кедрин уди-

вился, как Гур еще может что-то произносить — сам он напрягся так, что не мог бы даже разжать зубов. — Не вцепляйся... Давай на пределе на спутник. Это быстрее всего. Нужны механизмы, аппаратура для сварки... Мы здесь долго не удержимся.

Очередной изгиб экрана перекошил Гура, и какой-то миг казалось, что конечности скваммера вылетят из суставов, но, как оказалось, скваммер все-таки был крепким устройством.

— Да давай же! — крикнул Гур. — Давай, о быстрейший!.. Делай свой шаг вперед!

— Пусть Кедрин, — сказал Холодовский спокойно, примериваясь к разрыву, уже доходившему до него.

— Ни за что! — прохрипел Кедрин и сам удивился тому, что все-таки разжал зубы.

— Пусть Кедрин остается. Он не знает, что взять, да и вообще, — проговорил Гур, и тогда Дуглас добавил:

— Ну, Слава, ну, ну... Теряешь время...

— Хорошо, — сказал Холодовский.

Он умчался на предельной скорости. Трое остались. Сильное сотрясение ударило их, как током, нагрузка неизмеримо возросла. Это разрыв дошел до конца, и сразу же Дуглас вцепился в край полотнища. Трое были распята на экране, Холодовский потерялся где-то вблизи спутника.

— Минут пятьдесят мы провисим, — сказал Гур. Он дышал все более хрипло. — Туда, там, обратно. Не меньше.

Кедрин только прикрыл глаза — на большее он сейчас не был способен. Странно, он не чувствовал никаких нагрузок — их принимало на себя металлическое тело скваммера; кулаки Кедрина со всей силой стискивали пустоту — стискивали так, что слипались пальцы; мускулы его были напряжены до предела именно для того, чтобы стиснуть эту пустоту; но он знал, что не может даже на долю секунды ослабить хватку: тотчас же клешни верхних «рук» скваммера разжались бы и отпустили края полотнища, а прекрати он сосредоточиваться на мысли о вторых «руках», нижних, разжались бы и они. Оставалось только стискивать края — «руками» и напряжением мысли — до тех пор, пока не иссякнут силы.

— Нет, — поправил он себя, — до тех пор, пока не придет помощь. Ведь здесь. Особое звено, и это на них мне надо быть похожим. Я буду...

— Ну, ну... — пробурчал Дуглас. — Положение не из веселых. Гур, надо бы еще убавить статическое. Меня так и ест...

Действительно, иглы еще кололи, хотя и не так сильно, как раньше, но иногда уколы были так резки, что хотелось потереть уколотые места, а сделать это было невозможно, и Кедрин только шипел по временам сквозь зубы.

— Ладно, — сказал Гур. — Ты прав, о мой друг-великомученик! Вы, на спутнике, управляющие полем! Сбросьте еще напряжение статического.

Кедрин не слышал, что тому ответили.

— Ага. Ну, прискорбно, конечно. Если запах? Что ж, рук мы не разожжем. Иначе этот роскошный экран придется собирать по всему пространству: гравификсаторы сделают свое черное

дело. Ну, очень хорошо, что и вы понимаете: отключить их действительно нельзя, о мыслители?

Он снова помолчал.

— Ну, то ли еще приходилось монтажникам!.. Нет, природа абсолютно загадочна. Холодовскому еще будет работа, когда он разделается с запахом. Нет, сейчас спокойно. Буря улеглась...

И Кедрин теперь заметил, что больше не трясло и не швыряло, только гравификсаторы продолжали растягивать полотнища экранов в стороны. Им было абсолютно наплевать на то, что разорванное полотнище еле удерживают три человека...

Гур снова умолк, слушая.

— Ну, сейчас не период метеорных дождей. Надо полагать, мы им не попадемся на дороге. Главное — они не попадут к вам.

«Может, и не попадем под метеориты, — подумал Кедрин. — Вот запах — тогда мы действительно пропали. Бежать нельзя. Будем задыхаться здесь».

Он понимал: никогда еще опасность не была так близка, как сейчас. Странно — он не боялся. Нельзя было бояться, если по одну сторону его находился Гур, а по другую — Дуглас. Они бывали в переделках посерьезнее, безусловно. Они не собираются погибать. Они найдут способ. «А раз они, то и я остаюсь цел и невредим. И нечего об этом думать».

Сил становилось меньше, а держать надо было с тем же напряжением. Руки начали неметь. Кедрин пожалел, что на башмаках скваммера нет клешней. Иначе можно было бы держать и ногами — ноги как-никак сильнее. Он сказал об этом Гтуру. Тот ответил:

— Вряд ли стоит усовершенствовать скваммер. Надо менять его... Мне только что пришла в голову мысль: есть совсем другой материал и другие возможности, принципиально иные... Я это продумаю всерьез.

«Ого! — подумал Кедрин. — Он думает как ни в чем не бывало. Значит, ничего опасного. О чем думать мне? Конечно, об Ирэн».

Он начал думать, как, вернувшись на спутник, войдет к ней, а она, конечно, будет знать уже все: он вел себя точно так же, как люди из Особого звена, — держал до последнего, не трогаясь с места.

— Гур, — сказал Дуглас. — Мне надоело так висеть. Попробую стянуть концы. Фиксаторы сильные, но и я тоже.

— Это мысль! — сказал Гур. — Это идея, интеллектуальнейший. Давай, надо же готовить почву для сварщиков.

— Мне тоже попробовать? — спросил Кедрин, внутренне ужасаясь.

— Нет. Ты держи края, — сказал Гур. — Я тоже буду держать. Разве что продвинусь поближе к Дугу...

— Сидел бы на месте, — сказал Дуг. — Перемещаясь, больше шансов схватить метеор.

— Все равно, — сказал Гур. — Поле ослаблено, а Призмелье — густой суп... Лезу.

«Они серьезно, — понял Кедрин. — Но я не буду бояться. Не буду. Не буду!..»

Он повторял это, пока впереди не показались огоньки. Их было много, и они неслись сюда.

— Ну вот, — сказал Гур. — Они летят, благословенные. Сейчас вся эта история кончится.

Скваммеры окружили их, приближался катер со сварочной установкой. Множество скваммеров вцепились в разрыв. Словно сквозь туман все это доходило до Кедрина.

— Ну, отпуская, — услышал он наконец. — Ты уснул, что ли?

Он не мог разжать кулаки. Ему понадобилось несколько минут уговаривать себя сделать это. Наконец руки разжались. Кедрин машинально дал слабый импульс, отплыл от экранов. С той стороны, где был Дуглас, уже шла сварка.

Кедрин подождал, когда к нему присоединятся остальные монтажники — Особое звено. Он висел в десятке метров от экрана и усиленно растирал руками тело, насколько это было возможно в скваммере: сказывались иголки статического поля. Наконец Гур заметил его:

— Кедрин, мужественный друг мой, давай-ка сюда. Здесь как раз не хватает одного. Не уходить же, пока дело не сделано, а?

Кедрин вздохнул. Он послушно подлетел к Гуру и принялся поворачивать какие-то рычаги. Он не знал, сколько прошло времени, пока закончилась сварка. Он помнил только, что Гур сказал:

— А ты молодец, связист...

Он попытался улыбнуться. Потом все летели к спутнику. Гур летел рядом. Он мечтательно проговорил:

— Сейчас я съем два обеда. Возможно, три, но два обязательно! Два хороших звездолетных обеда.

— Два ты не съешь, — сказал Дуглас.

— Почему, о недоверчивый?

— Не успеешь. Через три часа — смена.

— Ничего. Съем после смены. Второй, подразумеваю я.

«После смены, — ужаснулся Кедрин. — Они еще думают выходить в смену. После такой работы! Я просто не смогу. Глупо было подумать — мне так быстро сравняться с ними. И я ничего не скажу Ирэн».

— Кедрин, а что ты думаешь насчет обеда?

— Я? Ничего...

— И напрасно, о мой усталый друг! Ешьте свой обед каждый раз, лишь к этому предоставляется возможность, так сказал некий мудрец. И еще: не обедающий совершает ошибку, которой ему не исправить более никогда. Кто это сказал, не помнишь?

— Не знаю, — сказал Кедрин.

— По-моему, это сказал я. А теперь прибавим скорость, ибо времени действительно мало, а на обед опаздывать не полагается. Кедрин, что ты думаешь насчет смены?

— Насчет смены? — спросил Кедрин, и у него заболело все тело.

Вот именно! Что он думает насчет смены? А что можно думать насчет смены, когда хочется только лежать?

— Что ж, — сказал Кедрин. — Я не хуже вас. Смена так смена!

Гур засмеялся, потом сказал:

— Ну, в смену ты не выйдешь. Ты не хуже нас, но пока слабее. Но шеф прав: кому суждено быть монтажником — он им станет. Кстати, ты сегодня не очень боялся?

— Сначала да, — сказал Кедрин, опускаясь на площадку. — Потом я понял, что вероятность попадания метеорита ничтожно мала, и успокоился.

— Это, безусловно, правильно, — сказал Холодовский.

— Ну, Слава, ну, ну... Не дезориентируйте парня.

— Что ж, — сказал Гур, — он мыслит традиционно. В общем метеоры нам не угрожали.

— Разве что-то другое?..

— Пожалуй, — вздохнул Слава, — напряжения были таковы, что скваммеры могли не выдержать. Они были на пределе прочности. Не так романтично, но все же неприятно. Видишь ли, если скваммер дегерметизируется, в нем становится нечем дышать.

— Что же, — сказал Кедрин, внутренне содрогнувшись и пытаясь острить. — Мы бы узнали, есть ли в конце концов этот запах в пространстве.

— Ну, Слава, — сказал Дуглас, — один — ноль не в твою пользу.

XI

На орбите Трансцербера расстояние между убегающим кораблем и настигающей его планетой — или что это там? — уменьшилось. Но время еще есть — значит, есть еще надежда, и отправлять набитый материалами разведчик на Землю рано. Все занимаются своими делами.

Капитан Лобов занимается стиркой. Это не очень приятно, и капитан не освоил технологии, но нет сомнений в том, что он ее освоит. Он стирает, и предметы капитанского гардероба, поскольку на корабле нет женицин, сушатся на инклинаторной установке, которая вряд ли пригодится, ибо, как все горячо надеются, высадка на Трансцербер состоится не в это путешествие.

Остальные занимаются своими делами и ждут очереди на стирку. Ничего не поделаешь. Капитан Лобов сообщил, что в следующий рейс он не выйдет без корыта и прочих приспособлений. Он заставит историков раскопать их описание, а также восстановить давно утраченное человечеством искусство стирать руками. Исследователи поддакивают ему и, по очереди отрываясь от приборов, пытаются давать советы, которые, впрочем, никуда не годятся.

Инженер Риекст занимается экоциклом, каким-то из его звеньев. Он не может ничем не заниматься и теперь выясняет, нельзя ли сэкономить энергию на экоцикле. Хотя он знает, что энергии-то хватит...

Оба пилота сейчас отдыхают. Как предупредил капитан Лобов, может случиться, что им еще придется поработать...

Кедрин проснулся, когда в лицо ему ударил мягкий свет разгорающейся зари. Чистый и плотный утренний воздух, казалось, сам входил в легкие и наполнял не только грудь — все тело легкостью и готовностью к полету.

Он взглянул на часы. Он спал три часа — или сутки и три часа, но столько он не был способен проспать даже при самой крайней усталости. Значит, всего три часа, но он чувствовал себя полностью отдохнувшим.

Легко поднявшись с постели, он поискал глазами привычные снаряды для гимнастических упражнений и вспомнил, что здесь их и быть не могло. Он не отвык еще просыпаться на Земле. Он принял душ. Прохладная, насыщенная каким-то газом и, очевидно, ионизованная вода прогнала последние остатки сна и заставила его даже запеть незатейливую песенку — ту самую, что приходила на ум, когда он, бывало, с головой погружался в мир понятий, которые так трудно было представить себе сущими в обычном мире трех измерений. Песенка напомнила было ему о проблеме скользящего поля, и он усмехнулся: доберемся, доберемся и до скользящего поля...

Кедрин осторожно вынул из камеры бытового комбайна вычищенный и отглаженный комбинезон, расправил его и сам удивился тому волнению, которое вызвала в нем эта нехитрая одежда. Может быть, это волнение возникло потому, что после происшествий этой ночи — сумасшедшей ночи с бурями, опасностями, изнеможением, обедом и со второй сменой — он имел уже какое-то право называть себя монтажником, а значит, и носить рабочую одежду монтажников звездных кораблей. Он надевал комбинезон и думал: «А все-таки я не сдался. Я выдержал. Это очень хорошо, что я выдержал! Это не то, что прыгать с обрыва. Я оказался сильнее опасностей».

Он вышел из каюты и ступил на упругий пол улицы Бесконечных трасс. Утренний прохладный свет заливал и ее. Такими бывают на планете утра, обещающие длинный день, полный чудесных событий. Уже одно то, что он встал вовремя и успеет в смену, было чудесно.

Монтажники в серебристых костюмах шли в одном направлении; Кедрин двинулся за ними, внешне уже неотличимый от них. Его узнавали и приветствовали так же, как и друг друга, не поворачивая головы, лишь поднимая руку или дружески кладя ее тебе на плечо. Монтажники любили прикасаться к живому телу — может быть, потому, что в пространстве это было невозможно.

Поток вливался в кают-компанию, разбивался на ручейки и оседал за накрытыми столиками. Кедрин оглянулся и услышал свое имя. Длинное лицо Гура улыбалось ему, рядом виднелись острые скулы Холодовского и круглое лицо Дугласа. Кедрин подошел, и внезапно ему показалось, что продолжается тот вечер на острове Отдыха и только столик вдруг перенесся в Приземелье, в этот мир, обладающий высокой степенью странности.

— Вот, — сказал Холодовский. — А ты говорил, что он не выйдет в смену.

— Я не учел одного фактора, — сказал Гур, его глаза смеялись. — Иногда ошибаюсь и я, мой придирчивый друг. Этот фактор находится здесь и сидит... Впрочем, этого я не скажу.

Кедрин все-таки оглянулся, но разыскать кого-либо в кают-компании во время завтрака было нелегко. Тогда он принялся за еду.

— Вот, — сказал Гур, поднимая вилку. — Видите, он становится монтажником. Он с аппетитом пообедал ночью и не потерял от этого желания позавтракать.

Кедрин кивнул.

— Это такой воздух, — сказал он.

— Правильно, — подтвердил Холодовский. — У нас умеют дать человеку отдохнуть даже за три часа.

— Подложи-ка еще... — Он протянул тарелку, и Гур нагрузил ее целой кучей поливитаминного салата.

— А что, — сказал Гур. — Если он работает так, как ест, то...

— Со временем, — подтвердил Холодовский.

— Ну, Гур, — сказал Дуглас, — ну, ну... Не сразу же — в Особое звено.

Кедрин не обиделся — он знал: рано ему в Особое звено. Надо как следует научиться самой простой работе. Сегодняшняя ночь, понимал он, была случайной — и, наверное, должна пройти еще не одна такая ночь. И все-таки это было хорошо.

Он так и сказал, и Гур усмехнулся.

— Не только мышление доставляет радость... — сказал он, допил кофе и встал. — Я готов.

— Ну, Гур, сейчас, ну...

— Это в честь нашего друга Дугласа назван проспект Переменных масс, — серьезно сказал Гур. — После обеда и даже после завтрака его масса ощутимо увеличивается. Сейчас в пространстве его придется раскачивать, чтобы ранец-ракета взяла с места.

— Я тоже готов, — сказал Дуглас.

Холодовский молча встал. Кедрин тоже поднялся: хоть выйти в пространство он может вместе с ними. Например, он не поддался на шутку Гура: ведь проспект назван не в честь Дугласа. В честь кораблей назван он — тел переменной массы. Нет, кое-что Кедрин уже понимает и помимо техники связи и ее теории...

— Ну вот, — сказал Гур. — Пришли...

Теперь Кедрин мог рассмотреть все как следует. Коридор втекал в огромный зал. Ночью, когда четверо бежали к скваммерам, Кедрин не заметил, но теперь увидел: и этот коридор уставлен свистящими гранеными столбиками, такими же, что напугали его вчера. Он указал на них Гуру.

— Это элементарно, мой наблюдательный друг, — сказал Гур. — У вас вчера еще не было нашего комбинезона. Вы были чужой и шли один. А за любым посторонним нужен контроль: мало ли куда он забредет, здесь ведь не Земля, здесь Звездолетный пояс. Спутник должен вращаться абсолютно равномерно, и передвижение хотя бы одного человека требует регулирования вращения — ведь масса спутника не так уж и велика. Эти автоматы следят за каждым из нас, но звуком реагируют только на чужих. Вот мы сейчас входим в гардеробный зал, а сколько же автоматов вынуждено начать регулировать вращение спутника...

Они входили в гардеробный зал.

Он не уступал размерами кают-компаний. Громадное, хоть и низкое помещение казалось пустым — только в полу его виднелось множество расположенных по определенному узору круглых люков, прикрытых металлическими шторками. Монтажники встали каждый около своего люка, и Кедрин тоже отыскал свой, с номером двести восемьдесят три. Светящаяся цифра эта была врезана в пол. Шторки с коротким рокотом исчезли в своих гнездах, и из люков медленно выдвинулись скваммеры.

Смена начиналась. В спинах скваммеров распахивались дверцы. Люди исчезали в них. Массивные скваммеры заглатывали их, медленно, сыто захлопывали дверцы, удовлетворенно встряхивались и неторопливо, вразвалку уходили к выходной камере. В зале становилось все просторнее.

Кедрин вздохнул, заглянул в открытую дверцу. В скваммере царили сумерки. Он потрогал холодную металлическую броню.

— Пластмассовый был бы теплее, — сказал он.

— Да, — откликнулся еще не закрывший дверцы Гур. — Но в пространстве, в мире излучений, пластики разрушаются куда быстрее. Здесь металл надежнее. В пространстве нужна не только крепость, но и выносливость.

«Не только скваммерам», — подумал Кедрин. Он влез в отверстие. Дуглас и Холодовский уже захлопнули дверцы, теперь скваммеры были ими, и в знак этого они подняли верхние «руки», прощаясь. Вслед за ними тронулся Гур. «Что ж, — подумал Кедрин, — как и любые другие, все загадки спутника оборачиваются просто следствием неизвестных или выпавших из виду закономерностей. Все объясняется. И то, почему погиб Андрей, тоже объяснится. Но, может быть, прав этот Велигай и ключ к разгадке смерти Андрея он найдет здесь, в пространстве?»

— Не отставай... — На пороге шлюза Гур высунулся из дверцы. — Не забудь включить связь в шлюзе.

— Не забуду, — сказал Кедрин.

Он не забыл. Индикатор связи замерцал в шлеме, как близкая зеленая звезда.

Скваммер ступил из выходного шлюза в пространство. Так ступают за борт парашютисты: только в пространстве человек не падает и Земля не приближается стремительно к нему. Она остается такой же далекой, хотя и хорошо видимой. На ней так много хорошего... Но нет времени думать о ней, если ждут люди и ждут звездные корабли.

Монтажники быстро удалялись в рабочее пространство, уменьшались, растворялись в темноте. Кедрин остался один. Нет, один он еще плохо чувствовал себя в пространстве. Что за отвратительное ощущение — один в бездне! Хоть полезай обратно в спутник... Нет. Нет!

— Где вы там? — спросил Кедрин.

Он ждал знакомых голосов. И голос, ответивший ему, был знакомым. Но это не был голос никого из трех монтажников Особого звена. Это был другой голос, и Кедрин резко повернул голову, словно бы безмятежно-спокойное лицо оказалось здесь, рядом, и ясные глаза знакомого взглянули, как всегда, наивно и чуть удивленно.

— А, это ты, Кедрин? — сказал голос. — Рад слышать тебя в пространстве. Ты разворачиваешься назад, Кедрин? К спутнику? Ага, понимаю — ты еще не вполне владеешь гиросулем. Отверни его назад, Кедрин, отверни его.

— Черт! — сказал Кедрин. — Это капризная вещь, Велигай, гиросуль.

Он включил ракету. Скваммер быстро забрал ход. Рабочее пространство текло навстречу, как всегда навстречу нам течет время, и нам всегда дано плыть лишь против его течения. Вот почему время сравнивают с рекой, хотя оно гораздо более сродни космосу: оно так же всеобъемлюще, и недаром лишь в пространстве — времени существует все, что мы знаем. Но если пространство — океан, то время — течение этого океана: странное течение — всегда встречное, никогда не попутное. И поэтому только тот ощущает и в конечном итоге побеждает его, кто борется с этим течением всегда, везде. Только в такой борьбе исчезает все лишнее и остается то, что должно остаться.

Лишнее отпадает, как мельчайшие частички вещества отпадают в процессе приработки заново вложенной детали ко всему механизму — приработки, в результате которой час за часом, день за днем все больше становится площадь взаимодействия, все ровнее и точнее — движения. Но это детали — это не люди. Даже не очень опытный специалист с первого взгляда определит, подойдет ли взятая часть к целому, встанет ли на свое место, войдет ли в зацепление с соседними деталями механизма, и если не подойдет — решительно отложит ее в сторону. При чем чем сложнее механизм, тем точнее должна деталь соответствовать заданным размерам. Если же речь идет не о механизме, а о коллективе, состоящем из людей, то здесь мы встречаемся с обратной закономерностью: чем больше и сложнее коллектив, тем меньше может вначале соответствовать тот или иной его член требованиям. Начиная с определенной стадии, коллектив сумеет переформировать и подчинить своим требованиям даже человека, казалось бы, вовсе неподходящего. И если экипаж звездного корабля, состоящий из немногих людей, подбирается с привлечением последних достижений психологии и не один и не десять дней изучается каждый, то люди Звездолетного пояса, в котором население спутников исчислялось тысячами, могли позволить себе роскошь взять обыкновенного человека на приработку. Мощь многолюдного организма не подводила даже в одном случае из тысячи.

И вот уже шла эта приработка, и первый признак этого заключался в том, что Кедрину по дороге в рабочее пространство более не вспоминался ни позор его первых тренировочных дней, ни деталь, едва не ставшая в его руках смертоносной, и даже воспоминания минувшей ночи отошли куда-то. Сегодня был первый настоящий рабочий день, и сегодня же должно было произойти нечто гораздо более значительное: закладка того самого корабля, который уже ждали, с большим нетерпением ждали на орбите Трансцербера и который ждала вся планета со всеми своими пригородами — планета, которая вовсе не собиралась отдавать восемь жизней хотя бы и непредвиденным обстоятельствам.

И никто не собирался. И все тринадцать спутников Звездолетного пояса, которые изготовляли все, что требовалось для того, чтобы седьмой спутник мог смонтировать из этого корабль; и лунные рудники, из которых доставлялся на пояс металл; и земные вычислительные центры, без помощи которых не могло, конечно, обойтись ни одно серьезное дело; и земные энергоцентры, без которых тоже ничего не могло произойти, хотя на Звездолетном поясе и было два своих энергетических спутника — третий и девятый. Все ждали того дня, когда круглый планетолет покинет рабочее пространство и даст возможность заложить новый корабль. И вот сегодня третья смена, наложив, наконец, последний мазок, передала корабль испытателям, и они увели его в Заземелье. Рабочее пространство опустело.

Монтажники растянулись в нем широким кольцом. Кедрин чувствовал, что волнуется, но виной тому был не страх: он был забыт, как думалось Кедрину, навсегда. Корабли закладываются не каждый день. И хотя на Земле Кедрину приходилось видеть, как закладываются основы зданий и теорий, но это было совсем не то. И не только потому, что при современных методах строительства и исследования выделить момент закладки основ было практически невозможно.

Дело заключалось в том, что на Земле еще никогда и ничто не закладывалось на пустом месте. В крайнем случае была сама Земля — тот участок ее, на котором что-то начинало воздвигаться. Тем более это относится к теориям, которые даже в принципе не могут возникнуть на пустом месте, и даже прогносеология не является исключением из правила, потому что как у строителя есть земля, так у прогносеолога есть хотя бы логика. Здесь же, казалось, не было ничего. Здесь было пространство, которое для физика является сложнейшим образованием, но в обычном трехмерном восприятии человека все еще остается пустотой, иными словами — ничем. И вот в определенном объеме этой пустоты — в заданном кубе, как говорят монтажники, — внезапно появилось нечто.

Сначала трудно было определить, что это такое, и поэтому казалось, что не люди привели сюда этот предмет, а само пространство в напряженном усилии породило его, чтобы занять, заполнить то место, куда с таким ожиданием были устремлены глаза всех монтажников. Предмет, ведомый невидимой глазу тягой магнитных силовых линий, подплывал все ближе — и вот по краткой команде, которую своим резким, курлыкающим голосом подал шеф-монтер, несколько монтажников кинулись к предмету, окружили его: кто-то из них нацепил на выступ эластичную ленту, светящуюся яркими, торжествующими красками; и вот предмет, в котором все больше и больше узнавалось сердце корабля — диагравийонный реактор, — величественно, словно светило, окруженное планетами в скваммерах, вплыл в центр рабочего пространства. Тормозя, грянули двигатели скваммеров. И реактор сразу же застыл, повис на своем месте. Вспыхнули прожекторы, заработали радио и оптические маяки, точно обозначившие границы участка, и возникло и разрослось розоватое облако, ясно видимое издали и с Земли, чтобы и на Земле видели его и радовались закладке корабля.

Так шла закладка кораблей в пространстве; они начинали расти с сердца, и сердце начинало биться с первой же минуты. Потом оно обрастало мускулами и кожей — оболочкой, как известно, в последнюю очередь, чтобы оболочка не мешала монтировать крупные детали.

Работа началась. Кедрин услышал команду в свой адрес и не обиделся тому, что его ставили на подсобные: больше он ничего и не умел делать на монтаже. Он без труда нашел по номеру свою деталь и немного испугался ее размеров, но храбро ухватился клешнями всех четырех «рук» скваммера за назначенные места; вторые «руки» подчинились ему, хотя и без особого желания, но все же подчинились. Кедрин включил ранец. Деталь не хотела сдвигаться с места, она была велика и массивна, инерция была сильнее двигателя — и Кедрин напряг все мускулы. Он не мог не напрячь их, хотя и знал, что это абсолютно ни к чему, что он на этот раз не поможет этим скваммеру. Но, видимо, он все-таки помог — или это двигатель в конце концов переборол инерцию? — и вдруг деталь чуть сдвинулась, звездный пейзаж поплыл, поворачиваясь в нужном направлении, все быстрее, быстрее... Кедрин ощутил радость: грудь с грудью столкнулся он с инерцией вещества — и победил ее, и деталь послушно шла с исходной позиции на краю рабочего пространства вперед, туда, где перехватят ее установщики. Второй раз уже за эти сутки испытывал Кедрин радость от своей силы, от возможности подчинить ей еще что-то, кроме тензорных уравнений, хотя и от них он не собирался отказываться. Нет, это было совсем не то, что забить гол команде антеннистов с Букиным во главе; там, конечно, тоже была радость и удовлетворение, но только теперь Кедрин понял, что ни в какое сравнение они не могут идти с тем, что испытывал он сейчас.

Дальнейшее он помнил плохо. Были детали, и тяжелое упрямство инерции, и каждый раз — острая радость преодоления массы и сопротивления. Были детали полегче, были минуты отдыха, когда транспорты не успевали подавать узлы с других спутников Звездолетного пояса, потому что темп монтажа превышал даже и рассчитанный по новой технологии. Шесть часов рабочего времени — удлинённая смена — ушли куда-то, пролетели мгновенно, так показалось Кедрину, когда раздался сигнал конца смены. Монтажники торопились очистить рабочее пространство для другой смены, которая вот-вот покажется возле спутника. И только теперь Кедрин сообразил, что у него как-то выпало из виду, что вся эта работа происходила в том самом грозном пространстве, которое еще в начале смены пугало его. Сейчас оно стало как-то безразлично Кедрину — быть может, потому, что вокруг летели, направляясь домой, монтажники. Во всяком случае, стало ясно, что пространство — само по себе, а он, Кедрин, — тоже сам по себе и они могут абсолютно не мешать друг другу.

Он летел к спутнику и пытался угадать, в каком же из этих скваммеров скрывается Ирэн. Если он не найдет ее в гардеробном зале, то зайдет к ней в каюту и они пообедают вместе. Конечно, он не думает, что все наладится сразу, само собой, но ведь...

— Кедрин!!

- А-а?
- Наконец-то! Я уж думал, что ты выключил связь. В пространстве это не разрешено, ты не забыл?
- Я и не думал выключать. С чего это...
- Я тебя окликаю третий раз, мой рассеянный друг.
- Я задумался...
- Ты не устал?
- Н-нет... — сказал Кедрин и сообразил, что он в самом деле устал куда меньше, чем в дни тренировок.
- Чудесно! В таком случае ты, конечно, захочешь побывать на нашей обсерватории? Не так ли, о любознательный!..
- На обсерватории? — спросил Кедрин. — А зачем? Я, собственно, думал...
- И все же было бы очень хорошо. Ты ведь не забыл, что это именно ты видел прошлым вечером какую-то звезду? Ты ее действительно видел?
- Видел, — хмуро сказал Кедрин. — Но я же не могу вас убедить.
- Но, возможно, сумеет Герн. Служба наблюдения у него поставлена хорошо. И если в пространстве появилось что-то новое, кто-нибудь да заметил это, кроме тебя.
- Если так, — сказал Кедрин, — то идем к Герну. Я готов.
- Смена покинула рабочее пространство. В зале монтажники высвобождались из скваммеров и шли мыться, переодеваться, отдыхать, обедать, чтобы затем превратиться в конструкторов, технологов, операторов, аналитиков, продумывать темп-схему завтрашнего дня. Пока не будет закончен корабль, все остальные работы и занятия в лабораториях, студиях, мастерских и кабинетах были отменены, потому что человеку свойственно стремиться к тому делу, которое сегодня нужнее всего.
- Я готов, — повторил Кедрин.

ХII

На орбите Трансцербера капитан Лобов закончил стирку и теперь сидит и читает бортовой журнал. Расходовать энергию на то, чтобы смотреть старые фильмы, инженер Риекст не рекомендует, и капитан не расходует.

Инженер Риекст все еще занимается экоциклом. На помощь себе он привлек одного из пилотов. Второй по-прежнему находится в рубке. Считается, что он на вахте. Но на вахте делать нечего — наблюдением, предупреждением и всем прочим занимаются исследователи.

Сейчас они страшно заняты: очень интересны факты, совершенно непонятное явление. Пока подыскать ему объяснение трудно. Вот если бы здесь находился Герн... Но Герн находится далеко, в обсерватории спутника дробь семь Звездолетного пояса, и вряд ли он оттуда мог наблюдать это интереснейшее явление. Впрочем, кто знает: астрономам в особенности известно, что Герн подчас бывает способен на невозможное. Особенно когда он находится в привычной обстановке своей обсерватории.

На спутнике дробь семь, как и на всех искусственных небесных телах, обсерватория помещалась в вынесенной за пределы главной оси пристройке. Она соединялась со спутником скользящим рукавом; в отличие от самого сателлита обсерватория не имела собственного вращения: мудро было бы наблюдать небесные тела из помещения, делающего оборот вокруг своей оси менее, чем за два часа.

Нельзя сказать, чтобы в обсерватории было просторно; это станет понятным, если вспомнить, что обсерватория строилась для двух наблюдателей, а сейчас их там шестеро. Входя, Кедрин не ожидал этого, а уменьшенная тяжесть была тоже непредвиденной. Рассерженные лица астрономов (которые, разумеется, тоже были монтажниками и строили корабли) в первую же минуту обратились к Кедрину. Однако ему каким-то чудом удалось не сбить с места, не перевернуть и даже не задеть ничего существенного.

Остальные трое монтажников, вошедшие вместе с Кедриным, были здесь, очевидно, не впервые, и их приветствовали даже с некоторым уважением. Хотя кто-то из астрономов и не мог удержаться от нескольких слов в адрес дилетантов и вообще людей, которые не занимаются своим делом, а толпятся около астрономических приборов, в которых абсолютно не разбираются. В его речи скользило круглое «о» и слово «астрономический» казалось почетным званием, которое уже само по себе делало инструменты неприкосновенными.

В обсерватории все монтажники как-то разместились. И тогда круглая дверь снова распахнулась, и на пороге показался Герн. Он смотрел куда-то в пространство и шевелил губами. Потом он налетел на Дугласа, который так и остался посреди обсерватории, потому что все места у стен были уже заняты.

— Ах, да, — сказал Герн, ошупывая Дугласа. — Позвольте, что это?

Он поднял голову и увидел Дугласа.

— Здравствуйте пожалуйста, — сказал Герн и заложил руки за спину. — Что, на спутнике больше нет места для бездельников, а? Вам уже непременно надо ходить в обсерваторию и мешать людям работать? А? Я вас очень уважаю и поэтому прошу немедленно освободить помещение. Я же не влезаю в ваши лаборатории? А? Хотя они гораздо просторнее, и это, конечно, безобразия. Я всегда говорил...

Дуглас умоляюще посмотрел на Холодовского, потом на Гур. Герн вышел на свою орбиту и теперь мог не менее часа говорить о жалкой участи астрономов, обитающих на спутнике дробь семь. Холодовский пожал плечами. Гур очаровательно улыбнулся.

— Маэстро Герн, — сказал он сладчайшим голосом. — Вы слышите меня, о мой эрудированный друг? Мы все, конечно, согласны...

— ...Если бы эту жалкую каморку увеличить хотя бы вдвое, мы бы могли проводить такие наблюдения, что ни одна другая обсерватория в Приземелье не посмела бы.

— Например, наблюдения на фоне «Угольного мешка», — сказал Гур.

— Что? — спросил Герн.

— Я говорю: не проводили ли вы этой ночью наблюдений в направлении «Угольного мешка»? Хотя, вероятно, нет: что там может быть такого, что интересовало бы астрономов.

— Чтобы вы знали, астрономов интересует все! — сердито сказал Герн. — Так вы пришли затем, чтобы узнать это? Допустим, мы проводили наблюдения. Ну и что?

— Вот этот юноша, — сказал Гур и вытолкнул вперед Кедрина. — Вот этот многообещающий юноша уверял нас... Ведь вы знаете этого юношу?

— Неужели вы представляете, что я знаю всех юношей? — спросил Герн. — За кого вы меня принимаете, а?

— Но вот этого...

— Одну минуту, — сказал Герн и воззрился на Кедрина. — Что-то припоминаю... Вы астроном? А, нет, вы как раз не астроном, помню. Это вас принимали как раз в мое дежурство. Мне удивительно везет: если на спутнике что-то происходит, то обязательно в мое дежурство. Так что нужно этому юноше? Скажите, как вы себя чувствуете теперь в пространстве? Величественный вид светил, не закрытых колеблющейся атмосферой...

— Этот юноша, — сказал Гур, — уверяет нас, что сегодня ночью, по времени четвертой смены, по вашему времени это вечер, в направлении примерно восемнадцать — сто сорок семь ноль два он увидел нечто напоминающее небесное тело. Звезду. Определить звездную величину он затрудняется, но, судя по его рассказам, она близка к нулевой. Другой наш товарищ — вот он...

— А, Холодовский, — сказал Герн. — Очень рад вас видеть. Что у вас нового?

— Нового у него то, — сказал Гур, — что он сомневается в возможности наблюдения такого тела там, где его никогда не было и, судя по всему, быть не должно. У него — да и у всех нас — есть причины интересоваться этим всерьез. Поэтому, о наш наблюдательный друг, если бы у вас случайно оказались какие-либо данные...

— Как вам нравится, случайно, а? — сказал Герн. — По-вашему, у нас наблюдения производятся случайно? От случая к случаю?

— Тем лучше, — сказал Гур. — Значит, вы наблюдали?

— У нас нет такого количества наблюдателей, чтобы круглые сутки наблюдать за всей сферой, — сказал Герн. — Вот если бы шеф-монтер и все вы тоже...

— Значит, вы не наблюдали, — сказал Гур.

— Мы не наблюдали. Но автоматика наблюдала. И если там что-нибудь произошло, то все это будет на пленке. Апри, дайте мне сегодняшние пленки. Мерси. Ну, вот они. Сейчас посмотрим...

Он растянул пленку в руках, бормоча: «Посмотрим, посмотрим...» Все следили за ним, вытянув шеи, пытаясь заглянуть в медленно проходившие перед глазами Герна кадры. Он отложил пленку, сказал: «Ничего интересного... Сeza, внесите коррективы в модель «Леонид», — взял другую пленку. На ней

тоже не оказалось ничего интересного — для неспециалистов, как сказал Герн. Он взял третью. Ничего. Четвертую. На седьмой Холодовский махнул рукой, негромко сказал: «Ясно, ничего и не будет. Я в этом не сомневался». Герн услышал его.

— Сомневаться надо, — назидательно сказал он. — Всегда надо. Пусть нет на седьмой — может оказаться на восьмой. А?

Он бегло проглядел восьмую, потом опустил руку и стал глядеть в потолок.

— Нет? — спросил Гур.

— Есть, нет! — рассердился Герн. — Как это у вас все легко!..

Он заправил пленку в проектор. Кадры медленно поплыли по крохотному экрану. Через минуту Герн остановил проектор.

— Анри, вот эти кадры немедленно отпечатать.

Последующий час был до отказа заполнен тишиной. Только напряженное дыхание замерших людей свидетельствовало о том, что обсерватория все еще обитаема, да изредка — краткие возгласы. Потом кто-то пробормотал:

— Он ошибся на ноль пять. У меня величина получается ноль пять. Вы слышали о чем-нибудь подобном?

— Все летит непонятно куда, — откликнулся второй. — Там же не было абсолютно ничего. Только радиообъекты, но не оптические... Люди столетиями...

Он не закончил, но и так всем было ясно, что делали люди столетиями: они заблуждались, если только можно назвать заблуждением незнание каких-то фактов. Они заблуждались и еще будут заблуждаться, ибо ясно — в вечно меняющемся и развивающемся мире и открытые людьми закономерности не остаются неизменными, кроме самых основных, да и они приобретают для людей новый, все более глубокий смысл. Но человечество накапливает знания и делает выводы все быстрее, ибо все больше людей участвует в процессе познания; и еще неизвестно, как далеко и в каких направлениях успели зайти люди других человечеств. Но в конце концов и это станет известно.

Размышления текли все дальше и дальше и зашли бы очень далеко, если бы не Гур.

— Великий пир астрономии, — негромко произнес Гур, — где нам досталась всего лишь скромная роль кулинаров. Что же, столы накрыты, и не скоро теперь сии мужи почувствуют сладостное ощущение сытости. Пойдемте и мы, ибо наша работа не кончена, о друзья мои, и мы узнали главное: такое тело было, наш друг Кедрин и на сей раз не галлюцинировал. А как это связано с запахом — этого нам, увы, не скажут астрономы и даже сам Герн...

— А? — сказал Герн. — Нет, конечно, не скажу.

— Но хотя бы о природе явления. Что это? — спросил Холодовский.

— Вы думаете, на нем написано? Нет, я не могу ответить сразу. И никто не может.

— Идем, — сказал Холодовский.

— Побудем еще: здесь интересно, — сказал Дуглас.

— Нет, — сказал Гур. — Нет времени. Кедрин, пошли. Нам предстоит обдумать еще многое.

Они выбрались из обсерватории, и вряд ли их исчезновение заметил хоть один из ее обитателей. Они прошли переходный рукав, миновали негромко рокошующее соединительное кольцо и, войдя в пределы спутника, с удовольствием ощутили уверенную тяжесть.

— Ко мне, — сказал Дуглас. — Время свободного полета. И сегодня мы должны что-то привезти из этого полета.

— Что ж, — сказал Гур, — пусть к тебе, мой парящий друг. Как знать, может быть, мы что-нибудь и привезем.

В каюте Дугласа они расселись, и Холодовский сказал:

— До первой идеи. Додумывать я пойду в док. Ну, Кедрин, я был не прав. Приношу извинения. Полетели. Гур, возглавь.

— Так, — сказал Гур, и его правая рука мерно задвигалась, словно отбивая такт словам и мыслям. — Летим вот в каком направлении: раз была звезда — значит был и запах.

— Вероятность девяносто, — сказал Дуглас.

— Достаточная вероятность. Направление подтвердилось, значит остается в силе вывод: экраны не удержали запаха. Слава?

— Ну, — скучным голосом сказал Холодовский, — возможно, мы тут что-то пугаем. По моей гипотезе, излучение возникает при торможении метеоров в статическом поле. Я считаю, это не подлежит сомнению. К чему же эта звезда, если даже она и была? До сих пор всегда, когда возникал запах, фиксировались и метеориты.

— Сегодня их не было.

— Значит, не было и запаха. Мало что девяносто процентов. Не сто.

— А чем ты объясняешь историю с экраном?

— Пока ничем. Герн прав: нельзя же объяснять просто так, с ходу строить гипотезы. Всякая гипотеза требует размышлений.

— Итак, Слава считает, что запаха не было. Мы полагаем, что он все-таки был. Дело не в этом, сварливые друзья мои. Дело в том, что мы еще не умеем определять направление. Нужен прибор. Один метеор не создает атаки запаха. Только целый поток их протяженностью примерно в минуту — до сих пор атака не продолжалась дольше. Получив прибор, пеленгирующий направление на источник запаха, мы соединяем его с озомером. Такие блоки выносим в пространство во всех направлениях.

— И маневренный экран, — сказал Дуглас. — Небольшой, но маневренный. Метеор как источник излучения можно приравнять к точечному излучателю. Заэкранировать его легче небольшим, подвижным и мощным экраном.

— Почему бы просто не экранировать метеоры? — спросил Кедрин.

— Незачем. Если излучают метеоры, то мельчайшие. Излучение идет на уровне атомов и молекул. А локаторы своевременно предупреждают нас только о больших.

— Итак, нужен прибор. Начинаем бредить... — сказал Гур. — Мне это представляется вот как: если озомер Холодовского рассчитан на колебания миллиметрового диапазона и опреде-

ленной амплитуды — ведь ощущение запаха вызывают, очевидно, колебания с небольшой амплитудой, иначе мы слышали бы запах неопределенно далеко от излучающего объекта, но мы воспринимаем их главным образом вблизи — так вот, если озомер рассчитан на слабые колебания и даже сверхслабые, то задача...

— Мне это представляется так, — сказал Дуглас. — Я беру озомер. — Пальцы его так уверенно взяли этот прибор, что показалось — озомер и впрямь оказался в руке монтажника. — Беру озомер... К нему присоединяется устройство, способное выделять сверхслабые колебания миллиметрового диапазона из потока более сильного излучения, которое на нас не действует и нам не опасно. Остальное — задача чисто техническая, кроме узконаправленной антенны миллиметровых колебаний, которую просчитает Кедрин.

Кедрин кивнул: это он просчитает, задача несложная, если ему дадут хоть маленькую машину.

— Дадим, — сказал Гур. — Итак, главное: как выделять слабые, отводить, задерживать или нейтрализовать сильные колебания. Ну?

— Надо ассоциировать, — сказал Холодовский.

— Ассоциация есть самостоятельность мозга, — усмехнулся Гур, — его спонтанная деятельность. Проявление избирательности, способность отыскивать в памяти подобное. Какие возникают ассоциации?

— Выделять, — сказал Дуглас. — Разделять, отделять. Что-то очень старое. «Разделяй и властвуй». Старое...

— Поверим интуиции. Пошли в старое. Слава?

— Паровоз. Теплотвор. Мировой эфир...

— Телеграф, — сказал Кедрин. — Гонец. Ящик. Барышня.

— Почему барышня?

— Раньше телефонную связь осуществляли барышни. Я читал.

— Как это характеризуется?

— Что-то такое хрупкое... нежное...

— Хрупкое, — сказал Дуглас. — Лампа. Кенотрон. Пальчиковая лампа. Кристаллический диод. Неоновая лампа. Хрупко... Диод. К чему бы диоды?

— Диоды, — сказал Гур. — Триоды. Квадрупеды. Пентаметры. Секстеты. Секстеты — оркестры. Барабаны. Трубы. Ничего? Далее: трубы. Заводские. Еще?

— Паровозные, — сказал Холодовский.

— Паровозные. Пути. Рельсы. Тоннели. Тоннели. Что?

— Тоннели, — сказал Дуглас. — Тут что-то есть... Тоннельные диоды.

— Тоннельные диоды, — сказал Холодовский.

— Маленькие, милые, старые тоннельные диодики, — сказал Гур. — Ну и что?

— Это годится, — сказал Кедрин. — Это стоит продумать. А я пока подумаю над антенной.

— Тогда отключись, — сказал Дуглас. — Тебе мешают голоса?

— Нет, — сказал Кедрин. — Когда отключаюсь, нет.

Он на мгновение напрягся — и каюта с тремя людьми ушла куда-то, осталась пустота, и в ней четкие синусоиды колебаний, резкие и совсем слабые, и образующая. Потом образующая осталась одна, синусоиды исчезли — и надо было лишь восстановить их, поймать и подвести к тому, что сейчас продуывали трое монтажников. Как это сделать? Кедрину представились какие-то еще не совсем ясные ему силы в виде крючков, которые протягивались со всех сторон и старались выудить из пустоты одну синусоиду и оттащить ее от остальных, но это не удавалось. Потом сбоку появилась вторая слабая синусоида; она мерно пульсировала, колебалась, и это был резонанс.

Он записал резонанс где-то в левом верхнем углу плоскости, которая представлялась ему, и стал думать дальше. Он начал мыслить формулами, но невооруженный мозг оказался не столь пригоден для этого, как «Элмо». Тогда он вернулся к резонансу, потому что другие схемы, чертежи и графики, которые он представлял себе, не дали никакого намека на необходимое решение. Он вернулся к резонансу и понял в общем, что именно следует вводить в машину, которую ему обещали предоставить. После этого он, вздохнув, проник в оставленный было мир действительности.

Остальные трое молчали, очевидно тоже найдя свои задачи и отключившись от всего остального. Кедрин отдыхал, голова казалась какой-то пустой. Вскоре встрепенулся Дуглас, поднял голову, задумчиво посмотрел на Кедрина, видимо еще не узнавая его, потом узнал.

— Я представляю так, — сказал он. — Вот тело прибора. Вход. Фильтр. — Он взял невидимый фильтр и поставил его на место, присоединил. — Здесь идут каскадные блоки. Усиление «А» и «а» малое... — Он продолжал точными движениями размещать элементы прибора. — И вот выход на озомер. За ним — выходы на запись и на контроль. Все.

— Чудесно, мой проектирующий друг! — Гур вступил в разговор легко, словно и не выключался. — Чудесно! Отфильтрование по амплитуде у меня вроде бы получается. Остается лишь подождать, пока вернется наш друг Слава, и если окажется, что и у него все в порядке...

— У меня не все в порядке, — мрачно проговорил Холодовский, не открывая глаз. — Я же говорил, что не могу думать в такой сутолоке мыслей. Мне нужно большое помещение. Пожалуй, пойду в док.

— В доке стоит транссистемник «Балтика». Ему надо менять гравигенную аппаратуру, выработался весь ресурс.

— Кстати, — сказал Кедрин. — А почему за «Гончим псом» не посылают транссистемник? Ведь в конце концов орбита Трансцербера относительно недалеко, за бывшими рубежами солнечной системы, за орбитой Цербера. Неужели он не дошел бы за три месяца?

— Увы, изобретательный друг мой, — сказал Гур. — Импульсному транссистемнику туда идти полгода. У него ведь не диагравиионный привод, а всего лишь ионный. Это медленные транспортные корабли, транссистемники. Их задача — заходить за орбиту Сатурна, не дальше. Ведь дальше вообще проникают

считанные экспедиции. Их возят длинные корабли, которые чаще всего забрасывают их по дороге — по дороге к звездам.

— А обратно?

— Обратно их, как правило, забирают тоже длинные. Сроки экспедиций заранее рассчитаны, а посты на дальних планетах не меняются чаще, чем раз в год.

— Не хотел бы я попасть на дальнюю планету, — сказал Кедрин.

— Обещаю, что в ближайшие дни ты туда не попадешь, — сказал Гур. — Но если ты хочешь попасть к вычислителю, который я забронировал для тебя на часок, то время торопиться.

Кедрин вскочил.

— К вычислителю! — ликующе сказал он. — Вот это да!

— Не радуйся, это не «Элмо»...

— Все равно. Хотя, конечно, было бы намного легче работать, если бы здесь была нужная степень автоматизации. А то ведь Дугласу пришлось самому компоновать прибор. У нас в институте это отдали бы в композиционное устройство и на программу.

— Вот они, — сказал Гур, укоризненно качая головой, — вот они, привычки кабинетников! Мало вычислить — еще и компоновать, и запрограммировать, и еще, наверное, передать автоматам не только для изготовления, но и для испытания. Так?

— А как же иначе?

— Нет, — сказал Дуглас.

— Зачем, о друг мой? Зачем лишать себя радости? Можно работать и головой и руками. И, придумав прибор, его делают. Хотя бы опытный экземпляр. Это доставляет радость. Союз рук и головы. Ведь руки сделали человека человеком. Руки! И мозг.

— Слепцов, мой руководитель, говорит, что это устарело.

— Кушать за себя ты тоже доверишь машине? Нет? А почему?

— Да простится мне это! — сказал Холодовский. — Целовать женщину ты будешь сам? Или и это доверишь машине? Чтобы она делала это для тебя?

«Не красней, — сказал себе Кедрин. — Не красней, слышишь?»

— Довольно, монтажники, — сказал Гур. — Вы вогнали его в краску, о мои язвительные друзья! О, как томит его сознание собственного консерватизма! Томит ли, о друг мой?

— Томит, — мрачно ответил Кедрин.

— Посему ступай же на вычислитель, сделай расчеты. И тогда...

Дверь каюты начала растворяться медленно и неумолимо — так медленно и неумолимо, словно за нею стояла сама судьба. С минуту никто не входил. Затем на пороге показался Герн, глаза его задумчиво смотрели из-под нависающего лба. Он остался стоять в дверях, глядя куда-то вдаль и всем своим видом выказывая крайнее удивление.

— Если он удивится еще сильнее, брови окажутся на затылке, — хладнокровно констатировал Гур.

— Ага, — сказал Герн, и брови его на миг заняли нормальное положение. — Это вы. Мне так и казалось с самого начала, но я не был уверен.

— Гур, он узнал тебя по перлам остроумия, — сказал Холодовский.

— Допустим, — сказал Герн. — Так зачем я пришел? А, вот что: мы разобрались в этих фотографиях. Конечно, это было нелегко, но мы разобрались.

— Ну? Что это такое? Что это было?

— Вот именно! — сказал Герн. — Что это было? Этого никто не знает. Я склонен лишь думать, что это было нечто, чего теперь уже нет. Потому что, по моему убеждению, это было явление взрывного порядка. Если аннигиляция, то мог взорваться корабль. Если атомный взрыв, то могла взорваться и не очень большая планета.

— К чему такие сравнения? — сердито проговорил Холодовский. — Почему надо сравнивать именно с кораблем?

— Потому, — сказал Герн, — что направление-то мы установили точно. Это в пределах ошибки — направление на Трансцербер. Или на корабль. На таком расстоянии это практически одно и то же.

— Значит? — Гур схватил астронома за плечо. — Значит?..

— Ничего не значит... — медленно ответил Герн. — Может быть, там уже ничего не осталось.

— Вы доложили?

— Я доложил.

— Что Седов?

— Вы не знаете Седова? Он мне сказал примерно так: он поверит в это тогда, когда получит от них радиограмму об их собственной гибели. До тех пор работы будут продолжаться так, как они начаты, и никак иначе. Это же Седов!

— Что ж, — сказал Гур. — Тогда все в порядке. Переживать и сомневаться будем про себя. Монтажники не сомневаются, не правда ли, Слава Холодовский?

— Иногда они слишком много говорят, — сказал Герн, не глядя ни на кого в особенности. — Так, собственно, я зашел только поблагодарить вас за то, что вы обратили наше внимание на эту вспышку. Иначе мы добрались бы до нее только вечером. Спасибо.

— На здоровье, — сказал Гур. — Кедрин, тебе время на машину.

«К чему?» — хотел спросить Кедрин. Но не спросил и пошел на машину.

Еще несколько минут тому назад он опустился бы в кресло вычислителя с удовольствием. Теперь он сделал это машинально, мысли его были там, на орбите Трансцербера. Вот, казалось, все было продумано, все делалось для того, чтобы спасти людей. Но слишком много непонятого еще происходит в пространстве, даже в пределах уж такой знакомой, кажется, солнечной системы. Нет, какая уж тут гарантия!..

Он быстро запрограммировал задание, ввел данные в машину. Это был новый вычислитель — конечно, среднего класса, но и такой был единственным на спутнике дробь семь. Не очень

сильная машина, но и за ее пультом Кедрину сидеть не то что приятно, а просто необходимо. Столько лет он занимается такой и еще более сложной работой, и, наверное, ему и надо заниматься. Конечно, в пространстве неплохо, но хорошо, если бы здесь были «Элмо» и большие вычислители.

Машина работала, чуть слышно жужжа. Кедрин думал. Нет, конечно, пока не следует делать выводов. Сколько он здесь? Без году неделю. Что-то здесь все-таки хорошо, что-то есть такое, чего не хватало в его жизни. И Ирэн здесь. Без нее он не уйдет на Землю. А с нею? С нею — может быть...

Машина закончила вычисления, результаты были отпечатаны на ленте. И все же Кедрин не торопился подниматься с кресла.

Ему вдруг стало необычайно хорошо. Нетрудно было представить, что это небольшое помещение — часть вычислительного зала где-то на Земле. Сейчас, выйдя из двери, можно будет ступить на зеленую траву и пойти по ней или просто упасть на нее и лежать, прижимаясь щекой к упругим стебелькам. Солнце, на которое можно смотреть и без посредства поляризующего фонаря. Запахи, которых не надо бояться. Люди, которые не надевают скваммеров. Женщины, которые...

«Женщины, которые не похожи на нее, — подумал он. — У которых нет таких волос. Таких глаз. Таких губ. Такого голоса. Женщины — которые не она».

Он взглянул на часы. Время обедать.

Кедрин бережно спрятал кусок ленты в карман. Под ногами потекла не трава, а пластик, безжизненный, хотя и упругий. Солнца не было, и полдневный свет, заливавший коридор, был все же искусственный, как бы он ни был похож на настоящий. И чтобы выйти из спутника, хочешь или не хочешь, придется влезать в скваммер, иначе нельзя. А что касается запахов, то их можно обонять в кают-компании, можно заказать запах в свою каюту. Но только не в пространстве. Только не в пространстве.

XIII

На орбите Трансцербера не происходит ничего. Ничего не видно. Темнота, пространство. Вот все, что можно сказать сейчас об орбите Трансцербера.

Он вышел в пространство назавтра. И послезавтра. Каждый день. Неделю. Две недели.

Никаких известий не было с орбиты Трансцербера. Но шеф-монтер Седов вел работы так, как будто бы каждый день «Гончий пес» умолял ускорить, сократить, нажать... Таков был он, и такими были монтажники. Они верили, что те восемь живы и ждут. Монтажники верили, потому что хотели верить. А уж если они чего-нибудь хотели, они этого добивались.

Кедрин становился монтажником. И он добился того, что видел Ирэн каждый день. Целый час он проводил у нее. Не было разговоров о будущем. Не было разговоров о прошлом. Они говорили только о настоящем. О том, что сделано сегодня и что

будет сделано завтра. Заходить дальше, чувствовал Кедрин, было опасно.

Посидев час, он вставал и шел в каюту Дугласа. Прибор становился все более похожим на то, что было нужно. К счастью, ни разу за эти дни запах не возникал. И корабль все более становился похож на то, что было нужно, — на длинный корабль. Линия смонтированных механизмов уже протянулась на нужную длину. Наступала пора монтировать окружающие механизмы помещения. Затем в них будут монтироваться остальные, вспомогательные механизмы. Это займет месяц. А затем пойдет монтаж внешнего пояса помещений и, наконец, оболочки и внешней арматуры. И, наконец, наступит день, когда о корабле можно будет сказать: «Он готов».

Он будет готов. А пока надо выходить в пространство.

Теперь усталость уже почти совсем не ощущалась. Да и над неловкостью нового монтажника вряд ли стоило смеяться. Теперь он был специалистом, если еще и не таким, как большинство других, то, во всяком случае, полезным. С этой мыслью он проснулся сегодня утром — таким же розовым утром, как и все утра на спутнике.

Пространство тоже начало становиться другим. Правда, Кедрин не привык к нему: пространство было так величественно и так бесконечно, что привыкнуть к нему было нельзя. Но в его бесконечности, оказывается, крылась не угроза, а, наоборот, какое-то спокойствие, и, может быть, именно это спокойствие и являлось одной из причин того, что монтажники вовсе не торопятся покинуть Приземелье и вернуться на гораздо более удобную Землю, хотя могут сделать это в любой день и час, и им не пришлось бы скучать на Земле — там тоже много всякой работы. Но, оказывается, к пространству можно ощущать любовь, так же, как к Земле, к месту, где ты родился или вырос — ну, не совсем так, как-то по-другому, — но можно любить его, и спутник, и корабли, любить все это и чувствовать себя среди всего этого как дома. И, кажется, Кедрин уже начал привыкать к этому...

Кедрин, не ища, вышел точно на свое место в гардеробном зале. Скваммеры были уже подняты. Он по-хозяйски обошел вокруг своего двести восемьдесят третьего и по укоренившейся среди монтажников привычке хлопнул его по бедру и с удовольствием выслушал ответный гулкий и внушительный звон. Все было в порядке, оставалось влезть, устроиться поудобнее и закрыть за собою дверь.

Он так и сделал и, потянув поводок, защелкнул дверь и проверил предохранители. Затем, шагнув, он послал скваммер вперед.

В пространстве было темно, как и всегда бывает темно в пространстве, но будущий корабль был освещен — солнце стояло за спиной у монтажников. Горели зеленые маяки, показывавшие, что рабочее пространство открыто для смены.

Кедрин нажал стартер, это произошло само по себе — он больше не думал, какой силы импульс надо дать, чтобы очутиться в нужном ему кубе пространства. Корабль дрогнул и начал приближаться. Монтажники летели рядом — люди, возве-

денные в ранг небесных тел. Корабль надвигался стремительно. Холодные звезды вонзались в корпус реактора, как отточенные стрелы. Где-то над головой плыла Земля. В той стороне вспыхнуло, блеснуло — шла очередная партия транспортных кораблей.

Внезапно Кедрин судорожно крутнул головой: показалось, что кто-то приближается и вот-вот ударит справа. Нет, все было в порядке, сосед соблюдал дистанцию. Но кто-то начал двигаться слева, становиться все более заметным. Кедрин торопливо взглянул и в ту сторону. И отсюда никто не угрожал ему, однако после каждой смены от этого непрерывного оглядывания у него деревенела шея, и все же он не мог не вертеть головой.

На всякий случай Кедрин все-таки взял левее — ему показалось, что в этой стороне свободнее. В тот же миг царившая в телефонах тишина рассыпалась на drobные осколки, раздался громовой щелчок, и вслед за тем оглушительный голос Гура произнес:

— Непоседливый друг мой! Не вилай! Оставь рули в покое!

— Ты не можешь громче? — разъяренно взревел Кедрин.

— Могу! — еще громче заорал Гур и оглушительно расхохотался.

Кедрин мог поклясться, что это был хохот в миллионы децибелл.

— Так что же ты...

— Не кричи, — нормальным голосом произнес Гур. — Моя скромная голова раскалывается от твоего голоса.

— Вот как?

— Еще тише.

— Так? — Кедрин почти шептал. — В чем дело, Гур?

— Ослабь на две позиции, закрепи так.

— Но ведь все время при этой настройке звук не казался мне громким. Так?

— Уже похоже на норму. Теперь скоро твой день рождения.

— Мой? Нет...

— Скоро... Теперь слушай: возьми руль влево. Видишь оптический маяк номер восемь? Около него подождешь нас.

— Особое звено, да?

— Особое звено. Надо же, наконец, испробовать наш приборчик — хотя бы настолько, насколько это возможно пока.

Кедрин кивнул, хотя этого никто не мог видеть. Плавновключил гиросуль горизонтальной оси. Дал импульс. Еще чуть-чуть подправил рулями курс.

Уже не казалось странным, что можно было лететь в любом положении — не только головой, грудью или даже спиной вперед, но и наискось, и, как говорили монтажники, локтем вперед, и вообще в любом мыслимом положении... Сейчас основная масса монтажников находилась под ним; впрочем, стоило ему представить, что он летит не вперед, а вверх — и они тотчас же оказывались перед ним. Второй раз уже он видел смену со стороны, но тогда ему было не до того, чтобы вглядываться в нее, а сейчас он убедился в том, как все-таки много людей на спутнике: здесь была лишь четвертая часть монтажников и даже меньше — и все же их было очень много. В простран-

стве было настолько желюдно, насколько пусто казалось в спутнике — тому, кто не знал, где искать людей. Их надо было искать в каютах, если в этой смене была ночь, и в лаборатории, библиотеке, концертном зале или телезале, где можно было получить переданное непосредственно с Земли изображение любого полотна и рассматривать его столько, сколько нужно. На спутнике можно было жить по соседству с человеком и не встречать его месяцами, если его смена была сдвинута, как говорили монтажники, на сто восемьдесят градусов и работал он, когда ты спал, и спал, когда ты бодрствовал. Впрочем, в пространстве тоже трудно было встретить нужного человека, если, конечно, ты не хотел вызывать его по связи и орать на все Приземелье, а хотел просто увидеть, хоть издалека, и проводить взглядом, и порадоваться тому, что человек этот здесь, вблизи. Все-таки в пространстве было очень людно.

— Не людно, а скваммерно, — пробормотал Кедрин.

— Ну, Кедрин, — одобрительно проговорил откуда-то Дуглас. — Ну, ну... Дай еще плюс три, и ты придешь прямо в свой куб.

Кедрин непроизвольно оглянулся — голос Дугласа раздавался совсем рядом, и трудно было избавиться от впечатления, что он тут, за спиной. Кедрин оглянулся и оцепенел от изумления. И с ходу включил торможение, так что потерял стабилизацию и закувыркался в пространстве, описывая кривую великой сложности.

Дуглас действительно был совсем рядом, но не в скваммере, а в обычном полетном костюме, да еще с раскрытым забралом шлема, словно бы он находился не в вакууме, а за непроницаемой броней. Но он находился тут, в пустоте, он сидел в удобном креслице, прикрепленном к раме, легкой раме с четырьмя отходившими от ее углов усами, а сзади, за креслом, был прикреплен массивный по виду черный ящик — и больше ничего. Очевидно, скваммер с полной убедительностью выразил степень изумления Кедрина, потому что Дуглас радостно усмехнулся и назидательно поднял было палец, но промолчал, жестом фокусника снял шлем, подбросил, поймал и победоносно водрузил на место. Затем он слегка тронул один из лимбов на небольшом, стоявшем в ногах пульте, слегка задрожал, словно бы между ним и Кедриним встала вдруг стена нагретого воздуха, и вдруг рама плавно скользнула вперед, оставляя Кедрина далеко позади.

Тогда Кедрин снова вышел на курс. Оптический маяк придвинулся совсем близко, проскользнул рядом, но Кедрин уже тормозился. Торможение получилось очень удачным.

Дуглас был теперь совсем рядом и поглядывал то на Кедрина, то на свою раму и время от времени трогал какие-то лимбы и рычажки, так что дрожащая стена вокруг него то почти совсем исчезала, то становилась менее прозрачной, темнела, и тогда вместо рамы с Дугласом в пространстве возникал какой-то черный, плотный, приплюснутый кокон. Наконец запасы кедринского долготерпения иссякли окончательно.

— Что за фокусы? — спросил он обиженно. — Ты больше не лышишь воздухом? Тебе хватает межзвездного водорода? А мо-

жет быть, ты сидишь где-то в спутнике и просто стереопро-ецируешься в этот куб, как статуй из Эрмитажа?

— Верь своим глазам, Кедрин, — с достоинством произнес Дуглас и даже обошелся без своего излюбленного «ну, ну». — Глаза — аппарат, заслуживающий доверия. Не верь своим построениям. Сомнительным построениям, страдающим отсутствием логики. Я здесь, а не где-либо в другом месте. И почему я должен отказаться от неплохой привычки дышать воздухом?

— Но эта рама?

— Пока это рама. Когда-нибудь люди станут строить такие звездолеты. Так я думаю. Здесь работает всего лишь фи-компонента гравиполя. Это поле непроницаемо для многих вещественных субстанций. А когда оно выключается, остается рама. И вот этот реактор. Легкость транспортировки, простота управления. И другие достоинства...

Холодовский развернулся рядом. В вытянутых верхних руках его скваммер нес готовый прибор. Так во время оно подавали на стол самовар — некогда тоже плод технической мысли и конструкторского остроумия.

— Ну вот, — облегченно вздохнул Холодовский, словно он опустил тяжелую ношу, и вытер пот со лба. — Только что это испытывалось в закрытом доке, и все оказалось в порядке. Берет направление с точностью до градуса, больше нам пока, по сути, и не нужно. Сейчас испытываем в пустоте.

— Что он будет принимать?

— Гур пойдет со стороны экранов с пороховой ракетой. Она пройдет мимо и оставит пахнувший след. Несколько в стороне от направления, в котором я сейчас ориентирую озотаксор — так мы его называли. Дуг, не лопни в своей раме от самодовольства.

— А что? — сказал Дуглас. — Это уж, Слава, ну, ну... Обзор исключительный, на ходу легка. И забот всего — через месяц заменить элементы реактора. Вот покатаюсь в свое удовольствие — отдадим на Землю. Пусть запускают в серию.

— Что ж, пусть... — рассеянно отозвался Холодовский. — Кедрин, держи: блок записи. Еще не закреплен, так что держи на руках и старайся не дергать: полетят провода... Твое дело следить, как будет писаться. Гур, где ты там?

— Я здесь, любезный друг. Скучаю по позиции и ожидаю решительной команды.

— Ты взял прицел точно?

— О, конечно, нет, — сказал Гур.

— Ну, Гур, — сказал Дуглас. — Ну, ну... Только не старайся, чтобы твоя ракета угодила в нас.

— Не буду стараться, — пообещал Гур.

— Внимание, — сказал Холодовский. — Наблюдать. Гур, нять. Четыре. Три. Два. Один. Да!

Кедрин не отводил глаз от толстого стекла, за которым неподвижная круглая пластинка, кажется, никак не собиралась реагировать на запуск небольшой сигнальной ракетки. Кедрин уже хотел сказать, что запись не работает, как вдруг пластинка медленно тронулась с места, закрутилась, подставляя магнитной головке все новые участки. Затем пластинка остановилась, и это означало, что все кончено.

— Очень хорошо! — сказал Холодовский. — Гур, вторую... Пять, четыре, три...

Была выпущена вторая, и третья, и пятая. Прибор действовал — да иначе, собственно, и быть не могло. Испытания кончались. Дуглас сказал:

— Теперь бы настоящий запах — для окончательной уверенности...

— Не каркай, о мой дотошный друг! — сказал издалека Гур.

— Не думаю, что надо еще убеждаться, — сказал Холодовский. — Все ясно. Надо монтировать мобильный экран и считать проблему решенной. Запаха больше нет. Максимум, что еще можно сделать, поставить еще парочку таких агрегатов с разных сторон. Хотя те направления и не столько метеороопасны... Например, нет никаких оснований предполагать, что какая-то группа метеоров может вторгнуться в нас, скажем, со стороны девяносто — семнадцать. Или двести семь — ноль восемь — сто...

Холодовский не успел закончить. Высокий, пронзительный вой раздался в телефонах. Кедрин невольно зажмурился. Вой повторился, затем негромкий голос произнес:

— Тревога номер один... Тревога один... Метеоры высокой энергии, пакетами, направление девяносто три — восемьдесят семь — пятнадцать. Угроза кораблю. Угроза кораблю. Немедленно принять меры. Укрыться в спутнике. Метеорный патруль начинает отсчет... Заградители, огонь! Заградители, огонь! Пять минут ровно. Четыре пятьдесят восемь. Четыре пятьдесят шесть...

(Продолжение следует)

СПУТНИК „ШАГ ВПЕРЕД“

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. ГРИШИНА

Кедрин застыл с блоком записи в руках. Он взглянул направо, налево, вверх, словно ница направления, в котором следовало спастись. Следовало немедленно нажать стартер и кинуться — наверное, к спутнику, но не бросать же было в пространстве блок записи!..

— Сюда! — услышал он как сквозь стену. — Кедрин! Быстро! Клади блок сюда...

Кедрин увидел, как Дуглас тронул лимб, и дрожащая стена вокруг него растаяла, он успел лишь молниеносным движением захлопнуть забрало шлема. Холодовский оказался рядом с Дугласом, он пристроил прибор рядом с пультом и ждал Кедрина.

Словно очнувшись, Кедрин ринулся к Дугласу, почти бросил блок записи к его ногам («Осторожнее!» — зарычал Холодовский). Дуглас сделал неуловимое движение — стена вокруг него стала медленно проступать в пустоте, одновременно рама тронулась и стала все быстрее удаляться в сторону спутника. Кедрин торопливо завертел гиросулями, нацеливаясь для полета в том же направлении, и оглянулся на Холодовского. Тот взял совсем другое направление...

— Три сорок восемь, — звучало в телефонах. — Три сорок шесть...

Продолжение. Начало см. «Искатель» № 2 и 3.

До начала метеорной атаки оставалось три минуты сорок шесть секунд, и Кедрин знал, что заградители, как и всегда, успеют своим огнем распылить часть метеоров, но только часть, остальные неизбежно продолжат свой путь, и, если уж метеорный патруль предупреждает о них, значит, энергия метеоров выше энергии защитного статического поля. Спасение было одно — в спутнике, но Холодовский, как ни странно, шел в другую сторону — в сторону рабочего пространства, в котором находилось то, что когда-нибудь станет кораблем.

— Три сорок... Три тридцать восемь...

— Ты куда? — крикнул Кедрин, и в этот момент мимо него, выжимая из двигателя все, промчался Гур, вытянувшись горизонтально, устремляясь вслед за Холодовским. — Гур! — вскричал Кедрин. — Что вы все...

— Корабль, мой неторопливый друг, — ответил Гур, уже откуда-то издалека. — Особое звено не спасается, оно — спасает...

«Что ж, — подумал Кедрин, — я-то не особое звено, мне еще рано, это знают все...» Он включил двигатель — к спутнику, к спутнику... Как это они будут спасать корабль? Заслонят реактор своими телами? Ну, это не поможет! Что стоит такому метеориту пронизать и скваммер, и реактор, и что угодно? Потом реактор можно восстановить, можно поставить новый, если этот будет испорчен безнадежно, а ведь человека не восстановить, не восстановишь Особое звено... Нет, небольшое удовольствие — быть в Особом звене...

Эти мысли с лихорадочной быстротой проносились в его мозгу, а скваммер летел, и спутник был все ближе, и теперь было уже, пожалуй, поздно отворачивать, если бы Кедрин даже и захотел повернуть к кораблю. Поздно, да он им и не нужен: будь он нужен, Холодовский или Гур позвали бы его. Нет, зачем он им? Они привыкли троим, их там трое...

— Две пятьдесят шесть...

Нет, вдруг понял он. Их там двое. Дуглас без скваммера, он на своей раме, в которой можно передвигаться, но нельзя работать... Он помчался на спутник — отвезить прибор, который тоже надо спасать, и, пока он влезет в скваммер и выйдет, пока достигнет корабля, атака уже начнется, а те будут вдвоем, их будет слишком мало... Они не позвали. Может быть, они были уверены, что он последует за ними? Но сейчас уже поздно, поздно поворачивать, его вынесет черт знает куда!

Не поздно, подумал он. В таких случаях не бывает поздно. У меня еще две с лишним минуты...

Рука не хотела двигать гиророль, она страшно не хотела, и пришлось напрячь все силы, чтобы заставить ее сделать это. Спутник дернулся и стал уходить куда-то за спину... «Нет, — подумал Кедрин, — с ними мне не страшно, ничего не страшно, когда я не один. И там я не буду один, нас снова будет хотя бы трое». Корабль начал понемногу вырастать, и Кедрин повторил: «Нас будет трое...»

— Сколько бы вас ни было, Кедрин, — сказал кто-то, и Кедрин узнал этот голос. — Сколько бы ни было... но ты взял правильное направление... Дави его, свой страх, ломай его, только так, Кедрин...

Кедрин сжал зубы. Голос становился все громче, и вот чужой скваммер обошел его, устремляясь все туда же — к кораблю, и за ним еще один, а потом сразу много, и Кедрин понял, что вовсе не одно только специальное звено будет спасать корабль. Он влился в массу монтажников, устремившуюся навстречу угрозе, и страх вдруг пропал, и Кедрину стало очень хорошо.

Он обошел корабль в стремительной циркуляции. Гур и Холодовский были уже здесь, давно здесь, и уже крепили массивный выпуклый щит, устанавливая гравификсаторы. Они не удивились, когда Кедрин произнес: «Я здесь. Что сделать?» Гур негромко сказал: «Вот и чудесно, друг мой! Закрепи, пожалуйста, ближайший к тебе угол». Кедрин подплыл к углу и начал крепить его к гравификсатору, набросив связь и закручивая болт, и не заметил, как истекли те минуты и секунды, которые еще оставались до начала атаки.

Спасаться в спутник теперь было уже поздно, и все монтажники, закрепившие возле особо уязвимых узлов корабля заранее заготовленные щиты, теперь стремились сами укрыться за ними. Залезая в узкое пространство между щитом и телом реактора, Кедрин оглянулся. Где-то далеко стали вспыхивать огоньки, и Кедрин, хотя никто ему не сказал этого, понял, что это заградители уничтожают часть метеоров — те, которые они успевали нащупать и поймать на дистанции действенных выстрелов порциями излучения. Часть все равно прорвется, подумал Кедрин. Может быть, не выдержат и щиты... Но остальные люди в своих скваммерах находились тут же, рядом, и никто из них не выказывал никакого беспокойства, во всяком случае, не производил ничего такого вслух. Ну да, подумал Кедрин, они скажут что-нибудь такое потом, когда все кончится, как в тот раз. Впрочем, когда попадет метеорит, я почувствую и сам, без объяснения...

Минуты тянулись медленно. По связи объявили, что первый пакет прошел. Тогда Холодовский неторопливо произнес:

— Конечно, резерв времени у нас есть. Но он может пригодиться и в другой раз, а еще лучше, если он совсем не пригодится. Насколько мне известно, метеоры не дифрагируют. Так, может, поработаем в третьем секторе?

— Я понял тебя, мой мужественный друг. Что ж, сидеть здесь и прятаться действительно скучновато...

Кедрин последовал за ними, все в нем сжималось, хотелось стать маленьким-маленьким... Очердная деталь висела в пространстве, заторможенная на полдороге. Гур равнодушно, как будто речь шла о порции салата за завтраком, проговорил:

— Твоя, Кедрин... — И они полетели дальше, к исходным позициям, брать новые детали.

Кедрин тащил деталь на место и утешался тем, что она, на худой конец, послужит хоть какой-то защитой от метеора. Сварщики, из тех, кто пришел на помощь Особому звену, уже настраивали свои полуавтоматы. Установщика не оказалось, и Кедрин сам установил деталь на место, на направляющие, и сам порадовался тому, как ловко это у него вышло, хотя и в первый раз.

Снова прозвучал тревожный сигнал, на спутнике начали отсчет минут и секунд. Кедрин хотел кинуться под щит, но никто не торопился, и он не стал торопиться тоже. Детали медленно плыли в пространстве. Отсчет кончился, и Кедрин ожидал: сейчас по нему ударит частый дождь крохотных небесных тел. Дождя не было. Корабль теперь надежно закрывал их, но, кажется, и в корабль ничего не попадало, и только раз сверкнула искорка, да и то где-то далеко, в направлении спутника. Наверное, какой-то из метеоритов врезался в торонд, но спутник этого не боялся.

— Вот так-то, мой бесстрашный друг, — сказал Гур, подталкивая новую деталь — сектор главной поперечной переборки. — В масштабах даже и Приземелья нас все равно что нет, так что опасаться особо нечего...

— Я и не опасюсь, — сказал Кедрин.

— И замечательно! Между прочим, как правило, в космосе вообще ничего не происходит. Вот сейчас дадут отбой, и мы снова полетим устанавливать по-настоящему наш озотаксор.

— Ничего не происходит! — сказал Кедрин. — По-вашему, на орбите Трансцербера тоже ничего не произошло? Вы думаете, они молчали бы столько дней, хотя их вызывает вся Земля?

— Мало ли, что там я думаю! — сказал Гур. — Возьми угол на себя, не тебе придется делать второй заход.

XIV

Нет, они, конечно, не молчали бы столько дней там, на орбите Трансцербера, если бы ничего не произошло.

Собственно, не произошло ничего особенного. Сначала исследователи заметили вспышку, не очень значительную, но все же явственно различимую вспышку, там, где, по расчетам, должен находиться догоняющий Ахиллес — так они теперь между собой именовали Трансцербера. Он должен был там находиться согласно показаниям локаторов. Локаторы брали его, а вот гравиметры пока что не брали, и радиоустройства не брали, не говоря уже об оптических.

Так или иначе вспышка произошла именно там, где ей полагалось произойти, если она произошла на Трансцербере. Исследователи начали анализировать возможные причины вспышки, и, конечно, сразу же образовались два лагеря. Один лагерь считал, что вспышка свидетельствует об интенсивной вулканической деятельности на поверхности Ахиллеса. Другой утверждал, что говорить об этом всерьез вообще невозможно, потому что коль скоро не наблюдается визуально сама планета, то не может быть наблюденно и любое извержение на ее поверхности. Вспышку они объясняли какой угодно другой причиной, кроме вулканической деятельности. Неуправляемой атомной или ядерной реакцией, столкновением с необычайно крупным метеоритом или астероидом, а также... а также... и так далее.

В ответ на это первая группа возражала, что на планетке с такой ничтожной массой, какую до сих пор не берут грави-

метры, и с такими ничтожными размерами, что ее не берет даже главный корабельный рефрактор, на планетке столь ничтожной, что вообще удивительно, как это Герн догадался об ее существовании, — на такой планетке не может вообще найтись такой массы уранидов, чтобы пошла атомная реакция. Кроме того, они говорили, что... а также... и так далее и тому подобное.

Пилоты пока не вмешивались, потому что они помогали инженеру Риексту подремонтировать водный конденсатор, а капитан Лобов не вмешивался, потому что он вообще ни во что и никогда не вмешивался, пока не решал, что настало время вмешаться.

Наконец исследователи пришли к выводу, что надо сообщить о вспышке и на Землю, чтобы дать возможность и земным и приземельским астрономам и астрофизикам разделить на два лагеря. Хотя время очередного радиосеанса еще не пришло, исследователи доложили о своем желании капитану Лобову. Капитан Лобов немного подумал и дал «добро».

Инженеру Риексту и одному из пилотов пришлось оторваться от ремонта конденсатора и, как выразился капитан Лобов, начать разводить огонь в радиокотельне. Они его и развели, и зашифровали сообщение, и послали его при помощи направленной антенны на Землю, и принялись ожидать квитанции. Но вместо ожидаемого РЦД последовало молчание. Пришлось повторить передачу, расходуя лишнюю энергию. Результат был тот же. То же было и в третий раз. Тогда инженер Риекст пришел к выводу, что Земля их не слышит, или не понимает, или не хочет отвечать, или же, наконец, не может. Это дало исследователям сейчас же продискутировать вопрос: что же такое могло случиться на Земле? Они спорили об этом долго и убежденно, хотя знали, что на Земле ничего такого произойти не может.

Потом капитан Лобов сказал, что он не пожалел бы ничуть, если бы в результате извержения, реакции или чего-нибудь еще Ахиллес разлетелся на мелкие кусочки и все эти кусочки полетели бы в другую сторону. На это ученые возразили, что такие пожелания нельзя высказывать даже и в шутку, что экспедиция на Трансцербер — если не их, то любая другая — обязательно встретится с целым рядом очень интересных явлений. Уже сама авария «Гончего пса» произошла по абсолютно неизвестной причине. Затем эта вспышка. И, наконец, непрохождение радиосигналов на Землю — или оттуда. Все это обещало целую кучу интересной работы, и, уж коли на то пошло, ученые соглашались скорее разлететься на куски сами, чем пожертвовать Трансцербером. Хотя, разумеется, — торопливо заверили они, — никто из них не имеет ни малейшего сомнения в том, что и экипаж и они благополучно спасутся.

Услышав такие заверения, капитан Лобов начал задумываться о степени осведомленности исследователей в истинном положении вещей. А чтобы подумать в тишине, он дал команду всем спать, тем более что время спать действительно наступило. Огни были погашены, и вот тогда-то на орбите Трансцербера, он же Ахиллес, воцарилась темнота, какая только может быть в пространстве.

Они установили озотаксор. Понадобилось еще шесть дней, чтобы изготовить еще три озотаксора и установить их в нужных точках пограничного пространства. Затем пришлось начинать все чуть ли не сначала: Дугласу пришлось на ум — гораздо лучше пользоваться не инертным вещественным экраном, а просто в нужный момент посылать в нужном направлении мощный поток колебаний той же частоты и параллельно — фи-компоненту. Сквозь такой заслон, сказал Дуглас, не пробьется даже запах лучшего в мире кофе. Против этого никто не возразил.

Для Кедрина это означало — еще неделю не видеть Ирэн по вечерам. Правда, в первый же вечер после установки четвертого озотаксора он пошел к ней в обычный час.

— Мы кончили озотаксоры, Ирэн, — сказал он громко.

Она выглянула из двери своей лаборатории, на ней был традиционный белый халат.

— Да... — рассеянно сказала Ирэн. — Садись... Чем тебя угостить? Понимаешь, впервые за все эти дни выдался часок для лаборатории... Боюсь, мои культуры не выдержат, если я буду навешать их так редко.

— Стоит ли возиться с ними?

— Стоит. Они могут дать возможность создания совершенно нового экокцикла. Если, конечно, получится... Они у меня понемногу начинают привыкать к пространству...

— Они у тебя разбегутся по всему пространству.

— Нет, — сказала она, — это исключено.

Он и сам знал, что у нее это исключено, и не стал возражать. Он помолчал, разыгрывая пальцами на коленях какую-то трудную сонату. Ирэн села, не снимая халата.

— Ты торопишься? Мне уйти?

— Нет, ты знаешь, как я рада тебя видеть. Но иногда мне хочется разорваться пополам. Быть здесь — и уйти туда...

Он встал, и сел рядом с нею, и поцеловал ее.

— Ирэн, может быть, нам пора попросить общую каюту? Семейную, из пяти...

— Нет, — торопливо сказала она. — Нет.

— Так. Почему?

— Рано... — сказала она. — Ну как ты не понимаешь — рано!

— Не понимаю. Если было не рано столько лет тому назад...

— Тогда — да... Но потом...

— Ладно, — прервал он. — Мы помним оба. Но разве я не стал теперь другим?

— Да, — медленно сказала она, — конечно. Ты... как бы это сказать? Ты экспонировался...

— Ну, допустим...

— Но ты, мне кажется, еще не закреплен. И мне будет очень больно, если... если я опять ошибусь. Тогда не будет возможно больше ничего.

«Она оскорбляет меня, — подумал Кедрин. — Только и всего. И вообще я ей не нужен. Как еще она меня не выгнала...»

— Да, — сказал он. — Будет невозможно для меня. Но не для Седова, правда?

«Вот сейчас, — подумал он, — она меня выгонит. А я не уйду».

Но она его не выгнала. Она только закрыла глаза.

— Лучше говори о чем-нибудь другом, — попросила она. Но Кедрин не сразу собрался с мыслями. Она все-таки не выгнала его...

— Дуглас предлагает, — сказал он, — заменить экран фимонитором в блоке с озотаксором.

— Это интересно, — сказала Ирэн. — И что же?

— Ничего. Они засели за работу. Особое звено.

— А ты сидишь здесь... — сказала она, не открывая глаз. Потом встала и подошла к двери, ведущей в лабораторию.

— Мне пора.

— Мне уйти?

— Да... — Она помедлила. — И больше не приходи.

— Как? — спросил он. Но дверь лаборатории захлопнулась.

— Ну, прости, Ирэн, я дурак, — сказал он. — Но как же не приходиться?

Он постоял посредине каюты. Подошел к двери в лабораторию, постоял, повернулся, решительно пересек каюту и вышел из каюты.

— Все равно я буду приходить, — сказал он. — Все равно.

Он пошел к Дугласу, где трое монтажников снова анализировали и ассоциировали в свободном полете. Нашлось дело и для него. И больше не осталось свободных вечеров. Он не видел ее, и с каждым днем все труднее было решиться на то, чтобы зайти в каюту, где могла оказаться она.

А потом они поставили фимониторы и озотаксоры, и Холодовский внезапно перекувырнулся в пространстве через голову, вернее, сделал фигуру, подобную мертвой петле.

— Ну вот, — сказал он. — Ну вот...

— Да, мой счастливый друг. Именно «ну вот».

— Ну, ребята... — сказал Дуглас. — Ну, ну... Вот и все.

— Вот и все, — сказал Холодовский. — И запаха больше нет. Он приходит, но срабатывают аппараты — и его не пускают. Запаха нет.

— Давно уже не было, — сказал Кедрин.

— Хочешь накаркать, друг мой? Помолчи!

— Ничего, — милостиво разрешил Холодовский. — Теперь запах может быть. Неважно. Он не пройдет.

— Запаха нет, — сказал Дуглас. — Ну, ну... И известий нет.

Известий о Трансцербере все не было, и все яснее становилось, что их нет. Еще не истекли сроки, принятые на Земле для надежды, и продолжались попытки найти их, вызвать, установить связь, но каждая неудачная попытка уменьшала запасы оптимизма. Уменьшала чуть-чуть, но попыток было много...

— Известий нет, — хмуро сказал Гур. — Ну что ж, унылые друзья мои, будут известия. Будут. Но запах побежден. Возрадуемся!

— Ну, Гур, — сказал Дуглас. — Ну, ну... Сначала доложим как полагается. Доложим Седову.

Они полетели докладывать Седову. Он, конечно, был в своей каюте, потому что была не та смена, в которой он работал на сварке. И, конечно, он не спал, когда его смена спала. А когда он вообще спал?

— Когда спит Седов? — спросил Кедрин.

— Никогда, друг мой, — ответил Гур.

— Как никогда?

— Никогда — значит никогда, — сказал Дуглас. — Вот и все.

— Никто не видел, — сказал Холодовский, — чтобы он спал. Это все, что мы знаем.

— Говорят, в молодости он спал, — сказал Дуглас.

— Говорят, он потерял сон тогда же, когда и гортань, в Экспериментальной зоне...

— Нет, друг мой, на Литиевых островах... И не спрашивай больше, друг мой Кедрин, ибо невежливо спрашивать у тех, кто сознался в своем невежестве...

Седов ждал их. Он ткнул пальцем в сторону дивана, и они уселись, чинно положив ладони на колени. Кедрин искоса посмотрел на Седова и отвел глаза. Но ему снова захотелось посмотреть на Седова, и, чтобы не делать этого, Кедрин стал разглядывать каюту шеф-монтера.

Если бы ему не было точно известно, что это небольшое помещение глубоко упрятано в недра спутника и окружено еще десятками и сотнями таких же, только по-другому оборудованных помещений, Кедрин охотно поверил бы в то, что за несколько минут, прошедших после установки последнего монитора, еще нигде не описанная сила перенесла его за много парсек от Земли, в командную централь длинного корабля — одного из тех, что рождались в Звездолетном поясе и уходили далеко-далеко... Вогнутые экраны, огибающий стены пульт, глубокие пилотские кресла и стандартное складное ложе в углу, ложе дежурного навигатора, — все это говорило о просторстве и говорило о хозяине каюты не меньше, а, пожалуй, гораздо больше, чем могла сказать даже и самая подробная биография. Даже то, как шеф-монтер сидел в кресле — свободно и вместе настороженно, в положении, дававшем возможность в любую секунду или откинуться, отдаваясь на милость разгружающей системы, или, наоборот, перегнуться вперед, чтобы включить какой-нибудь из переключателей на пульте, — даже эта его поза говорила о долгих годах практики, об опыте, вошедшем в привычку, в плоть и кровь звездоплавателя. Кедрин не удержался и снова взглянул на Седова, но и теперь не мог не ощущать к нему какой-то смутной враждебности. Почему они тогда были вдвоем? Конечно, никто не вправе ни спрашивать, ни упрекать — да и кого и за что? Но все же, все же...

— Ну, так, — сказал Седов. — Что, монтажники? Готово? Слава?

— Готово, шеф, — сказал Холодовский. Он неожиданно счастливо улыбнулся. — Готово.

Остальные кивнули головами.

— Готово, черт вас возьми! — сказал Седов. — Значит, можно

вести работы, не рискуя подвергнуться атаке запаха? Значит, Кристап будет последним пострадавшим от этого?

— Будет, — твердо сказал Холодовский.

— Ты ручаешься?

— Головой. Чем угодно.

— Хорошо, — сказал Седов. — В случае чего, сниму с тебя голову. — Он сказал это грозно, курлыкающий голос был резок, но всем было ясно, что шеф-монтер очень рад. — Вот и еще шагом ближе к стопроцентной гарантии у нас.

— Простите, шеф, — сказал Кедрин. — А вы не против стопроцентной гарантии?

— Я? — спросил Седов. — Ерунда, звездолет гармошкой. Нет, конечно. Я всегда «за». Только, к сожалению, всегда будут места без стопроцентной гарантии.

— Почему?

— Потому что гарантия не успевает за человеком. Он идет вперед, не имея никаких гарантий и не дожидаясь их.

— Почему?

— Да он не может иначе, — сказал Седов и удивленно посмотрел на Кедрина. — Ну, это все лирика. Запаха нет, это главное. Можно работать. Теперь не подремлете. Ну, я знаю, что вы и так не дремлете. Особое звено! Но спать будет некогда.

— Шеф! — сказал Кедрин, не обращая внимания на предостерегающие взгляды товарищей потому, что ведь должен был он где-то схватиться с этим человеком, чтобы решить для самого себя, кто же сильнее из них двоих и кто достойнее, учитывая не только то, что Кедрин уже сделал в жизни, но, разумеется, и все то, что он мог еще сделать. — Шеф! А почему вы никогда не спите?

Седов внимательно посмотрел на Кедрина, и тот почувствовал, что не были секретом для этого человека и любовь Кедрина, и неприязнь, и все, что относится к отношениям между людьми. Но он медлил с ответом, и Кедрин твердо решил не отступать.

— Почему, шеф? Ведь не спать невозможно...

«Невозможно не спать, и, значит, ты просто распространяешь о себе легенды», — вот что хотел сказать Кедрин, и Седов, безусловно, понял это.

— Многие возможно в двадцать втором столетии... — медленно проговорил шеф, и глаза его улыбнулись, но сразу же сделались печальными. — Многие. Но, может быть, мне лучше не отвечать на этот вопрос?

Монтажники с укоризной смотрели на Кедрина, и теперь ему подумалось, что они-то, наверное, что-то все-таки знали... Но идти на попятный было нельзя.

— Почему нет? Ответьте, шеф, прошу вас.

— Что ж, я отвечу. Стоп! — резко сказал он, увидев, как Гур раскрыл рот. Их взгляды встретились — глаза Гура, в которых никогда нельзя было увидеть дна, и глаза Седова, словно одетые прозрачной броней и неуязвимые ни для чего. — Стоп, монтажник! Если говорю я, то это значит, что говорю я, и меня слушают, Гур, и ты это знаешь. Я отвечу...

Монтажники молчали. Они прощали Седову его способ разговаривать за то, что больше всего на свете он любил монтажников и корабли — и, конечно, тех людей, что уходили на кораблях туда, куда поиск вел летящих и путешествующих. И Гур не сказал ни слова, хотя и не отвел глаз.

— Слушай, Кедрин, — сказал Седов, и в голосе его была даже какая-то нежность. — Ты молод... здорово молод, и из тебя выйдет монтажник, если захочешь. А этого стоит захотеть, говорю тебе по праву более умного, не обижайся, Кедрин... Недавно ты еще и не мечтал о том, чтобы быть монтажником, и было время, когда я тоже не мечтал об этом. Я мечтал летать на кораблях, а не строить их. И я летал. Я летал немало и хорошо, и если развернуть все мои прожитые годы на количество пройденных парсеков, то очень немало придется на одну секунду... Я хвастаю? — перебил он сам себя. — Ну что ж, это для того, Кедрин, чтобы ты понял, что тебе нечего бояться, нечего бояться, понял? И в конце концов я хвастлив по натуре, почему же мне не позволить себе удовольствие?

Он передохнул, а трое монтажников разом коротко усмехнулись самокритическому замечанию шефа. Но никто не вставил ни словечка, потому что говорил Седов, а когда он говорил, его слушали.

— Ну вот. Я летал, но однажды оказалось, что больше летать я не могу и никогда не полечу. Даже на транссистемном. Даже на пузыре. Все. Не полечу. «Не ты первый», — скажешь ты, Кедрин. А мне все равно, первый я или не первый. Такие вещи каждый переживает для себя, и умные люди в таких случаях не сочувствуют. Вот и все. Тебе ясно?

Кедрин молчал, и тогда Гур все-таки нарушил молчание.

— Тогда расскажи ему все, Седов, — сказал он. — Расскажи ему, капитан «Джордано», друг мой, расскажи ему.

«Капитан «Джордано», — услышал Кедрин и встал.

— Сядь, Кедрин, здесь не парад. Почему я не сплю? Потому что люди знали: мне нельзя быть пенсионером космоса. И мне разрешили работать здесь. Потому что надо любить корабли, чтобы строить их. А на спутнике дробь семь, который называется «Шаг вперед», по милости вот этого монтажника, — он кивнул в сторону Гура, — работы идут круглые сутки. И некогда спать, потому что у нас здесь нет стопроцентной гарантии и каждую минуту может что-то произойти. И может еще сейчас, хотя уже нет опасности запаха. Тебе нужна технология? Это просто, многое просто в двадцатом втором веке. Человек может не спать, нужна даже не очень сложная по нашим временам операция. Только за каждый час, который он не доспал, он не доживет двух часов... Вот и все. Операции эти давно запрещены. Но было время, когда в виде исключения их разрешали. И вот я не сплю, и мне хватает работы на двадцать четыре часа, на четыре смены.

— И вы не доживете... сколько же вы не доживете?

— Зачем считать? Нужен иной расчет: в дальнем рейсе ты живешь в три раза интенсивнее, чем здесь. А там я нес восьмичасовую вахту, и, значит, здесь мне нужно двадцать четыре

часа. Что за смысл жить, не получая от жизни всего? Ты понял, Кедрин?

— Я понял, шеф, — сказал Кедрин. — Я понял. Я дурак.

— Это пройдет, — утешил его шеф. — Ты спи, тебе надо спать. Но если что-то мешает тебе жить на полную мощность, отбрось, если это даже будет стоить тебе нескольких часов жизни...

— Еще один вопрос, шеф, — сказал Кедрин, и Холодовский кашлянул в знак того, что — довольно. Но шеф кивнул.

— Последний, — сказал он. — А то я ударился в лирику?

— Почему вы не смогли заняться другим делом на Земле?

— Кто сказал, что я не смог? Я не захотел. Запомни, — сказал Седов, — жить в Пространстве и не любить Землю нельзя. Такие не живут в Пространстве. Потому что все это, и неудобства, — а на планете удобнее, конечно, — и опасности, а они есть, эти опасности, можно переносить только ради Земли, ради человечества, которому нужны, черт побери, нужны ему длинные корабли... Ну, все! Стоп! Сейчас у меня сеанс связи с «Гончим псом».

— Разве он ответил?..

— Еще нет. Но он ответит. Они экономят, и у нас сеансы связи раз в три недели.

— Но вспышка...

— Кедрин, Кедрин... Ну и что, что вспышка? Конечно, многое могло произойти. Они могли после этого сигналить, а могли и не сигналить. Мало что... Но в минуту назначенного сеанса Лобов выйдет на связь, если он жив. Если он жив и у него нет ровно ничего, даже ушной капсулы, ровно ничего для связи, он будет кричать, и крик его долетит до Приземелья. Это Лобов. Ты не знаешь его, а я знаю. Вот если он не ответит в срок, если он сегодня не выйдет на связь, это значит, нет больше капитана Лобова, второго пилота на славном корабле «Джордано».

Он умолк, на миг закрыл глаза, и вновь лицо его стало обычным — примелькавшимся и трудно воспроизводимым, как контуры материков... Он вышел, и Гур сказал:

— Да, Кедрин, стоило бы тебя, если бы не благородное чувство толкало тебя на это... В старину, выходя на такие поединки, дома оставляли завещания... А ты даже не предупредил нас, чтобы мы захватили побольше моральной корпии. Но он был нежен, ребята, он был нежен сегодня, капитан «Джордано», необычайно нежен, друзья мои монтажники...

— Да, — сказал Холодовский. — Какие люди!.. Я вспоминаю многих. А сколько сейчас осталось из тех, кто летал с ним? Не считая Лобова, я знаю еще троих...

— Четверых, — сказал Дуглас. — Четвертому приходится в основном жить на Земле.

— А как шеф верит Лобову! — сказал Холодовский.

— Ко-пайлот Лобофф, — сказал Дуглас.

— Нет, ты говоришь по-русски без акцента, Дуг.

— Я думаю, — сказал Дуглас и взглянул на часы. — Ну вот, истекло время связи. Хотел бы я, чтобы Седов сей-

час вошел и сказал: «Все в порядке, ребята, Лобов ответил, они все там целы, черт меня дер!».

Дверь распахнулась, вошел Седов, глаза его были непроницаемы. Он оглядел всех, уселся за пульт. Все молчали.

— Ну, Седов? — спросил Дуглас. — Ну?

— Все в порядке, ребята, — сказал шеф. — Лобов ответил. Они все там целы, черт меня дер. А теперь исчезайте, мне надо работать. Надо выкроить еще неделю.

XV

На орбите Трансцербера капитан Лобов отошел от радиокмбайна с видом, показывавшим, что свое жизненное предназначение он считает выполненным. Все смотрели на него с некоторым восхищением, и только инженер Риекст смотрел без восхищения. Весь облик инженера говорил о том, что перерасход энергии — дело, никакого одобрения не заслуживающее. Даже если перерасход совершен для установления связи с Землей и Приземельем.

Но капитан Лобов не обратил на это никакого внимания. Он уселся, придвинул зеркало и задумчиво провел рукой по щеке. Своим обликом Лобов показывал: установление связи с Землей тогда, когда связь не хочет устанавливаться, — это суицид пустяк, о котором говорить в общем не стоит, а перерасход энергии для этого — пустяковейший из пустяков.

Что касается исследователей, то они не обратили внимания на это состязание обликов. Они расселись по местам с таким видом, словно никогда не сомневались ни в том, что связь будет установлена, ни в том, что Земля продолжает делать все для того, чтобы вовремя вытащить их отсюда.

Они снова принялись снимать показания аппаратуры, а капитан Лобов принялся бриться. Он не прервал бритье даже тогда, когда услышал, что движение корабля по орбите замедляется — опять-таки по неизвестной причине — и расстояние до Ахиллеса сокращается несколько быстрее, чем это было предусмотрено.

Капитан Лобов считал, что добриться следует при любых обстоятельствах.

Несколько встревоженные этим обстоятельством, исследователи обратились к капитану Лобову с просьбой возобновить связь с Землей и сообщить туда о происшедших изменениях.

Капитан Лобов поинтересовался, думают ли ученые, что Пояс может монтировать корабль скорее, чем сейчас. Нет, ученые так не думали.

Тогда капитан задал вопрос: нужно ли зря волновать людей? Ведь они там думают, что здесь просто невозможно, как плохо. А на самом деле здесь вовсе не плохо. Воздух есть. Вода есть. Экоцикл действует. Энергия тоже есть. Однако ее может и не быть, если сигналить на Землю без толку.

Инженер Риекст подтвердил, что ее может и не быть.

На этом плодотворная дискуссия завершилась, и жизнь пошла своим чередом, добро и весело, как в операционной перед появлением хирурга. А хирург, кажется, не собирался заставлять себя ждать.

На Земле торопились. Прошла половина назначенного срока, но работа была сделана, пожалуй, уже почти на две трети. Второй пояс механизмов поставлен, оставались жилые и подсобные помещения и оболочка. Зная, что опасность — запах — перестала быть загадочной и перестала быть опасностью, шеф-монтер Седов бросил на монтаж и половину личного состава патрулей. Впрочем, вторую половину он сохранил.

— Ты мне не веришь, шеф, — сказал по этому поводу Холодовский.

— Я тебе верю, провалиться мне в Юпитер, — ответил шеф. — Но больше я верю опыту, который говорит: осторожность не бывает лишней. Чтобы не получилось ерунды, разных звездолетов гармошкой.

— Это обидно, — сказал Холодовский, на что Седов ответил:

— Извини, Слава, это уже плохая лирика.

На этом разговор закончился, и монтажники продолжали работать, корабль продолжал расти, запах продолжал отсутствовать. И только Кедрин вечерами больше не заходил в одну каюту. Он не мог заставить себя показаться там. Он не мог понять, как у него повернулся язык упрекнуть кого-то в чем-то, что касалось Седова, и знал, как это должно было выглядеть со стороны.

А днем он, как обычно, выходил в пространство. На спутник «Шаг вперед» прибыли новички, и Кедрин — почти опытный монтажник — перешел в установщики, работу куда более квалифицированную, требовавшую владения скваммером и хорошего чувства пространства.

Сегодня он впервые выходил в пространство установщиком. Он осматривал скваммер с особой тщательностью. Гур прошел к своему месту, что-то глубокомысленно напевая себе под нос.

— Ну, Кедрин, мой устанавливающий друг, — сказал он. — Ты окончательно становишься монтажником. Собственно, ты стал им. Ты стал им тогда, когда Седов рассказал тебе... Он не рассказывает всем и каждому. Быть монтажником тяжело, Кедрин...

— Я знаю.

— Ты еще не знаешь, несколько наивный друг мой. До сих пор с тебя спрашивали, как с вольноопределяющегося. Ты мог испугаться, мог мало ли чего... Теперь ты не имеешь права. Бывают монтажники, которые ошибаются. Монтажников, которые боятся, не бывает. Не забудь.

— Не забуду, — сказал Кедрин и подумал: «Кажется, я все-таки научился пугаться...»

Да, пространство не пугало его. Он мчался в рабочий куб, не боясь столкновений: он знал, что монтажники не сталкиваются. Он не боялся атаки запаха: он знал, что ее не будет.

И не боялся метеоров: если они будут заслуживать внимания, то о них предупредят своевременно...

Сегодня первый день на установке, первый день в другой бригаде. Кедрин знал, что ему надо выйти к конусу и подождать мастера.

Мастера еще не было, но Кедрин даже обрадовался этому: надо было сосредоточиться. Работа установщика казалась несложной только со стороны: на самом деле она подчас требовала не меньше умственного напряжения, чем решение хорошей системы диофантовых уравнений. К тому же на конусе Кедрин еще никогда не работал, и следовало присмотреться и понять что к чему. Потом осматриваться будет некогда.

Он смотрел, как установщик третьей степени заканчивал подгонку последней детали — короткого широкого патрубка. Затем скваммер прощально махнул рукой. Прозвучал сигнал. Третья смена кончилась.

Круглый борт уже огибала отблескивавшая фигура. На ее груди светилась зеленая полоса, и это значило, что скваммер принадлежит мастеру. Кедрин принял привычную позу внимания.

В телефонах раздался низкий хриловатый голос. Кедрин никогда его не слышал, но невозможно ведь было за такой короткий срок познакомиться со всей сменой. Плавню переложив гируруль, Кедрин заскользил за мастером. Спутник скрылся за телом корабля и вскоре сноба взошел с другой стороны, лучи солнца горели на его гранях. Хриловатый голос спросил о самочувствии, Кедрин кратко ответил. Они коснулись ступня металла корабля, включили гравиподошвы. Мастер подвел Кедрина к отверстию странной формы. Объяснение заняло несколько минут.

— Кто это придумал? — спросил Кедрин.

— Седов. Это сэкономит нам два дня, — сказал мастер.

Оба, ускоряя ход, заскользили к большой группе монтажников.

Очередная транспортная ракета была уже разгружена, вернее, были отделены маленькая рубка и двигатель. Все остальное шло в работу. Развозить по Звездолетному поясу лишний вес обошлось бы дорого, а человечество сейчас было менее расточительным, чем когда-либо. Автоматы вакуумной сварки ползли, производя контрольную зачистку и соединяя два громадных металлических листа. Автоматы были похожи на глубокомысленных скарабеев.

Люди облепили металл со всех сторон. Цепкие клешни скваммеров, повинуясь едва заметным движениям пальцев, схватывали деталь, включался двигатель... Работа шла, как обычно, только чуть быстрее — каждый день работа шла чуть быстрее, кажущийся хаос вспышек, замысловатых трасс скваммеров и деталей был на самом деле глубоко целесообразен, оправдан и закономерен, как закономерен и кажущийся хаос вселенной. Это было привычно. Это был Звездолетный пояс, спутник «Шаг вперед».

Мастер и Кедрин приблизились к одной детали. Кедрин выслушал и повторил задание.

— Включайте! — неожиданно звонким голосом командовал мастер. Двигатели буксира и полусогни скваммеров безмолвно взревели — иначе не назвать было их мгновенный порыв... И — в который раз уже — их усилие заставило корабль и все, что было вокруг него, сдвинуться с места и приближаться к бригаде — медленно, потом все быстрее...

— Шестая, рули на пять градусов минус... Стоп... Первая, импульс. Вторая, держите место...

Голос мастера больше не хрипел. Громадный выгнутый лист металла плавно разворачивался. Скомандовали торможение. Отцепившийся буксир стремительно укатился в сторону. Движение замедлялось. И тогда Кедрин с изумлением и страхом увидел, как мастер обогнал штангу, уравнил ход, подвернул и встал на передний торец штанги, вытянулся, словно статуя на колонне, поднял металлические руки. Теперь штанга была лишь его продолжением.

— Кедрин, курс! — крикнул мастер, и Кедрин прильнул к визиту. До конуса оставались считанные секунды полета. Фигурное отверстие не зияло, оно казалось просто черным пятнышком, и не верилось, что конец штанги войдет туда без тщательной примерки. Едва заметными импульсами двигателя мастер направлял в цель себя и за собой — штангу, к которой он, казалось, приварился накрепко. Корабль огромно блеснул рядом, и Кедрин зажмурился, чтобы не видеть хотя бы того момента, когда от неминуемого удара разлетится вдребезги, словно птичье яйцо, бронзовоюшая фигура скваммера... Толчок был ощутимым, по металлу прошла мгновенная дрожь... Кедрин разжал веки. Зеленая полоса виднелась где-то в стороне, передняя часть штанги вошла глубоко в отверстие. Кедрин не чувствовал, как и сам он дрожит, забыв закрыть рот, как течет пот по лицу, — он все не мог оторвать взгляд от того места, в котором должно было произойти и не произошло столкновение громады уже на две трети готового длинного корабля с отвернувшимся даже не в последнюю секунду, но в исчезающе малую долю секунды мастером. Кедрин все держался за штангу, но уже налетели сварщики, засуетились автоматы...

— Ну как? — услышал Кедрин. Он включил гиросуль чересчур резко и несколько раз перевернулся вокруг своей вертикальной оси. Скваммер был тут, в двух метрах, тот самый, с зеленой полосой.

— Это было... страшно, — произнес Кедрин, не сразу найдя слова.

— Бывает вначале... — прохрипел мастер. — Один сектор встал точно. Пожалуй, первая смена — после нас — закончит экран испарительного, если дробь пятый будет поспевать за нами... — Мастер говорил о спутнике крупных деталей. — Я же говорю — установим, сэкономив два дня.

— Но разве можно с таким риском...

— Нельзя, быть может. Но всему есть причины... Штанга сделана точно по отверстию. Если ее подавать медленно и несильно, произойдет самопроизвольная сварка металла: мы в вакууме... Чтобы подавать медленно и сильно, надо вызывать пресс-монтажер с дробь одиннадцатого. Пресс-монтажер будет

возиться с одним сектором часа полтора, это проверено. А на скорости — такой, какая была сейчас, — штанга успевает встать на место. Важна точность наводки, и чтобы не надо было тормозиться, а то без пресс-монтажера уж определенно не обойтись. Я же делаю это не впервые.

— В который же раз?

— Хотя бы во второй... Первый был в порядке эксперимента... Во всяком случае, идя перед штангой, можно направить ее очень точно. Надо только вовремя ускользнуть... Ну, это не большое искусство.

— Но все же рисковать людьми...

Он даже пожал плечами в скваммере.

— Мною не рискуют. Это мое право, у каждого есть право на разумный риск. Разве вам никогда не приходилось рисковать?

— Приходиться-то приходилось... — пробормотал Кедрин.

«Приходилось, только не так. Могла трещать голова, могли лететь предохранители и целые секции Элмо, но я-то сидел в том самом кресле, и со мной ничего не происходило и не могло произойти... Бывает разный риск...»

— Разумный риск, — сказал он, — это когда жизнь человека вне угрозы.

— А если под угрозой жизнь других?

— Платить жизнью за жизнь — так?

— Есть разница, — прохрипел мастер. — Идти на смерть сознательно, зная, что так ты выполнишь свою задачу, и эта задача стоит того, — это одно. Гибнуть без смысла — другое.

«Не бойтесь умереть, бойтесь умереть зря», — вспомнил Кедрин. — Что-то давно не показывается Велигай. Может, это и хорошо? С Велигаем появляются и всякие неприятные события... Но в общем все они здесь мыслят одинаково. А я все еще как-то иначе, по-слепцовски. Значит, я еще не монтажник?»

— Конечно, — продолжал мастер, — к нам это не относится. В том, что мы сделали сейчас и будем делать, риск — процентов пятнадцать. Это даже и не риск, скорее ловкость. Что-то не готовят сектор. Обождите минуту...

По раздавшемуся в телефонах щелчку Кедрин понял, что мастер переключился на какую-то другую волну. Стало тихо, и Кедрин представил себе, что за гомон стоял бы в космосе, если бы в рабочем пространстве все говорили на одной и той же частоте. Голос мастера прервал его размышления:

— Один шов придется переварить. Поторопились... Автомат пошел вперекос, и никто не заметил вовремя... Я схожу туда, а вы за это время можете как следует познакомиться с конусом, слазить внутрь, — не исключено, что вам придется потом заниматься и окончательной регулировкой, стоит осмотреть все, пока еще не поставлены защитные панели...

Мастер запустил двигатель и исчез, устремившись туда, где в пространстве переделывали шов второго сектора.

Кедрин остался один, включил двигатель и медленно обошел конус. По сути дела, это была уже законченная часть корабля, смонтированная, включая оболочку. Здесь уже начиналась отделка. По оболочке медленно ползли полировочные агрегаты,

люди в скваммерах управляли ими, доводя оболочку до ясного блеска астрономических зеркал. Такую операцию кораблю предстояло претерпевать перед каждым рейсом. Полировщики ползли и, казалось, покрывали корпус непроницаемым слоем блестящего вещества, и Кедрину невольно захотелось посмотреть в это зеркало — он еще никогда не видел себя в скваммере.

Зрелище ему понравилось: скваммер и в пространстве выглядел достаточно внушительно, особенно учитывая, что в этом скваммере находился он сам... Кедрину подумалось, что издали конус корабля должен блестеть еще сильнее, особенно если найти такую точку в пространстве, куда он отбрасывает солнечные лучи. Пока переделают шов, пройдет еще, самое малое, полчаса. Почему бы и не полюбоваться из пространства на первую законченную часть оболочки?

Он дал импульс и полетел, закрыв глаза. Пролетев с полкилометра, он включил гиросуль, повернулся и, переведя реверс, полетел спиной вперед, глядя на корабль и отыскивая мысленно нужное направление.

Он отдалялся от корабля и оглядывался по сторонам, прикидывая угол отражения от поверхности конуса и глядя на монтажников, которые теперь все оказались далеко под ним и по-прежнему работали, окружая корабль. Они все были внизу, и по соседству с Кедриным не могло быть ни одного.

И все же один появился в поле его зрения. Он летел откуда-то из пограничного пространства, и летел и не к спутнику и не к кораблю, а устремлялся куда-то в пустоту между ними; двигатель его был включен на полную мощность, но монтажник летел не в позе, принятой для передвижения, а как-то непонятно — ноги были согнуты, обе пары рук подняты вверх, и летел он боком, на половинном реверсе... Кедрин не успел еще по-настоящему удивиться, как понял: монтажник обязательно налетит на резервный гравификсатор, висящий на своем месте в пространстве на случай, если он кому-нибудь понадобится, чтобы «повесить» на время какую-либо крупную деталь или пришвартовать катер. Монтажник летел на фиксатор, и Кедрин успел лишь повернуться в ту сторону, как догонять промелькнувший мимо скваммер стало бесполезным даже и на пределе усиления. Кедрин все же бросился вперед, но столкновение произошло, и Кедрин почувствовал, как будто это его ударило головой о массивную тумбу гравификсатора. Фиксатор дрогнул, но автоматы тотчас же вернули его в нормальное положение, а монтажник полетел дальше, кувыркаясь, и стало ясно, что он и до этого уже был без сознания... Запах, подумал Кедрин, и запах тот самый, необъяснимый и неназываемый, настиг его в тот же миг.

Он напряженно втянул воздух и уже почувствовал приближение того состояния, какое было тогда в спутнике. Его еще не было, но оно обязательно настанет, понял он. Он был один, и рядом не было никого.

Он видел все, что происходило в рабочем пространстве: как сразу несколько человек бросились к разбившемуся монтажнику, подхватили, потащили к спутнику, как сразу же за ним потянулись и остальные, тоже, видимо, поняв, в чем дело, — очевидно, запах дошел уже и до них; зрение фиксировало все

это, а слух доносил повторяемое теперь по всем каналам тревожное: «Атака запаха... Атака запаха...» — и где-то в мозгу даже мелькнула бесстрастная мысль о том, что монтажник этот, очевидно, был из вахты метеорного заградителя. Но все это проходило где-то поверху, а все главное в нем сейчас было сковано страхом.

Запах нарастал. Кедрин больше не думал о том, что делает. Главным было одно: спастись. Он нажал стартер и рванулся, инстинктивно взяв направление на спутник.

Нет, не так легко, оказалось, быть монтажником... Земля плыла где-то в стороне, и на ней была почти стопроцентная гарантия жизни, в ее небе в строгом шахматном порядке висели аэропланы и вакуум-дирижабли Службы Здоровья, которые всегда успевали, которые были обязаны успеть... Здесь же их не было, и не было гарантии, и был запах, который уже насыщал его, и Кедрин успел подумать, что скоро ему больше не захочется дышать, и он перекроет магистраль и тоже, потеряв сознание, ударится обо что-нибудь, и тогда...

Образом невиданного счастья встали перед ним крутые бока спутника с его несколькими слоями надежнейшей защиты против всего, что могло угрожать. Кедрин жал и жал на стартер, стремительно наращивая скорость. В стороне промелькнул корабль, около которого Кедрин должен был поджидать мастера, какая-то запоздавшая фигура мелькнула близ него. Спутник вырастал, сейчас на нем были открыты и некоторые резервные люки. Мчащиеся фигуры резко, почти на пределе разрешенного ускорения, затормаживались перед люками и исчезали в них. Все не спуская глаз с люка и чувствуя, что запах словно немного ослаб, Кедрин боковым зрением все же увидел, как скваммеры возникли и справа и слева от него, и ужаснулся: как могли оказаться возле него те скваммеры, которые только что были далеко впереди?

Остальное произошло в секунды: он понял, что скорость, с которой он еще двигался, оказалась слишком сильной. Затормозить было уже невозможно, хотя бы и на пределе... А в тамбуре уже собралось установленное количество скваммеров, проще — он был набит до отказа. Входной люк оделся бронзовой заслонкой в момент, когда уже поздно было не только тормозить, но и перекладывать рули, потому что всякий поворот может совершаться лишь по достаточно пологой дуге, чья кривизна, как известно, зависит от скорости... Кедрин отвернулся. Удар последовал сейчас же, но почему-то сбоку. Гибели не было. Он изумленно взглянул. Шершавый борт спутника мелькал у самого шлема, Кедрин летел вдоль него, по непонятной причине изменив направление полета ровно настолько, чтобы пронестись мимо выступа тамбура.

Наконец он смог затормозиться. Двигатель сработал, и тут Кедрин ощутил второй удар — на этот раз сравнительно мягкий, по плечу. Он повернулся. Другой скваммер держался рядом, также сбавляя скорость.

— Это неразумно... — тоном отвлеченного рассуждения, произнес знакомый, даже как будто бы радостный голос. — Брать такой разгон...

— Как это вы?.. — спросил Кедрин. Потом не очень естественно рассмеялся. — Впрочем, в первую очередь надо, кажется, поблагодарить?

— О, не стоит... Впрочем, вам виднее, — последовал вежливый ответ. — Технологически это было не столь сложно: я оказался ближе всех, а перегрузки мне приходилось выносить и не такие. Собственно, мне бы следовало просить извинения за резкое обращение... А теперь будет хорошо, если мы потопимся в люк, ибо и я чувствую запах.

— Да, — сказал Кедрин, но теперь ему уже не было так страшно. — Поскорее...

Створки люка распахнулись, забирая последнюю партию монтажников. Переваливаясь в туннеле с ноги на ногу, перед тем как выключить рацию — вне пределов туннеля по радио не говорили, — Кедрин услышал, как Велигай задумчиво пробормотал:

— И все же озотаксоры не подали никакого сигнала. Устройство не сработало. Странно...

Странно, подумал Кедрин и услышал щелчок отсоединения. Рацию оставалось тоже лишь отключить свою рацию. Но он почему-то медлил. И именно он, уже положив палец на выключатель, услышал задрожавший в телефонах тревожный голос:

— Всем, кто ближе к выходу... Всем, кто еще не выключил связи! Счетчики недосчитывают одного человека! Один не вошел! Возможно, несчастье... Два человека, наиболее устойчивых к запаху: на выход! Нужны наиболее опытные... Открываем люк! Дайте ваши номера...

Если бы требовались двести наиболее опытных, то и тогда Кедрин не был бы в их числе. Так что вроде бы и не следовало торопиться к выходу. К тому же был ли он устойчив к запаху? Наверное, нет...

Но связь у него была включена, и он оглянулся — просто для того, чтобы убедиться, что призыв услышало достаточное количество монтажников в скваммерах, монтажников, устойчивых к запаху, опытных, таких, какие были нужны. Ведь не могло быть, чтобы уже абсолютно все отключились и вошли в ту полосу глухоты, которая возникала всякий раз между отключением связи в туннеле и выводом из скваммеров в зале. Этого не должно было быть...

Он оглянулся и, еще оглядываясь, вспомнил, что он был одним из самых последних, вошедших в спутник, да и в туннеле его еще обгоняли. И, оборачиваясь, он уже знал, что именно увидит, хотя и не хотел еще верить в это.

И он увидел туннель, свободный до самого выходного шлюза, и в его длинной светлой трубе — одинокую фигуру. Одиноким скваммер, один-единственный, бежавший к выходу. Бегущий скваммер выглядел очень смешно, над ним стоило посмеяться, но Кедрин не рассмеялся.

Он просто остановился. Шедшие впереди монтажники уходили все дальше и дальше, и это означало, что они успели-таки выключить связь, и на какой-то миг Кедрин позавидовал им.

Они могли идти со спокойной совестью. Они не торопились. Можно было догнать их, и знаком попросить включить связь, и повторить то, что он сам только что услышал. И сразу несколько кинутся к выходу — наиболее опытные и устойчивые к запаху, настоящие монтажники...

«А ты не настоящий монтажник? — спросил он себя. — И разве люди Особого звена не сказали тебе, что теперь с тебя будут спрашивать, как с монтажника, после того как ты понял, сколько можно требовать с монтажника?»

Он медленно повернулся.

«Ты погибнешь, Кедрин, — сказал он себе. — Ты погибнешь».

«Похоже на то, — признал он. — Неустойчив, да и неопытен. Но разве это будет зря?»

«Пусть не зря. Пусть с целью. Кедрин, разве тебе время погибать? Не увидеть больше Земли? А что скажет старик Слепцов?»

«А что, — подумал он, — скажет капитан «Джордано»?»

«Да пусть говорит, что хочет. Я не хочу выходить. И не должен. Не имею права. Седов сам запретил бы мне, если бы знал...»

«Кедрин, а ты разрешил бы ему запретить?»

«Странно, — подумал он. — В скваммере вовсе не так неудобно бежать. Бежать и думать со скоростью Элмо. Да куда там Элмо... Этого я догоню. Он опередил меня на каких-то десяти шагов. Интересно, кто это? Может, хоть он устойчив к запаху? От меня будет мало толку, но я не могу не выйти...»

Они вышли одновременно и рванулись прямо с площадки, нажимая стартеры до отказа, заставляя клокотать рвущиеся из двигателей газы. Крутыми спиралями, постоянно меняя курсы, два монтажника ввинчивались в громадную сферу рабочего пространства. Они разошлись в обход. Запах был слаб — непродолжительная, как всегда, атака кончалась, и теперь надо было думать лишь о том, что могло и чего не могло произойти с человеком, который не вошел в спутник... Его нигде не было, и тогда память набрела на улегшийся где-то в уголке образ скваммера, мелькнувшего в последний момент возле конуса длинного корабля.

По крутой дуге Кедрин метнулся к кораблю. И здесь не было ничего живого, только слабо светился индикатор полировочного, оставленного невыключенным полуавтомата. Можно было уже поворачивать к спутнику и честно доложить о том, что терпящий бедствие не обнаружен... Но тут какой-то из добрых духов пространства, а вернее всего, просто интуиция заставила Кедрина заглянуть в узкий люк, куда мог укрыться человек, если он почему-либо не успел уйти до наступления максимума запаха. Инстинкт вел Кедрина верно: в конце длинного коридора, еще полного пустоты, тускло отблескивал скваммер. Он лежал — вероятно, человек в этой скорлупе был без сознания. Несчастье?

Кедрин возился, пытаясь извлечь человека в скваммере из узкого колена коридора, рассчитанного на то, чтобы по нему передвигались в нормальных комбинезонах, а не в этих ходя-

чих танках... Он брался за скваммер и так и этак, и думал о том, как бы подсунуть нижнюю пару рук под скваммер, и о том, будет ли рецидив атаки, как это бывало иногда... Он уже совсем выбился из сил, но позвать на помощь отсюда было нельзя: металл корабля надежно экранировал его, связи не было. Наконец ему удалось захватить терпевшего бедствие под мышки. Обнимая скваммер так крепко, словно он был любимой женщиной, Кедрин едва выбрался из коридора. Ракета судорожно задержался, разгоняя сразу двоих. Кедрин неся к люку. Второго искавшего не было видно — он, вероятно, уже вернулся. В телефонах щелкнуло — спутник запрашивал. «Есть, — сказал Кедрин, — все в порядке». «Интересно, кто это?» — подумал он, скосил глаза и увидел краешек зеленой полосы на груди чужого скваммера. Значит, это своего мастера выгнали Кедрин.

Створки люка разошлись перед ними и сомкнулись позади. Кедрин внезапно почувствовал неодолимую тяжесть скваммера; неуклюже присев, положил ношу на пол туннеля. Люди, одетые для выхода, обступили его.

— А второй?

— Разве...

— Он не возвращался... — проговорил кто-то. — Надо искать его.

— Запах кончился, — пробормотал Кедрин. — Все равно сейчас выйдет смена.

— Нет. Ты не слышал. Только что патрули дали предупреждение.

— Что на этот раз?

— Протонная атака, — вмешался другой. — Протонная атака... — И сейчас же, словно для того, чтобы подкрепить эти слова, перекрывая голоса собравшихся, раздался призыв цент-ральной:

— Всем, кто в скваммерах! Немедленно покинуть выходной туннель. Протонная атака! Всякий выход запрещается! Всем возвратиться в зал, выйти из скваммеров, ждать указаний. Экипаж катера, на борт! Выйдете на поиски. Пострадавшего доставить в зал в первую очередь...

Кедрин нагнулся, чтобы вместе с другими поднять человека в скваммере. Внезапно, расталкивая других, показалась фигура, также одетая для выхода; фонарь скваммера возвышался над остальными, таких на спутнике было не более полудесятка, и это мог быть кто-то знакомый. Стремительными шагами подойдя к лежащему, высокий остановился, и на груди его ланцира сверкнули четыре зеленые полосы.

— Кто? — спросил он, и голос его был выше и резче обычного, словно даже протез гортани отказывал в минуты волнения. — Кто?

Один из стоявших сзади положил руку на плечо Кедрина, и Седов — только он мог носить четыре полосы — шагнул, подошел вплотную. Длинные руки его скваммера протянулись, и Кедрин отшатнулся, но Седов уже обнял его. Никто и не подумал улыбнуться, хотя объятие двух бочкообразных космических костюмов выглядело, наверно, смешно.

Потом шеф-монтер присел, без видимого усилия (хотя это могла быть и заслуга скваммера) поднял лежавшего, прижал его к груди и, переваливаясь, быстро зашагал, почти побежал по туннелю к залу, где только и можно было вынуть из скваммера пострадавшего.

— Почему сам Седов? — вслух подумал Кедрин. — Кто мастер?

Он не получил ответа, потому что еще и еще кто-то клал руку на его плечо, и он понял, что его благодарят. И тогда он спохватился вдруг, что на этот раз вовсе не испытывал страха.

Да, страх ушел. Наверное, надо было, чтобы угроза другому человеку заставила его забыть о том, что угрожало ему самому. Это-то, вероятно, и было тем самым рождением монтажника, о котором говорил ему Гур когда-то — очень давно, показалось ему.

Тем скорее надо было узнать, кто такой мастер. И Кедрин понял, что он уже знает это, хотя еще и не верит. Почему он не понес сам? «Начальникам не дано никаких привилегий, — подумал он, — разве что не спать круглые сутки... Зачем я отдал ему?»

Он думал над этим так, словно бы что-то и в самом деле зависело от того, кто отнесет Ирэн в зал, кто освободит ее из скваммера и проводит в госпиталь. «А если не в госпиталь?» — подумал он и шагнул по направлению к залу.

Он успел сделать едва несколько шагов. Весть, что она жива, распространилась куда быстрее, чем протонная атака, чьи смертоносные потоки, невзначай извергнутые Солнцем, бушевали теперь за стенами спутника. Она была жива, и для него вдруг стало просто необходимо совершить еще что-нибудь.

Кедрин миг потоптался на месте. Стремительно повернулся. И поспешил не в зал, а к боковому выходу — туда, где был уже готов к выходу из эллинга надежно защищенный от излучения аварийный космический катер.

Отливающее золотом каплевидное тело катера еще покоилось на платформе катапульты. Но в его очертаниях уже не было покоя, готовность в любой миг сорваться с места чувствовалась в них. Кедрин торопился. Он видел, как в отверстии люка скрылась фигура последнего из дежурного экипажа и крышка медленно затворилась. Но пока Кедрин находится в эллинге, створки выходного люка не будут открыты.

Поэтому Кедрин не удивился, когда люк отворился снова. Показалось гневное лицо, рука повелительно указывала на выход. Кедрин подступил поближе. Он не мог говорить с этим человеком — у него не было рации. И Кедрин просто заставил скваммер вытянуть руку и указать на задний, багажный люк, за которым — он знал — было место именно для него, потому что влезть в скваммере в пилотский люк было просто невозможно. Командир катера отчаянно замотал головой, губы его быстро задвигались. Кедрин усмехнулся, подошел вплотную к люку и застыл. Он знал, что, экономя время, пилоты будут вынуждены взять его.

Его взяли; задний люк стремительно распахнулся, чуть не задев скваммер. Из проема выдвинулся толстый мостик. Кедрин ступил на него. Сокращаясь, мостик втянул его внутрь, люк захлопнулся. Почти тотчас же створки ворот разошлись, и катапульта швырнула золотой корабль в пространство.

Катер шел медленно, описывая размашистый зигзаг поиска, непрерывно вызывая по связи. Все наблюдали по секторам. В поле зрения были одни только звезды, их было много, они были далеки. Потом их стало на одну больше. Красная звезда внезапно показалась в поле зрения Кедрина. Свет ее был тепел и трепетен. Это спутник двадцать четыре дробь пять охлаждал в вакууме очередное свое изделие. Значит, скоро транспортная ракета утащит комплект новых деталей к спутнику дробь шесть, где они будут окончательно отделаны и оснащены, а уже потом все это в строгом, давно рассчитанном порядке поступит на их спутник — дробь седьмой — для монтажа. Так из лунного металла рождались в пространстве длинные корабли...

Огонек завода, метнувшись, скрылся из глаз: катер совершал очередной поворот. Возникли новые звезды, их по временам затмевали висящие близко в рабочем пространстве, подготовленные к монтажу детали. Тогда лучи мощных прожекторов катера отражались от их металла, несмотря на покрывавшую его защитную керамическую корку, и заставляли щурить глаза.

Но скваммера не было видно. Потом детали остались позади. Приборы показывали угрожающий уровень радиации за бортом, но здесь было уютно и надежно, и страшно было лишь думать о том, кто сейчас ворочался где-то в пространстве, заключенный в раковину скваммера. Конечно, и это была защита, но время шло, а протонная атака была очень мощной. На всякий случай командир катера запросил спутник, но пропавший не возвращался туда...

Его обнаружили далеко от спутника. В иллюминаторе замелькал огонек, одновременно на экране локатора встал всплеск. Пилот катера взял курс. Пришлось развить скорость: огонек двигался убегая. Его удалось нагнать, когда уже была пройдена граница рабочего пространства. Скваммер летел по прямой, удаляясь в непостижимую бесконечность, прожектор на груди скваммера горел ровным и холодным светом. Катер слал вызовы по связи, пробуя все каналы. Ответа не было. Вскоре катер поравнялся со скваммером, но летящий не остановился. Ноги панцирного костюма были вытянуты, руки прижаты к бокам. Такую позу обычно принимали для полета.

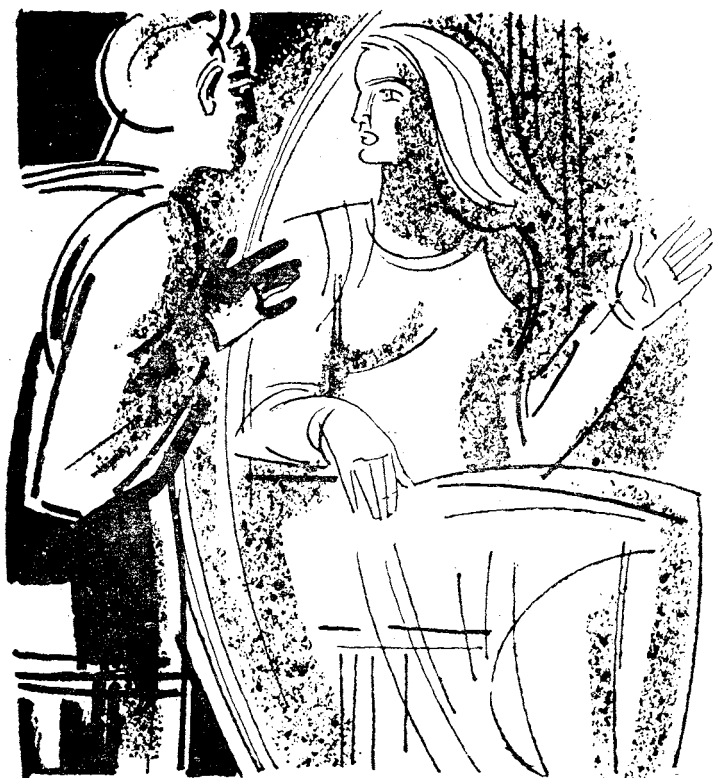
В лучшем случае, человек был без сознания... Кедрин торопливо скользнул обратно в багажную камеру, влез в свой скваммер. Несколько секунд он мог пробыть за бортом без особого риска. Пилоты молча кивнули; соглашаясь, командир включил автоматику выхода. Кедрин нырнул в пустоту. Затрещал дозиметр, прерывисто запылал индикатор... Обхватив скваммер руками, Кедрин направил его к открытому провалу люка.

Потом он забрался в камеру сам. Катер описал широкую ду-

гу разворота. Кедрин томился в скваммере, выбраться из него было нельзя — два скваммера и так едва умещались в тесной камерке, оттого-то его и не хотели брать катерники. Сейчас в багажной камере совсем не оставалось свободного пространства, хотя рядом, за нетолстой оболочкой, его было столько, сколько не пожелает и человек с самыми широкими замыслами.

Это было неудобно и страшно — стоять, прижимая собою к стене другой скваммер, ставший, судя по всему, последним пристанищем безыменного пока монтажника. Было страшно думать, что же могло случиться с ним, с первым, кто бросился спасать оказавшегося в беде, и вот сам... Во всяком случае, не радиационная атака была причиной этого — человек не мог так быстро лишиться сознания, не говоря уже о худшем. А Кедрин почему-то предполагал именно худшее, как будто мертвый холод второго скваммера добрался до него и проник до мозга костей, и Кедрин чувствовал, что еще немного, — и он задрожит мелкой, унижительной дрожью, потому что ему никогда не приходилось находиться так близко к смерти. Да, задрожит, хотя в скваммере был включен подогрев и с лица Кедрина лил пот, да и если бы он даже в действительности почувствовал холод того, второго скваммера, что из того? Все скваммеры холодны снаружи...

(Окончание следует)

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

СПУТНИК „ШАГ ВПЕРЕД“

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. ГРИШИНА

Окончание. Начало см. «Искатель» № 2, 3 и 4.

Он подумал, что никак не может уйти от проклятого вопроса, почему же гибнут люди. Какая целесообразность в том, что, спасая другого, человек погиб сам?

И все же он знал — и в этом есть целесообразность, потому что есть пропасть между спасением себя и спасением другого; и второе из этих действий свойственно лишь человеку — и только в том случае, если он настоящий человек. И, значит, был в этом смысл, если даже человечество в целом ничего от этого не выигрывало количественно.

Торможение прижало его к стене. Затем в камере стали слышны гулкие звуки — катер вошел в эллинг. Люк распахнулся.

Кедрин шел по коридору к залу. Вернее, шагал скваммер — безотказно работали сервомоторы, и это было счастьем.

Сам Кедрин не смог бы сделать ни одного шага: усталость все-таки добралась до него. И еще один скваммер шагал рядом, и это было совсем уж дико, потому что человек в нем уже не жил, не мог шевельнуть даже пальцем, но скваммер шагал себе враскачку, и это было все равно, как если бы шагал мертвый. Мертвые не ходят на Земле, но здесь оказалось возможным и это. Кедрин отводил и отводил глаза, но они наперекор его воле все поворачивались и поворачивались в ту сторону.

Хорошо, что хоть сзади шли живые — экипаж катера и те, кто их встретил; и среди них тот, кто торопливо просунул руку в приоткрытую дверцу, и ощутил неживой холод бывшего монтажника, и включил автоматику, заставившую механический костюм двинуться вперед... Очень странным оказалось то, что дверца в спине броненосного одеяния была приоткрыта. Это объясняло, отчего умер человек, но не объясняло почему. Не могла сама раскрыться дверца, защищенная изнутри двумя предохранителями противоположного действия, да еще и заблокированная вакуум-блокером. Это означало, что разгерметизировать скваммер в пространстве можно было только намеренно, а значит... Кедрин сморщился: нет, нет!

Потом был знакомый зал, и Кедрин прошагал к своему месту № 283 и открыл изнутри дверцу, это было очень трудно — мешали два предохранителя, хотя вакуум-блокер и отключился, — и вышел.

Лицо человека мелькнуло перед ним, человека, которого везли на носилках. Лицо с острыми полукруглыми скулами, с закрытыми глазами и губами, изогнувшимися в улыбку, усталую и — странно, или это только показалось Кедрину? — торжествующую... Кедрин вспомнил, кому принадлежал номер на спине этого скваммера и чье это было лицо.

Он медленно шагал по коридору. Как из тумана, выплыла его дверь. Кедрин остановился.

— Ничего, — услышал он. — Все-таки ты потом доказал и поэтому останешься монтажником. Но это будет решать весь спутник...

Потом из непонятного всплыло лицо с безмятежно-наивными глазами и странно не соответствующей этим глазам складкой у рта, резкой и упрямой.

— Тебе было страшно, Кедрин? — говорил Велигай. — Страшно? Он погиб, Кедрин? Да?

— Не страшно, — через силу сказал Кедрин. — Глупо.

— Пока неизвестно. Но, может быть... Бывает и так. Но и неразумный поступок может быть оправдан...

— Я устал, как никогда в жизни.

— А тебе не кажется, Кедрин, что никто не гонит человека туда, где возникает угроза гибели? Он идет туда сам, и всегда будет так, и без этого не будет человека.

— Отстань, Велигай, — сказал Кедрин, в изнеможении вытягиваясь на своем диване. — Я тоже шел сам, но это было не легко...

Он уснул.

XVI

На орбите Трансцербера скорость сближения опять вернулась к первоначальному значению, и осталось необъяснимым, почему она на какой-то период времени увеличилась. Разгадка причины стала еще одной темой, на которую могли спорить исследователи. Однако они с каждым днем спорили все меньше и соглашались все чаще.

Капитан Лобов все-таки настоял на своем — капитану это не так трудно сделать, как полагают некоторые, — и Земля пока так и не узнала о внезапно ускорившемся было сближении корабля. Никто не предполагал, что могло ускориться движение Трансцербера, — такого, как сказал один из исследователей, еще не бывало.

Впрочем, если принять во внимание странную вспышку на Трансцербере и непрохождение волн на Землю, то можно было и не удивляться тому, что какие-то непонятные силы задержали на два дня движение корабля. Жаль, конечно, что интеграторы, определявшие скорость корабля в принятой системе отсчета, не работали с момента выброса реактора и двигателей. Астрономические наблюдения не могли дать, вне возможной ошибки, ни пройденного расстояния, ни тем более увеличения или уменьшения скорости. Оставалось предполагать и радоваться тому, что этим предположениям ничто не противоречит.

Кстати, все это подтверждало мысль капитана Лобова: в пространстве еще полно таких вещей, которые и не сняты нашим исследователям. Да и что удивительного? Правда, уже минули столетия с того момента, как люди впервые вышли в пространство, сначала в Приземелье, а потом и дальше. Но что с того? Люди живут на Земле десятки тысяч лет (опять-таки, насколько им известно), а разве они сегодня знают все о Земле?

Исследователи согласились — они знают далеко не все. Правда, это их не очень трогало — Земля была не их специальностью, но вот то, что человек чего-то не знает о пространстве, казалось им личным оскорблением. Ну что ж, так оно бывает всегда... Капитан Лобов не спорил. Он несколько минут пребывал в задумчивости, потом встрепенулся и задал всем достаточную работу. Может быть, его приказание и не решали основной задачи — выбраться отсюда. Но они решали другую

задачу: не дать людям задумываться над тем, что такое ускорение сближения. Если оно однажды произошло, могло повториться и еще раз, и даже еще не раз.

Самому капитану тоже не очень хотелось думать об этом. Даже ему начинали лезть в голову идиотские мысли вроде той, что лучше было бы погибнуть когда-то на «Джордано». Там гибель прошла бы незаметно — была борьба, — и ждать ее было некогда. А здесь делать было нечего, и капитан Лобов не знал, чем займет он экипаж завтра. А занять было необходимо: трое членов экипажа и четверо исследователей были не дети и не новички и сами отлично знали — сближение может ускоряться еще сколько угодно раз, и никакая Земля не спасет. Надо было не дать им думать об этом, но капитан Лобов еще не знал, как это сделать — не позволить думать...

Это очень трудно — не думать о том, что ты сделал хорошего. Но неизмеримо труднее не думать о том хорошем, чего ты не сделал, и о том плохом и недостойном, что ты каким-то образом ухитрился насоздавать. И Кедрин думал об этом все время с момента, когда он проснулся.

Монтажники собирались в кают-компанию. Здесь не было той торжественной и мрачной тишины, которая в старину была непременной спутницей такого рода собраний. Собрались вся смена и представители остальных смен, было теснее, чем обычно, и шумнее, чем обычно, и услышать, о чем говорят в каждой группе, не было возможности. Но о Кедрине не говорили. О нем не говорили вовсе не потому, что монтажникам безразличны были он сам и его судьба. Просто никто не знал всего о событиях.

Потом разговоры разом умолкли. Кедрина попросили рассказать о случившемся. Он сказал о том, как, нарушив правила, устремился, оставшись один, в сторону, чтобы издали полюбоваться конусом. В этом не было ничего особенного, человек впервые участвовал в монтаже корабля. Там его застал запах, и страх на миг охватил его, и он устремился прямо к кораблю и случайно заметил мелькнувшую возле конуса корабля фигуру в скаммере.

Он мог и не заметить этой фигуры, и никто не усомнился бы в его словах. Но он заметил эту фигуру и сказал об этом, потому что люди не лгут, а монтажники тем более. Он не говорил о том, что случилось после этого. Всем было известно: Кедрин отыскал и доставил на спутник мастера Ирэн и сразу же помчался на поиски второго монтажника, еще не зная, что это Холодовский... Об этом не говорил Кедрин и не вспомнил никто другой. Наградой за смелость служит сама смелость, но карой за трусость не может служить лишь сама трусость.

Он закончил, и все знали, что Кедрин рассказал о событиях так, как они запечатлелись в его памяти, а теперь делом каждого было внести поправки, необходимые хотя бы потому, что люди — если они настоящие люди — бывали в таких случаях строже к себе, чем заслуживали.

Начальник смены рассказал, как произошло дальнейшее. Сигнал тревоги раздался в то время, как мастер подлетала к ко-

раблю со стороны спутника. Она позвала, но Кедрин не ответил на ее вызов. Она не встретила его на пути к спутнику, и единственный вывод был: он находится внутри корабля и не принял сигнала тревоги. Тогда мастер, волнуясь за безопасность человека — он ведь мог выйти в момент наибольшей опасности, — бросилась внутрь корабля. Обшарив уже смонтированные помещения, она застряла в одном из узких — ремонтных — проходов первого, внешнего конуса, заполненного еще не снятой вспомогательной арматурой. Пытаясь вырваться, она запустила ранец-ракету, ударилась фонарем о потолок и потеряла сознание.

Да, она поправляется. Монтажник из патруля, первым пострадавший от запаха, пострадал в основном по собственной вине: он почувствовал запах, но, поскольку озотаксор патруля не показывал ничего, монтажник решил, что ему кажется, и он не поторопился. Нет, ничего особенного: он ударился в скваммере плечом — вывих. Через два дня выйдет в пространство. Причины, по которым мастер действовала так необдуманно, не относятся к нарушениям техники безопасности. Это совершенно иные причины. Еще вопросы? Что касается озотаксора, он, начальник смены, не берется вынести заключение. Это сделают специалисты, а он, начальник смены, как всем известно, скульптор.

Кедрин сидел и думал, что говорят слишком много, что достаточно уже сказанного, пора кончать все и идти, бежать в ту каюту, где за прозрачной, но непроницаемой перегородкой, бесильно откинувшись, должно быть, на подушку, лежит она — милая женщина... Но все сидели неподвижно и напряженно слушали Дугласа, который был неразговорчив вовсе не потому, что ему нечего было сказать людям.

— Что до озотаксора, — говорил Дуглас, — то я тоже работал над этим прибором и ручаюсь за то, что он пригоден к работе. Если есть запах, то озотаксор его покажет. Я готов к любой проверке, и никто не станет говорить об Особом звене, что оно делает что-то не до конца.

Что же касается самого запаха, то мы полагались на Славу, и вы полагались на него и на наше правило: монтажники делают все, что можно, и стараются сделать еще кое-что и сверх этого... Но всякое отклонение от нормы есть отклонение, безразлично — к плюсу или к минусу. Слава был уверен в себе, может быть, слишком уверен, да и все мы были в нем слишком уверены. Я не знаю, почему он умер, это еще предстоит узнать, и до того момента не будем делать выводов — ведь сама по себе гибель не является ни искуплением, ни доказательством. И нет монтажника, который не знал бы этого...

«Что тут выяснять?» — подумал Кедрин. Он ручался Седову головой за правильность своей теории и эффективность защиты. Он не мог после этого прийти к Седову. Он испугался, пусть не смерти — ответственности. Следовательно, Слепцов прав — страх присущ природе человека. Ведь Холодовский один из лучших...

— Мы говорим, — продолжал Дуглас, — об ошибках двух наших товарищей, Холодовского и Кедрина, забывшего главное правило — в первую очередь думать о товарище. Поэтому мы

вспоминаем и ошибки, совершенные человеком, который останется лишь в памяти. Это не оскорбляет его памяти — наоборот, ее оскорбило бы, если бы мы не попытались извлечь благо для оставшихся из самого факта смерти. И надо, чтобы благо это было максимальным. Ошибка Славы была первой, но не зря же сказано, что ошибившийся монтажник перестает быть монтажником...

Все наклонили головы, и Кедрин тоже. Он больше не поднял головы.

— Кедрин еще только становился монтажником... («Почему он говорит в прошедшем времени? — с тоской подумал Кедрин. — Хотя не все ли мне равно теперь?») Я думаю, что ему надо дать возможность подумать обо всем: о происшедшем и о не случившемся. Нам сейчас дорог каждый человек, мы теряем время и теряем людей; и тем тяжелее будет для Кедрина наказание, если мы отстраним его от работы на монтаже Длинного корабля. Это очень тяжело, вы все знаете. Так считает Особое звено, или то, что от него осталось...

Дальше Кедрин не слушал. Он ожидал, что все будет иначе. Ведь в конце концов все же это он разыскал мастера, он лазил в пронизанное радиацией пространство за Холодовским... Что ж, для него все будет зависеть от того, что скажет Ирэн. Есть еще дела и на Земле...

Он вышел из кают-компании вместе с остальными. Кто-то похлопал его по плечу, кто-то утешил: запрещается работать, думать не запрещается... Кедрин покачал головой: теперь он привык и к работе рук. Потом он ускользнул в оранжерею. В той ее части, где росли сосны, он сел на траву, прижался щекой к стволу дерева.

Сосна должна была понять его — ведь это было одно из тех деревьев, что растут и на берегах Балтики, там, где был институт... Сосна должна была понять то, чего не поняли люди: что все это было случайностью, а то, что он поборол свой страх, было закономерно.

Но и дерево не поняло его — наверное, потому, что выросло здесь, в микроклимате оранжерей спутника Дробь семь, и даже понятия не имело о том, что такое Прибалтика и Институт связи. И Кедрин без сожаления оставил дерево и направился туда, где только и могли его понять, несмотря ни на что.

В медицинской секции гравитация была выключена, и Ирэн вовсе не лежала, беспомощно откинувшись, а полусидела на своем причудливо изогнутом медицинском ложе. Прозрачная перегородка была на месте, но ее взгляд ощутимо погладил Кедрин по лицу, и Кедрин опустил глаза.

— Что сказали ребята?

— Ты поправилась, — сказал он. — О чем можно еще говорить сейчас?

— Отстранили?

— Да.

— Это много... — грустно сказала она. — Конечно, ты не удивишь здесь.

— Наверное, нет. А ты?

— Что я?

— Тебе надо отдохнуть. Полетим на Землю оба. Там...

— О нет. Отдыхать я буду в лаборатории. А сейчас остается так мало времени... И гибнут люди. Корабль нужен. Значит, и я нужна тут. Кроме меня, никто не поставит так испаритель.

— Но после болезни тебя не допустят. И разве ты... мы?..

— Кто посмеет не допустить меня? — улыбнулась она.

Но Кедрин уже решил.

— Слушай... Ирэн, милая... Полетим на Землю. Там много дела, и оно не менее важно. Ты, наверное, уже забыла Землю, но ведь когда-то мы были там вдвоем... Она прекрасна, Земля.

— Да... — задумчиво протянула она.

— Вот видишь!

— Самолюбие, установщик Кедрин. Как это так — вдруг здесь будут обходиться без тебя! А мое самолюбие в том, что бы остаться здесь.

— Пусть и это, — согласился он. — Но не только... Если ты любишь меня, ты поймешь...

— Я поняла... — Она говорила тихо и чуть грустно, и то, что ее голос доносился откуда-то сбоку, а не из-за звуконепроницаемой перегородки, создавало впечатление, что она только беззвучно шевелит губами, а кто-то другой, умело принаравливаясь к движению ее губ, произносит печальные слова. — Я поняла... Нет, я не поеду с тобой. У тебя есть месяц для раздумий — это неплохо. И ты вернешься.

— Я, наверное, не вернусь, — медленно сказал он.

— Не верю. Что ж, мне больно, но решим так: каждый поступает по-своему. Увидим, чья любовь права. Видишь, я не скрываю, и мне страшно: ведь я не умею любить дважды...

— Я люблю тебя навсегда, — сказал он тихо и прижался лицом к холодной переборке, как будто ждал, что она уступит его напору. — Я никогда не смогу без тебя. Я люблю тебя и за то, что ты не соглашаешься, и вообще за все...

— Мы никогда не знаем, за что любим, — сказала она. — Но когда любим, знаем, чего хотим. Так мне говорила мать... Я так много хочу от тебя... Еще больше, чем пять лет назад. А ты уходишь... Я знаю, как любит меня Николай...

— Николай?

— Седов — называют его все. Если бы можно было любить за что-то! Никто не сделал больше, чем он, — ведь он не стар, а прожил по крайней мере две жизни.

— Человек, который не спит. Единственный из экипажа «Джордано», — сказал Кедрин.

— Почему? Здесь еще трое из экипажа «Джордано». Двое, — грустно поправилась она. — Теперь только двое... Холодовский, бортинженер...

«Они, — подумал Кедрин. — Конечно, они. Особое звено...»

— Они тоже не могли больше летать?

— Они могли. Но не хотели оставить командира одного. Они пришли с ним на Звездолетный пояс. Спутник Дробь семь начинали они, до этого здесь было что-то, они называют это «этажеркой», но я не знаю — меня тогда здесь не было.

— Ты здесь с того самого времени?

— Пять лет...

— Да, они настоящие. Кроме Холодовского. Он не выдержал.

— Не выдержал чего?

Кедрин, увертываясь от ставшего колючим взгляда, поднял глаза к матовому потолку, на котором дрожали блики света от скрытых светильников.

— Наверное, ответственности. Или это была совесть? Он создал свою теорию, все верили, а она оказалась ложной, защита против запаха — недейственной... Но все же покончить с собой...

Он умолк и невольно легким движением пальцев оттолкнулся от перегородки, видя, как светлеют, становятся похожи на лед ее глаза.

— Слава покончил с собой? Монтажник?! Запомните это, повторяйте это каждый раз до самой смерти, повторяйте дважды, трижды, тысячу раз в день — этого не бывает у монтажников! Ну? Повторяйте, я жду!

— Разгерметизировать скваммер в пространстве мог только он сам!

— Да. Но почему? Что вы знаете об этом?

— Уже установлено, что он тогда был около озотаксоров. Он проверял их: на каждом сделана контрольная отметка. Он понял, что его теория запаха рухнула. А он жил этой теорией.

— Он жил для многого...

— Но умер из-за этого. Мне ясно. Умер Андрей, умер Слава. Они одинаковы, только на Земле это теперь редкое исключение. Слепцов прав... Ты уедешь на Землю со мной. Я буду ждать.

— Не жди. Улетай один. И поскорее...

— Ты гонишь меня? В третий раз?

— Ты сам хочешь этого. Прощай.

— Прощай, — сказал он, сдерживаясь.

Скользя вдоль стены, он выплыл в коридор, в котором медленно нарастала тяжесть. В коридоре было по-обычному пустынно, потом в дальнем конце показалась группа людей. Кедрину захотелось свернуть в сторону, но он пересилил себя и пошел навстречу, гордо подняв голову. Несколько монтажников несли на руках какой-то громоздкий прибор.

— Ага, это ты, мой наказанный друг, — рассеянно сказал Гур. — А мы вот... сгибаемся под тяжестью.

— Ну, Гур, — сказал Дуглас из-за прибора. — Ну, ну...

— Да... Берись за свободный угол. Тяжелая получилась установка. Занесем ее ко мне. Вот, проводили Славу на планету. На планету. Нет у нас здесь еще Пантеона. Но будет — со временем.

— Будет, — сказал Дуглас.

Кедрин держался за угол прибора и с удовольствием чувствовал, как его движения незаметно вплетаются в общий ритм.

Прибор установили в лаборатории Гура, отеснив в сторону полку с трудами древних фантастов и современных прогносологов. Монтажники ушли. Один из них на прощание произнес:

— Через полчаса дадут расшифровку Славиной записи. Приходите.

— Само собой, друзья мои, — сказал Гур.

Он возился с настройкой прибора и время от времени тяжело стонал, изгибаясь в три погибели, чтобы засунуть руку куда-то в самую середину монтажа.

— Есть что-нибудь новое о нем?

— В общем нет... — Он стремительно повернул несколько переключателей. — Кустарщина, конечно... Нет, ничего нового. Непонятно, зачем он выломал из прибора озомер!

— Выломал?

— Да, из патрульного озотаксора... Он сделал какие-то записи на мемориале, но пленка успела основательно испортиться во время протонной атаки, пока скваммер был раскрыт. Сегодня ее обещали восстановить... Да, кустарщина, не то, что на Земле! — Он ткнул пальцем в прибор и тут же ласково погладил его кожух. — Ничего, свое дело он сделает.

— Для чего это?

— Особое звено продолжает заниматься запахом.

— Ты продолжаешь его путь?

— Пожалуй, нет. Я всегда шел своим путем.

— Я не знал.

— Не удивительно. Но спорили мы с ним немало. Жаль, что я его не убедил. Хотя, строго рассуждая, этого и не могло произойти.

«Странно, — подумал Кедрин. — Его нет, но мы рассуждаем почти так же, как если бы он был жив. Впрочем, не является ли это лучшим способом выразить уважение? Только заслужил ли он это уважение? Но об этом лучше не думать...»

— Почему не могло? — спросил он.

— Ты успел ведь — ну, хоть познакомиться с нами, так? Значит, ты поймешь. Стань сейчас Холодовским...

«Не так-то и приятно», — подумал Кедрин и стал сосредоточиваться. Потом он поднял голову.

— Я готов.

— Итак... Я допускаю, что твоя теория запаха выглядит логично. Но единственная ли она возможная?

— У тебя есть другие? — спросил Кедрин так, как, по его мнению, спросил бы Холодовский, будь он еще способен спрашивать. Но мертвые не спрашивают, они только отвечают...

— Смотря как понимать эти «другие», — сказал Гур.

— Ну, — сказал Кедрин-Холодовский, — основанные на фактах и логике науки.

— Иными словами, на объясненных фактах?

— Естественно. Следствие можно объяснить, лишь зная причину. Зная следствие и пути развития, можно причину восстановить.

— Если следствие может быть вызвано только одной причиной, — кивнул Гур. — А если их несколько? Разных? Держа в руке алмаз, можешь ли ты сразу сказать, кто создал его: природа или человек?

— На столе — нет. Но найдя в земле...

— В алмазонасной трубке? Допустим. А просто в песке? На равном расстоянии и от трубки и от твоего стола? Ты затруднишься. Но лет двести назад ты и не стал бы сомневаться: тогда бы ты не знал, что возможно создать алмаз искусственно.

— Ну, хорошо, — сказал Кедрин, но, вспомнив, что он Холодовский, покачал головой: — Тогда мы должны допустить существование субъекта — создателя.

— Почему же нет?

— Потому, что у нас нет сведений, позволивших бы...

— Так сказал бы и нашедший алмаз, о мой логичный друг.
— А ты допускаешь? Прости, но это ненаучно.
— Прощаю. Я не обижен. Да, фактов нет. Точнее, они нам не известны. Но не следует ли иногда перешагивать через неизвестные факты?

— Ну, знаешь!..

— Не так ли поступил некогда, скажем, Дарвин? Ведь у него не хватало многих звеньев.

— Не спорь. Я занимаюсь запахом дольше тебя, и...

— Стоп, о перевоплотившийся, — сказал Гур. — Это уже не тот Слава.

— Это он, покончивший...

— Такого нет! — сурово сказал Гур. — Думай! Найди другие аргументы.

Кедрин кивнул. «Нет, я никогда не покончу с собой, — подумал он. — Я должен жить и многое сделать. Сделать?»

— Слушай, — сказал он. — Пусть мы примем твою гипотезу. Пока объяснения нет. Значит, ничего нельзя сделать. Сидеть и ждать. Бояться запаха. Затягивать постройку... Мы не можем так, Гур. Мы должны делать, бороться, строить корабли. Моя гипотеза дает нам возможность действовать. Строить. Дает надежду, и притом достаточно обоснованную. Делать — вот что нужно нам! А если... Что же, ты думаешь, я откажусь от ответственности?

Он вопросительно взглянул на Гура.

— Да, это было так, — сказал Гур. — Ты угадал. Только он потратил значительно меньше слов и говорил без пафоса — нет, это не в упрек тебе, это ради точности. И насчет ответственности он не говорил, он говорил о другом... Но сейчас это уже ни к чему, — сказал он, и тоска сверкнула в его голосе, — древняя тоска по безвременно ушедшим, но, видимо, и Гур умел хватать себя за горло. — Одним словом, вот так Слава взял верх в споре и стал строить свои озотаксоры.

— Взял верх в споре — значит, прав?

— Нет, далеко не всегда. Потому что в споре иногда побеждает то обстоятельство, что мы живем сегодня, а не вчера и еще не завтра. Но законы природы в отличие от человеческих имеют обратную силу и действуют, даже когда они не открыты и не узаконены. Как бы там ни было, пока что работы хватает всем: корабль должен быть построен быстрее, чем предполагалось.

— Там что-нибудь случилось?

— Лобов сообщает о полном благополучии. Даже чересчур полном. Но Седов знает, что может быть, если Лобов сообщает о сверхблагополучии. Значит, плохи дела...

— Плохо.

— Нехорошо. Но еще не скверно. Мы надеемся, и они тоже. Так что ты надумал? Будешь здесь?

— Нет. Очень будет тоскливо...

— Ну, слетай на Землю.

— Да. Возможно, останусь там.

— Ты? Не останешься... — задумчиво произнес Гур. — Не останешься, нет. А пока отдохни. Гимнастика, купания... Мон-тажику нужно здоровье...—Голос Гура снова переливался знакомыми торжественно-насмешливыми нотками. — А пока ты бу-

дешь отдыхать, это вот хитроумное устройство, этот маленький «гончий песик», что идет на вырубку «большому псу», поищет в пространстве син-излучение. Потом мы тут еще кое-что подсчитаем. Я хотел просить тебя заняться этим сейчас, но раз уж так получилось... Счетчиков среди нас не оказалось, но уж я обойдусь.

— Значит, это тоже искатель излучений?

— Не только. В сущности, это наоборот — излучатель син.

— Для чего?

— Да так, о любопытствующий, — сказал Гур. — Для проверки разных малонаучных гипотез. Тут, конечно, придется подумать...

— Может быть, пригласить специалистов с Земли?

— Они все здесь, мой заботливый друг. А с теоретиками мы можем связаться в любой момент, когда это понадобится. Это ведь несложно — связаться с Землей. Например, я говорю с сыном.

— Сын? Странно, я ничего не знаю обо всех вас. Где же он?

— На планете, конечно.

— Вот как... Значит, и ваши корни — в Земле.

— Мы тоскуем по Земле, — грустно сказал Гур. — Мы просто мало говорим о ней. Но ведь строительство кораблей пока не под силу автоматам.

— Но очень скоро станет под силу. Машины этого класса уже завтра будут гораздо компактнее, их нетрудно станет и разместить в пространстве.

— Правильно. Но мы к тому времени уйдем дальше. Туда, где еще нет автоматов.

— Почему?

— Да потому, что человек куда совершеннее. В разведке и поиске автоматы могут быть рецепторами и орудиями, но мозг — это человек. Кстати, на планете зайдешь в свой институт, узнай, нельзя ли с их помощью заказать серию син-излучателей в разных диапазонах. Чтобы не кустарничать. И кстати...

Что-то, очевидно, случилось совсем некстати. Раздался хриплый, низкий всхлип. Свет померк. Белесый туман, почудилось Кедрину, заполнил кабину, лицо Гура оказалось где-то страшно далеко, каюта мелко завибрировала. Гур, как показалось Кедрину, взлетел над полом — на самом деле он просто кинулся к аппарату. Но свет уже вспыхнул в полную силу, и Гур выпрямился, облегченно переводя дух.

— Вот так, о храбрейший, — сказал он. — Хорошо, что импульс недолог. А то вся энергетика Дробь седьмого полетела бы в черный ящик.

— Что это было?

— Картинка природы: син-излучатель в действии, — сказал Гур и широко повел рукой. — Нашел, настроился, излучил.

— Могу я помочь?

— Безусловно. Встретив Герна, не говори ему, где я. И передай самую горячую благодарность за дружески предоставленную мне антенну.

— И все?

Он медленно шел к каюте. Что ж, месяц куда ни шло, за

это время он забудет Пояс. Хорошо, когда ничего больше не привязывает тебя... Месяц. Через месяц будет сдан корабль. «Значит, и этого у меня нет. Нет ее, нет корабля. Остался разве что комбинезон монтажника. Я даже не знаю, что носят монтажники по праздникам».

Он оглядел каюту. Собирать было нечего — люди приходили и уходили налегке. Взглянул на часы. Ежедневный корабль на планету уйдет через час.

Кедрин шел по пустынному коридору. Очередная смена — его смена — готовилась к выходу в рабочее пространство. Только скваммер № 283 останется в зале. Ничего, выздоравливает Кристап.

Единственным, кто попался Кедрину по дороге в порт, был Герн. Он цепко ухватил Кедрина за рукав.

— Слушайте, — сказал он, поглядывая на Кедрина с некоторым подозрением. — Вы, по-моему, из этих... Ну да, это же вы заметили ту странную вспышку. А? Так вот, Седов прав. Расстояние между Трансцербером и кораблем сократилось больше, чем следовало. Что все это значит?

— Что?

— Я не знаю. Просто не знаю. Я многого не знаю. Например, зачем Гур забрал у меня лучший астролокатор.

— Да, он просил поблагодарить за антенну.

— Антенну? Если бы! Астролокатор! Острейший! Он захватил его, этот разбойник, этот космический пират, этот Гур. Благодарность, а? Как вам нравится? И знаете что? Я подозреваю, что это именно он забирает всю энергию, так что временами не хватает не только на освещение — не хватает на радиотелескопы! Правда, ненадолго. Зачем это, я знаю? Я же говорю, что я ничего не знаю! Зачем ему, например, точно знать место Трансцербера? Фантазии... А я знаю только, что надо будет скорее закончить корабль.

— Скорее, — сказал Кедрин и вдруг рассердился. — Скорее будет тогда, когда работать будут автоматы. Они не будут гибнуть, их не надо будет спасать. Вот и все!

— Летать всегда будут люди, — строго ответил старик. — Это их привилегия — летать. То, что требует мужества, всегда будут делать люди. Автоматы не обладают мужеством. Они руководствуются программой — хотя бы они составляли ее сами для себя, но программа остается программой. А делать сверх программы способен только человек. Какой же вы монтажник, если не понимаете этого?

— Я был плохим монтажником, — сказал Кедрин. — Был, ясно?

— Ага, — сказал Герн. — Тогда извините. Счастливого пути, да.

Он медленно поклонился, но глаза его смотрели мимо и улыбка была лишь данью вежливости.

Кедрин вышел в вестибюль перед посадочным шлюзом. Здесь было тесновато. Монтажники находились и здесь, потому что спутник давно уже был тесноват и места для компаний не хватало. Посадки еще не было, и Кедрин уселся с независимым видом.

— Кто боится запаха, — говорил один монтажник, — пусть

идет к Косте на закалку. В его лаборатории трудно выдержать три минуты, но и одной достаточно, чтобы стать невосприимчивым на всю жизнь ко всем и всяческим запахам.

— Я бы делал скваммеры из твоей кожи. Она такой толщины, что уж не пропустит никакого запаха.

— Кстати, насчет шкур: у Ирвинга в каюте на полу такая шкура, что люди, заходящие к нему впервые, пугаются и просятся скорее на Землю.

— Почему на Землю?

— Там тигры давно не кусаются и даже у носорогов прелестный характер...

— Между прочим, именно Ирвинг изобрел способ полета пятками вперед. Он говорит, что это предохраняет голову.

— Но это лишь для тех, — сказал Ирвинг, — у кого есть голова.

Кедрин сидел и грустно улыбался. Веселые мальчишки! Эти — из недавно пришедших. Для них пока еще кругом романтика. А он, Кедрин, здесь уже почти два месяца и знает, что к чему...

Объявили посадку. Пилот появился из раскрывшегося переходника. Его лицо было знакомо, хотя раньше оно не было таким холодно-суровым.

— Привет, Сема! — сказал Кедрин.

— Салют! — сказал Сема.

— Вы теперь на приземельских?

— Что же, я должен всю жизнь летать на глайнерах? — спросил Сема. — Я на приземельских.

— А тот пилот?

— Не летает. На Земле.

— Его тогда действительно лишили?..

— Его?.. Хотел же я... Он готовит себе экипаж.

— Ага, — сказал Кедрин. — Можно садиться?

— Сделайте ваше одолжение, — сказал Сема.

Кедрин шагнул в переходник. Гур нагнал его уже в салоне. Он протянул Кедрину маленький пакетик.

— Вот, возьми... на память. Я снял для тебя копию с записи Холодовского.

— Зачем?

— Прочитаешь на планете, когда будет время и настроение...

— Спасибо... — рассеянно сказал Кедрин. — Ты видел Герна?

— Да.

— Он тебя не убил?

— Хотел. Но я его обезоружил: спросил, из какого пластика была защита автоматики в реакторах «Гончего Пса». При неожиданных вопросах Гурн теряется, и я успел сбежать. Кстати, а ты не помнишь, какой пластик?

— Никогда не знал.

— Жаль. Впрочем, я узнаю. Думаю, что это был пластик «К-178»... — Он хитро прищурился.

— Ну и что?

— Ничего. Итак, расстаемся на месяц?

— Не знаю...

— Зато знаю я. Ты попрощался?

— Что? А...

Кедрин умолк. Гур сказал:

— Ничего, грустящий друг мой... Воистину прав был кто-то, сказавший: «Если бы бури в пространстве были столь же преходящи, как в любви, не было бы ничего приятнее полетов...» Кто это сказал?

— Не знаю, — буркнул Кедрин.

— По-моему, опять я. Или иной классик, но это неважно...

Прозвучал сигнал окончания посадки. Кедрин поднял глаза.

— Скажи ей, что...

— Нет уж, — усмехнулся Гур. — Это ты сделай сам... Через месяц или раньше...

Когда люк корабля вдвигался на место, Кедрину показалось, что из зала донесся веселый голос:

— Или раньше...

XVII

Капитан Лобов — там, на орбите Трансцербера, — сидит в своем кресле за пультом и думает. По старой привычке руки его лежат на пульте, но сейчас эта привычка ни к чему и пульт ни к чему — управлять нечем. Нервы сохранились, но вот ног у «Гончего Пса» нет.

Управлять нечем. Но все остальное в таком возмутительном порядке, что ни экипажу, ни пассажирам делать нечего. Наблюдения над Ахиллесом ведутся, и он подступает все ближе, и снова на какое-то время скорость сближения увеличилась, а потом стала прежней, но ничего не стало от этого понятней. И к людям все чаще приходят мысли: «Земля не успеет. Не может успеть. Земле нужно еще больше месяца, а здесь Ахиллес догоняет, он уже наблюдается визуально — пока как яркая точка, но скоро она обретет линейные размеры, затем ее можно будет наблюдать и без помощи оптики, а потом...»

И люди думают о том, что будет потом... А капитан Лобов думает о том, как бы сделать, чтобы они не думали.

Обстоятельства приходят ему на помощь. Приходят в негодность термоустройства одного из отсеков — жилого. Морозец хорош зимой на Земле, но не сейчас и не на орбите Трансцербера. Все люди немедленно мобилизуются на ремонт термостемы. Причины аварии неизвестны — еще вчера все было в абсолютном порядке. «Но аварии всегда случаются неожиданно, — утешает капитан Лобов. — Ничего, это не так страшно. Поработаем как следует дня два — и все будет в порядке».

Все с этим согласны и выражают предположение, что потом аварии, наконец, оставят их в покое. Капитан Лобов согласен, в свою очередь, с этим мнением. Но про себя — только про себя, разумеется, — он допускает, что аварии могут происходить и в дальнейшем. Он даже может — вернее, мог бы — предсказать (хотя никогда не отличался даром пророчества), где скорее всего произойдет следующая авария. Она произойдет во флора-секции экоцикла. Это не очень опасно, но потребует немалых усилий для ликвидации.

И авария происходит. Люди заняты, им некогда думать о том, что Ахиллес снова придвинулся на несколько тысяч километров...

Земля начала открываться ему с высоты, и даже матросы Колумба не приветствовали ее таким криком, какой раздался в его душе.

Корабль входил в плотные слои атмосферы. По обшивке текли огненные реки. Чудесная планета лежала внизу, зеленая и голубая, омываемая ветрами и океанами, летящая, смеясь и кружась, в мировом пространстве. Земля, всегда принимавшая блудных сынов...

На космовокзале былолюдно. Кедрину не хотелось сразу покидать порт. Он хотел продлить, растянуть встречу с планетой. Он зашел на связь и написал радиogramму на спутник, чтобы она тоже почувствовала все это. Он сдал радиogramму, потом отозвал ее и порвал бланк.

Он посидел в баре, потягивая что-то прохладительное и тонизирующее. Затем медленный аграплан нес его над сушей и над океаном, и он все смотрел, смотрел из окна... Да, это была Земля, не сон, и он был на Земле, и не надо было торопиться на смену, и вообще не надо было никуда торопиться!

Он высадился на том же самом острове Отдыха.

Там, где два с лишним месяца назад стоял его коттеджик, возвышалось теперь совсем другое здание и жили другие люди а его домик, опрысканный деструктуратором, давно уже превратился в кучку пыли, потому что никто из отдыхающих не хотел жить в домике, которым пользовались, как никто не стал бы надевать поношенный костюм.

Кедрину коттедж был, по сути дела, не нужен, однако он все же сходил в центр по размещению и там выбрал себе такой же стереотип, как и в прошлый раз. Он намотал веревочку на палец и крутил стереотип объемом в кубический дециметр, во-круг пальца, пока не разыскал подходящее местечко почти на самом берегу. Тогда он вскрыл упаковку, установил стереотип и предоставил домику самому расти за счет воздуха до заданных размеров. Сам он пошел на пляж, загорая и удивляясь, до чего же здесь шумно.

Шумнее всех были люди. Они приезжали сюда отдыхать и страшно кричали и суетились, вместо того чтобы отжаться неподвижности и благородной углубленности созерцания красок Земли и движения океана — того, чего не было там, в пустоте, в Звездолетном поясе.

Тут он заметил, что рассуждает все время с точки зрения жителя Звездолетного пояса и вообще пространства. А ведь он уже не был монтажником... Лучше было просто сидеть на берегу и наслаждаться водой и солнцем. Собственно, он просто прервал тогда свой отпуск, а теперь может возобновить его.

И он сидел и наслаждался. Потом, на четвертый день, когда запахи перестали быть столь резкими, а звуки невыносимыми, он осмелился вмешаться в неутрахающее движение, царившее на дорогах острова.

Он шел, привычно раскачиваясь из стороны в сторону: такую походку вырабатывал скваммер, и даже двух месяцев оказалось достаточно, чтобы усвоить ее надолго. Люди узнавали походку, и в заметной уже неподвижности лица, вынесенной оттуда, где нет погоды и где от яркого света защищают экраны, угадывали отпечаток Пространства. Но когда Кедрин понял это, он начал

стараться ходить совершенно плавно, чтобы никто не узнал в нем монтажника: ведь он никогда больше не вернется туда...

Он блуждал по острову, не выбирая пути. Забрел на ту самую площадку, нависавшую над водой, и сел за свободный столик. Он не послал заказа, а просто сидел, и смотрел, и вспоминал, и думал: куда бы он поехал и что бы с ним стало, если в тот раз он не встретил бы ее и тех троих, одного из которых уже нет... Он думал и вспоминал — ведь ничего другого ему не оставалось; но это было очень мучительно: думать, когда не в твоих силах сделать что-нибудь другое, когда тебе запрещено предаваться трудному счастью созидания там, на монтаже Длинного корабля.

Потом он поднялся и пошел на связь со Звездолетным поясом. Он написал радиogramму, и снова, как и в космопорте, порвал ее, и снова до самого вечера шатался по острову.

Тогда Кедрин вернулся на площадку. Он сидел, и все было как тогда, как давно, — звенящая темнота (какой шум!), и горячие влажные ароматы (какая неразбериха!), и девушка скользила между низкими столиками, и яркая ткань кружилась вокруг ее ног.

Потом она шла между столиками, и Кедрин отвернулся — в общем-то ему было все равно, куда она сядет. Он глядел на океан — земную модель вечно волнующегося Пространства. Потом он услышал совсем рядом чье-то учащенное дыхание. Он поднял голову. Девушка сидела рядом, она улыбалась.

Кедрин долго смотрел на нее. Она была красива, хотя ничем не напоминала ту, оставшуюся в Приземелье. «Теперь все красивые», — подумал он и взглянул вверх, туда, где были небо, спутники и корабли. Что ж, с тем порваны все связи?

— Кто вы? — спросил он.

— Я вхожу в жизнь, — протяжно сказала она. — Я еще только вхожу, я не знаю дорог. Возьмите меня в жизнь. Говорят, вы со Звездолетного кольца. Возьмите меня туда. Меня зовут океанисты, но я хочу на Звездолетное кольцо.

— Звездолетный пояс, — сказал он. — Пояс, а не кольцо.

— Пояс, — согласилась она. — Вы ведь оттуда? Расскажите.

Она опустила подбородок на кулачки, приготовившись слушать. Кедрин, нахмурившись, кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

— Пойдемте, — попросила она. — Мне не нравится здесь.

Он положил руку на ее плечо. Они медленно шли по дорожке. Кедрин рассказывал.

— Когда вы возвращаетесь туда?

— Не знаю... — сказал он. — Еще не знаю... Наверное, не так скоро.

— Я хочу поскорее, — сказала она. — Сейчас мне надо уйти. Но я приду сюда через два часа. Вы приходите тоже. Да? Вы будете рассказывать мне еще.

— Хорошо, — согласился он.

Девушка растворилась в сумерках. «Что же, — подумал Кедрин, — я ее увижу через два часа. Зачем я рассказывал ей о Поясе? Она улетит туда. Я останусь на Земле. Зачем?»

Но ему почему-то хотелось, чтобы девушка улетела на Звез-

долетный пояс. Ей нужно попасть туда. Она еще успеет принять участие в монтаже корабля. Это будет очень хорошо. Кстати, как там продвинулись дела?

Он торопливо направился в информаторий. Только здесь, на планете, он понял, как пристально следило человечество за монтажом, как хотелось ему поскорее увидеть тех восьмерых человек, над которыми все еще висела угроза на орбите Трансцербера!

Закончен монтаж конуса и испарителя, услышал он. Закончен. Значит, Ирэн уже в пространстве... Сейчас пойдет монтаж внешнего Пояса помещений, потом оболочка, и все. Но времени остается немного, и все еще остается угроза запаха.

— Что такое испаритель? — спросил кто-то рядом.

Кедрин пожал плечами.

— Что-то такое, очевидно, — сказал он, — что испаряет.

— Простите, — сказал человек. — Я думал, вы знаете.

Кедрин стремительно вышел из информатория.

Он шел по дороге. Угроза запаха все еще над ними. Особое звено все еще решает этот вопрос. Но все-таки... Все-таки, вместо того чтобы сидеть здесь, на острове, стоит, пожалуй, съездить в свой институт. Поговорить с ребятами. Теорию надо создавать заново, и в этом стоит помочь Особому звену. Он уже потерял три дня здесь, на острове...

Он вошел в коттедж. Торопливо собрал то немногое, чем успел обзавестись на острове. Запросил информацию. Глайнер уходил через четыре часа. Кедрин не хотел ожидать целых четырех часов. Он вдруг почувствовал, что не может оставаться на острове. Скорее, скорее туда, где работают люди! Девушка не найдет его — и не нужно. «Если она действительно хочет на Пояс, она найдет дорогу, — подумал Кедрин и вспомнил Седова: — «Кому суждено быть монтажником, тот им станет». Правда. Только насчет меня ошибся капитан «Джордано». Мне, наверное, не суждено...»

Эта мысль не давала ему покоя и тогда, когда он оказался на борту корабля.

Принял ванну и, опустив пониже морфорадер, включил его на полную мощность.

Все же сон его был беспокоен. Длинные корабли населяли сон; они возникали из ничего и таяли, оставляя вместо себя голубоватые, мерцающие, быстро рассеивающиеся облачка. Потом появилась Ирэн — она шла в ярком легком платье, в том самом, какое было на ней, когда Кедрин увидел ее впервые — не на острове, а несколько лет назад в Новосибирске, откуда он потом так стремительно уехал в Институт связи. Вторая женщина подошла к Ирэн, и Кедрин узнал в ней девушку, встреченную им на острове сегодня. Они говорили о чем-то, и Кедрин не слушал о чем, потом корабль заслонил их, а когда корабль исчез, их уже не было. И снова корабли, не останавливаясь, шли один за другим к орбите Трансцербера, и Кедрин удивился — зачем столько кораблей и почему ни один из них не берет его? Тут он почувствовал в своей руке рубчатую рукоятку экстренного выключения Элмо — ту самую, которую всегда некстати дергал Андрей, — и понял, что надо только повернуть ее — и первый же корабль остановится; он хотел повернуть — и не смог.

...Сон кончился. Было утро, и яркий, чуть зеленоватый свет входил через распахнутый иллюминатор, и сильный, чудесный запах вливался вместе с ним. Кедрин вскочил.

«Хорошо, все хорошо! — говорил себе Кедрин. — Приедешь в институт, а там можно будет подумать. Поработать!» И еще он заставит подумать ребят. Может быть, они все же смогут помочь Звездолетному поясу и тем восьми на орбите Трансцербера.

XVIII

На орбите Трансцербера аварии прекратились. Трансцербер, он же Ахиллес, виден вполне ясно, но никаких деталей на его поверхности различить пока невозможно.

Все более сомнительным становится, что Земля успеет. Так или иначе, расстояние в среднем сокращается быстрее, чем было рассчитано и чем оно вначале было. Странно, что влияние притяжения Трансцербера еще не начинает сказываться. Но никто не сомневается в том, что оно скажется в самом недалеком будущем.

У всех теперь достаточно работы по наблюдению. Даже капитан Лобов против обыкновения очень интересуется результатами наблюдений и очень внимательно изучает фотографии. Над одной из них он сидит очень долго, иронически подняв брови, и, когда никто не видит, прячет фотографию в карман, чтобы попозже, в часы отдыха, вдоволь порассматривать ее, спокойно сидя в своем кресле.

Незнакомый человек сидел в кресле. И странным казалось, что кресло это, за несколько лет окончательно принявшее, как казалось, форму тела Кедрина, теперь покорно подчинялось другому человеку, а шлем Элмо, пластик которого был уже давно вытерт висками Кедрина, теперь так же ловко сидел на чужой голове. Впрочем, эта голова, вероятно, вполне устраивала и шлем и лабораторию.

Кедрин не стал открывать стеклянной двери, над которой рдела табличка с надписью: «Тихо! Здесь думают». Постояв у двери несколько минут, в продолжение которых человек в кресле ни разу не шевельнулся и не открыл глаз, Кедрин тихо вышел из внешней комнаты лаборатории в коридор.

«Интересно, над чем он думает? Над чем вообще работает сейчас институт? Прошло все-таки два месяца с лишним».

Кедрин поднялся наверх. Слепцов вряд ли сейчас работает: он расходится под вечер, а днем занимается тем, что сам назначает руководством. Старик любит руководить.

Он шагал по коридору, и запах озона, перемешанный с ощутимым ароматом нагретой пластмассы, милый запах института, проникал, казалось, все глубже в его тело сквозь все поры, пропитывал его и делал походку более размеренной и дыхание — спокойным, хотя сердце все еще билось учащенно. Вот он, родной дом, и блаженны блудные сыновья, которые возвращают-

ся, — вот что скажет сейчас Слепцов, как только удостоверится в том, что именно Кедрин появился на пороге его лаборатории. Блаженны возвращающиеся под отчий кров вычислительных машин!.. Они были здесь, эти машины, они работали по сторонам, и сверху, и снизу, за пластиковыми плоскостями стен, и пола, и потолка — блаженны возвращающиеся! И стократ — приветствующие вернувшихся...

Кедрин растворил дверь в лабораторию Слепцова, который настолько уже стал принадлежностью сектора остронаправленной связи, что не могло быть сектора без него. «Нет, разумеется, не могло, — рассеянно подумал Кедрин, смахивая пыль с ладони, которой только что держался за ручку двери. — Разумеется, не могло...»

Старик сидел за своим столом и смотрел в бесконечность, очевидно сосредоточиваясь для очередного сеанса работы с Элмо. Взгляд его возвращался из бесконечности со скоростью света, и все же потребовалось какое-то время, чтобы он уперся в стоящего на пороге Кедрина, и еще секунды — для того, чтобы полученная зрением информация дошла до идентифицирующих центров мозга. Наконец это произошло.

Кедрин с удовольствием наблюдал, как около рта старика обозначились глубокие морщины, показались зубы, подбородок выдвинулся вперед, и, наконец, веселое хрюхтенье наполнило комнату.

— Кедрин, — сказал Слепцов. — Кедрин или оптический обман... — Он замолчал, словно что-то припоминая. — Кедрин... — повторил он, потом улыбнулся. — Что же, привет блудному сыну, который возвращается!

— Раскрывайте ваши старые объятия, — сказал Кедрин. — Принимайте блудного сына.

— Ну, — сказал старик и протестующе вытянул руку, — пощади мои кости. Объятий не будет.

— Так... — пробормотал Кедрин. — Не очень ласково.

— У меня есть на то причины. Но об этом — позже. Хорошо, что ты вернулся, хотя мог бы и поторопиться. Впрочем, лучше поздно... Ты совсем?

— Наверное, — сказал Кедрин, зная, что за этим последует вопрос: абсолютно точно?

— Абсолютно точно? — спросил старик.

— Если говорить абсолютно точно, то не знаю. Но, наверное, да.

— Что ты оставил там?

— Любовь, — сказал Кедрин и покраснел. — Если откровенно — любовь.

— Можешь говорить откровенно.

— И потом... какие-то странные мысли.

— Расскажи, — вымолвил старик, и взгляд его вновь устремился вдаль.

— Я был там недолго — там, где работают, кроме мозга, и руками. И это было хорошо! Я стал гораздо сильнее и, думается, лучше. Потрогайте мои мускулы...

— Я не стану трогать твоих мускулов. К чему они?

— А почему умер Андрей?

— Ты понял?

— Я понял. Мне подсказали ответ там. Андрей потерял способность бороться с неожиданностью и опасностью. И вот он умер... просто от страха.

— Да, — сказал Слепцов. — Это логично. Даже больше — это верно. Но надо скорее познавать. Не отвлекаться. Это препятствует концентрации энергии. Дело человека — познавать.

Кедрин вдруг ясно ощутил — говорить с человеком, которого он считал своим учителем, ему не о чем. Продолжать разговор можно было в одном случае — если забыть, что он был там, в Приземелье.

— Я пойду, — сказал Кедрин. — Я, пожалуй, пойду...

— Иди. Подумай, примиришь. Не возвращайся туда. Работай здесь. Элмо найдется.

Теперь Кедрин шагал по коридору медленно. Отыскав комнату для гостей — по счастью, пустую, — он улегся на широкий диван и долго лежал — без мыслей, без ощущений.

Потом он поднялся. За широким окном солнце снижалось к горизонту. Было тихо и ясно. Земля все-таки была самой прекрасной. Хотя и пространство — тоже. Холодовский. «Но ведь я один думаю, что он... Надо прочесть его запись».

Кедрин поискал глазами магнитофон и нашел его там, где он всегда стоял в комнате для посетителей, — на столике, рядом с пультом климатизатора. Голос Холодовского заставил Кедрина вздрогнуть — это был живой голос неживого человека, уверенный, и немного отрешенный, и спокойный, как всегда.

«Так, — сказал Холодовский. — Таксор не принял запаха».

Последовала пауза, потом Холодовский пробормотал что-то сердито и неразборчиво. Затем магнитофон загудел. Кедрин вспомнил — так отзывался скваммер на форсаж двигателя. Несколько минут лента перематывалась бесшумно, прозрачная лента неощутимой толщины.

«В общем, — сказал Холодовский, — моя теория, кажется, летит в архив. Или таксор не таксор, или в пространстве нет запаха. Как же нет, когда я его ощущаю? Но и прибор действует нормально, за это может поручиться все Особое звено, а это чего-нибудь да стоит!..»

Холодовский говорил необычно много, и Кедрин понял: он подбадривал себя. Значит, все-таки это было нелегко даже тогда, когда созрел замысел.

«Ну вот, — сказал Холодовский. — В общем надо установить, есть ли запах в скваммере. Покажет ли его таксор. Если в скваммере запаха нет, как нет его и в пространстве, это значит либо, что таксор негоден, а это, как мы знаем, невозможно... (Кедрин сжал кулаки — таким невозмутимо-скупным был голос монтажника в этот миг, когда в пору было кричать от ужаса перед самим собой.) Либо все мы просто страдаем массовыми галлюцинациями. Но если запах в скваммере есть, хотя в пространстве его нет, то он возникает именно в скваммере, а почему — этого я не знаю, и никто не знает. Тогда его источник надо будет искать вовсе не там, где искал я. Придется пошарить совсем по другим диапазонам... Можно, конечно, подождать пару недель и таскать с собой в скваммере озомер. Беда только, что прибор надо переделывать, он не уместится. И время пройдет. Восемь больше одного, а, ребята?»

Он даже засмеялся, Холодовский, хотя не над чем было смеяться. Потом он оборвал смех и сказал:

«Это я подумал, как обозлятся медики. Ну ладно, монтажники с «Джордано», схема эксперимента такова: я разгерметизируюсь, держа нижними руками озометр у дверцы. Воздух пойдет наружу, и с ним — то, что пахнет. Озометр примет. Остальное прочтете на его ленте... — Он помолчал. — Ну, как говорит Гур, делайте ваш шаг вперед!»

Он еще посопел, потом щелкнуло, раздался свист, и наступила тишина. Тишина была до самого конца ленты.

— Значит, так, — сказал Кедрин и, медленно, тяжело ступая, прошел по комнате — в угол и снова в угол. — Значит, так. Тебя не записали, Слава, но ты записался сам... Я виноват, Слава, я просто подумал, что ты — это не ты, а ты был ты — и дело с концом! И все-таки был ли запах в пространстве? Если да, то твоя империя пережила тебя. Если нет — что ж, ты дал направление другим.

Это были лишь предположения, и обе возможности были сейчас для Кедрина равно вероятны. Но Кедрин почувствовал, что трудно будет ему жить, пока он не узнает этого точно. Стало уже незачем оставаться здесь, в институте. Кедринская трасса вновь зримо уходила туда, вверх. Но он еще медлил, словно что-то держало его.

Чуть слышно жужжали машины за гладкими панелями стен. Где-то приглушенно звучала музыка, и Кедрин подумал, что, когда человечество узнает хотя бы об этих небольших эпизодах из жизни Звездолетного пояса, об этом напишут музыку, ясную и проникновенную, и музыка эта будет говорить людям: «Делайте шаг вперед!»

Жаль, что не он создаст эту музыку! Но каждому — свое. Его дело — работать на Элмо. Мыслить. Искать и находить. Дышать запахом озона и нагретой пластмассы.

Запах нагретой пластмассы.

Запах. Так...

Нагретой. Ага, нагретой.

Пластмассы. Ну, естественно!

Кедрин опустился прямо на пол, обхватил колени руками.

Запах. Колебания молекул и даже атомов, освобождающихся в процессе испарения.

Нагретой. Повышение температуры усиливает испарение...

Пластмассы. Так ли?.. Пластмассы устойчивы, несмотря на всю огромность своих молекул. После облучения гамма-радиацией и других операций некоторые сорта ее переносят испытания всеми известными видами излучений. Они испытывались неоднократно еще до того, как из них начали изготавливать разные детали — например, фонари скваммеров, их прозрачные верхние оконечности. Они очень надежны. Но речь идет об известных излучениях. А все ли они известны? Вероятно, нет. Кстати, Гур явно неспроста интересовался тем, из какого пластика была изготовлена защита автоматики «Гончего Пса». О, Гур ничего не делает просто так!... Итак, если предположить существование некоторого сильного излучения, нам до сих пор неизвестного... Ага, это уже почти точка зрения Гура, но почему бы и нет? Да, это неизвестное излучение, как можно предположить, вышибает

из пластика радикалы, и вот они-то и пахнут, они-то и проникают в легкие, и отравляют людей, и заставляют их терять сознание. Уж не хотел ли Гур, чтобы я подсчитал ему количественную сторону такого процесса? Конечно, все это нужно знать и количественно. И, кроме того, какие могут освободиться радикалы? Чем мы, собственно говоря, там отравляемся при атаках запаха? Нужно лечить хотя бы тех, кто болен, — того же Кристапа. И жаль, что Холодовского уже не вылечить никогда...

Да, нужно считать. О невооруженном мозге тут нечего думать, тут нужен Элмо и все его памяти. К счастью, все это тут есть. Где же и считать, как не в этом институте?

Он вскочил. Кинулся к двери. Потом остановился.

Да. Но кто будет считать? Мне запрещено работать на монтаже. Косвенно это относится к той работе. Но... о чем тут думать? Жизнь людей!

Времени не было, но он не забыл снять с подкассетника крохотную катушку. Человек в лаборатории по-прежнему словно дремал в кресле. Табличка угрожающе посверкивала над дверью. Кедрин распахнул дверь. Конструктор взглянул на него без особой любви во взгляде.

— Мне нужна машина, — сказал Кедрин. — Срочно.

Конструктор качнул головой.

— У меня заказ Звездолетного пояса. Излучатели...

— Тогда счастливо вычислять, — сказал Кедрин.

Он пошел по лабораториям подряд. Его узнавали и радостно приветствовали. И нигде не было свободных машин. Так он дошел до лаборатории старика и распахнул дверь.

— Это ты, Кедрин? — спросил старик. — Что тебе неясно?

«Мне многое неясно, — подумал Кедрин. — Но одно ясно. Седов заставляет глайнер войти в космос: жизнь людей. Ирэн уходит от столкновения с конусом в долях сантиметра: жизнь людей. Холодовский открывает смерти доступ к своему телу: жизнь людей. Эти трое сейчас стоят за мной. И восемь человек — на орбите Трансербера. И еще многие...»

— Что тебе неясно? — повторял Слепцов с той же интонацией. — Что тебе неясно?

— Мне все ясно, — сказал Кедрин.

— А что тебе нужно? — спросил Слепцов.

— Машина.

— Я размышляю.

— И мне нужна машина. Это жизнь людей.

— Мне мешает размышлять мой единственный ученик.

— Считайте, что у вас его не было. И дайте мне машину. И эта машина должна работать над тем, от чего зависит спасение тех, кто на орбите Трансербера.

— Берите и это, — сказал Слепцов и уже у двери бросил: — Все, что у меня оставалось.

— Делайте шаг вперед! — сказал Кедрин.

Переключатель сухо стукнул. Световой шквал пронесся по строгим шеренгам индикатора. Кедрин уверенно сел на освободившееся место. Шлем был там, где ему и надлежало быть. Кедрин надел его. Нажал контрольную клавишу.

Затем он сидел час, не двигаясь, на лбу его вспухли бугры. Через час он снял шлем, поднялся. Взял запись.

— Ну вот, — сказал он. — Эту бы машину — на Пояс.

Он спустился вниз. По коридору кто-то шел к выходу, и Кедрина захотелось сказать хотя бы ему что-нибудь приятное. Он нагнал человека, положил ему руку на плечо.

— Эту машину бы к нам, на Звездолетный пояс...

— Целесообразно, — ответил человек, поворачиваясь, и с его безмятежно-спокойного лица взглянули на Кедрина наивные глаза.

— Так... — с расстановкой сказал Кедрин, останавливаясь и загоразивая Велигаю дорогу. — Уж не станете ли вы утверждать, что и эта наша встреча всего лишь случайность?

— А что? — простодушно поинтересовался Велигай. — Вы считаете, что случайностей происходит слишком много?

— Вот именно! Как говорит наш друг Гур, эти квазислучайности...

— Может быть, наш друг Гур и прав...

— Тогда говорите!

— Хорошо, — сказал Велигай.

И вот больше не стало безмятежного и простоватого Велигая, остался спокойный, и зрелый, и зоркий человек, и на минуточку Кедрину стало прохладно под его взглядом.

— Хорошо. Ты понял теперь, отчего люди умирают раньше срока?

— От страха.

— Да. Твой друг умер, когда несравненно меньше знавший человек двадцатого столетия и не подумал бы умирать. Одно знание еще не делает человека, тебе не кажется? Ну, а еще отчего? Слава, например? Он ведь мог и не умирать.

— Да.

— Просто пришлось бы еще подождать, чтобы распутать эту историю с запахом. И пусть бы мы не успели, пусть бы там погибли люди, но его никто не упрекнул бы в этом. А в смерти упрекнули — некоторые...

— Некоторые... — повторил Кедрин.

— Ты помнишь из истории: война двадцатого века...

— Конечно!

— Так вот. Помнишь, тогда люди бросались грудью на амбразуры, из которых хлестал огонь, чтобы другие могли пройти?

— Но на Земле давно не стреляют...

— И не будут стрелять. Но всегда будут в жизни человечества такие амбразуры, которые кто-то должен будет закрыть грудью, чтобы другие смогли пройти прямо, а не в обход. Слава закрыл одну из таких амбразур. Пусть небольшую... Он был из таких людей.

— Он был из команды «Джордано». Там они все такие.

— Да, мы все были такие. Но разве дело в «Джордано»?

— А разве вы тоже были там?

— Ты не знал? Я тот четвертый, который живет больше на Земле...

— Который стал академиком?

— Все ведь не могут быть академиками. Но мы стоим друг друга.

— Я работал, — неожиданно для себя сказал Кедрин и протянул Велигаю карточку с расчетами.

Глаза Велигая на секунду стали жесткими, но взгляд привычно скользнул по расчетам. Потом он протянул руку и взял у Кедрина карточку.

— Ты уже сообщил?

— Шел на связь.

— Беги. Остальное потом. — И крикнул уже вдогонку: — Седов в тебе не ошибся!

«Ты, кажется, тоже», — подумал Кедрин, но это мельком, потому что он бежал, неся в руках ставшую бесценной карточку с расчетами, в которых была разгадка природы запаха, а значит — победа над ним!

Возвращаясь в институт, к Велигаю, Кедрин подумал, что полгода назад он, сделав подобное открытие, вероятно, ощутил бы себя на десятом небе и был бы горд, как петух. Он и сейчас чувствовал радость в душе. Но это было совсем другое — это была другая радость, радость не просто за себя, а за то, что он сделал нечто важное и нужное для других.

Кедрин застал Велигая в той самой лаборатории, где встретился с ним впервые в день смерти Андрея. Там все было, как прежде. Будто что-то могло измениться оттого, что в кресле Кедрина сидел другой человек.

Едва Кедрин вошел в лабораторию, Велигай, сидевший, как и тогда, в кресле рядом с вычислителем, обернулся и знаком попросил его пройти и сесть в кресло у стола.

Прошло, наверное, более часа, прежде чем вычислитель закончил работу. И все это время Кедрин думал: «Какими же теперь должны стать скваммеры, как удержать в пластмассе радиал, выбиваемый неизвестным излучением?» Неизвестным для него, но, может быть, не для Велигая. Ведь неспроста он то появляется на спутнике, то вдруг оказывается на Земле. Вероятно, Велигай и занимается проблемой новых скваммеров. «Вот когда придется пожалеть, что у нас, в Приземелье, нет своих вычислительных центров!»

— Да, жаль... — незаметно для себя проговорил Кедрин.

— У нас там тоже будут свои вычислительные центры. И скоро... — сказал Велигай, подходя к Кедрину.

— Пожалуй, вы знаете, о чем я думал все это время?

— Это несложно — о скваммерах.

— Верно. И что вы думаете?

— Я думаю, что скваммеров не будет. А вы что думаете, Кедрин?

— Лететь на спутник.

— Тогда нам по пути.

— Кстати, Велигай, как вы считаете, мне здорово влетит за нарушение... за то, что работал?

— Бойтесь?

Кедрин вздохнул:

— Да.

Велигай рассмеялся и похлопал Кедрина по плечу так, как здороваются по пути на смену монтажники.

— Тогда я попрошу, чтобы добавочный срок наказания разложили на нас обоих.

Они вышли из института.

Велигай тяжело влез в лодку, уселся и подождал, пока Кедрин сел рядом. Затем дал команду автопилоту.

— Скажите, Велигай... Вот там будут свои вычислительные центры. Будет стопроцентная гарантия. Да?

— Да.

— Но ведь это значит, что рано или поздно строительство и Длинных кораблей придется передать машинам.

— Да. Когда корабли пойдут однотипными сериями... Но они пойдут однотипными сериями.

— Чем же тогда Приземелье будет отличаться от Земли?

— Разве что природой. Но ведь это еще надо сделать, Кедрин.

— Да. Машины будут вытеснять нас, а мы...

— Нет, мы не будем убегать от них. Все-таки командуем-то мы и всегда будем командовать. Мы будем всегда опережать их и уходить все дальше. Туда, где еще не могут эффективно работать машины. Туда, где может только человек...

— Но в конце концов...

— А конца не будет, Кедрин, — сказал Велигай. — Мир бесконечен, к счастью... Ох, еще сколько работы для человека! А теперь дай мне поразмышлять. Мне трудно думать при ускорениях и в невесомости — неудачный организм... А сейчас полтора часа самого лучшего времени для размышлений: полет в сумерках...

— Я подожду, — согласился Кедрин. — Это хорошо: полет в сумерках...

В сумерках зажигались звезды. Лодка мерно тянула в своем лодочном эшелоне, автопилот пощелкивал и помигивал цветными огоньками. За прозрачным куполом зажглись опознавательные огни, на пульте засветился экран локатора.

Кедрин и сам задумался. Итак, в сквамерах запах объяснен. А тогда, в спутнике? Разве там была поблизости схожая пластмасса?

Да, была. Иллюминатор в крышке резервного люка.

А откуда берется это излучение? Что это за излучение?

Это пока не известно. Как всегда, установление каких-то фактов порождает новые вопросы, возникает потребность объяснить новые факты. И так без конца...

«Ничего, — подумал Кедрин. — Во всяком случае, объяснение одного факта я им везу». Пожалуй, срок наказания ему не уменьшат. Это такой народ — монтажники...

И Ирэн. Все равно без нее он не может. Он готов сказать это всем и каждому. Если бы не она, он так и остался бы на Земле.

— Да, — негромко сказал Велигай.

— Вы... следите за моими мыслями?

— Немного, — сказал Велигай.

— Тогда скажите, бывают ли полосы несчастий?

— Сформулирую точнее...

— Одно несчастье за другим. Что это значит? Люди страда-

ют от этого запаха. Гибнет, как бы то ни было, но гибнет Слава Холодовский, а еще до этого летит реактор у Лобова. Почему такая система?

— Полоса несчастий, гм... — пробормотал Велигай. — Давнее определение... Я думаю, что это означает наш очередной шаг вперед.

— Почему?

— Потому, что когда вы входите в темную комнату, вам еще не ясно, на что там можно наткнуться, обо что ушибиться, что опрокинуть на себя. Это станет ясно, если зажечь свет. Но что-бы зажечь свет, надо войти в комнату. А она темна, и тот фонарик, которым мы ее предварительно освещаем, нам помогает не всегда. Ну, и мы натыкаемся на что-то...

— Но ведь явления совершенно разные, и все же...

— Явления одного порядка, — задумчиво сказал Велигай. — И то и другое — влияние неизвестных излучений. Реактор у Лобова полетел, вернее всего, потому, что автоматика вышла из-под контроля. Вам не надо рассказывать, сколь тонкой была настройка этих автоматов. Кстати, это наша вина — всегда надо предусматривать и неизвестные сегодня факторы, мы это иногда упускаем из виду. Вот такой фактор и вмешался, очевидно...

— Я понимаю, кажется. Излучение проникло через защиту их реактора — пластик...

— Может быть, и не проникло. Механика могла быть и вашей, той, что вы рассчитали. А автоматика работала в вакууме, и он тут мог нарушиться. Впрочем, — сказал Велигай, улыбаясь, — это лучше объяснит другой монтажник...

Высокое, обширное здание космовокзала вставало за бортом лодки. Его террасы поднимались выше лодочного эшелона, и могло показаться, что можно достигнуть Пояса, не выходя из пределов здания, а лишь поднимаясь и поднимаясь в его лифтах. Велигай привычным движением отключил автопилот и взял управление лодкой. Он мог и не делать этого, но, видимо, спутник Дробь семь уже оведал его своим дыханием, и надо было выгонять последние остатки земного спокойствия... Он посадил лодку на посадочную площадку точно, как профессионал, в узкую щель между тяжелым, медлительным, многокрылым энтомокаром и округлым треугольником аграплана, и в расстояние, оставшееся между бортами кораблей, нельзя было бы втиснуть и ладони. Они вылезли через нос.

— Надо записаться в рейс.

— Я записан.

— Мне надо записаться.

— И ты записан тоже...

— Однако, — сказал Кедрин, — вы хороший психолог...

— Да, — сказал Велигай. — Я хороший психолог. — Он взглянул вслед лодке, которую автопилот бережно поднял в воздух и теперь уводил в гараж. — А вообще-то я пилот по основной специальности. Звездолетчик с «Джордано»... Бывший звездолетчик, вернее. Но кто был звездолетчиком, тот уж останется им до самого конца. Понял, Кедрин? До самого конца...

На орбите Трансцербера становится горячо. Нет, не потому что Транс излучал слишком много инфракрасных; инфракрасных он излучает не больше, чем любой астероид. Хотя возможно еще, что Транс совсем не астероид. Просто достаточно большой метеор. Порядка двух-трех километров в диаметре — так примерно оценивают исследователи его размер теперь, когда стало возможно наблюдать его визуально.

Плотность Трансцербера должна быть совсем ничтожной, ибо масса его, как теперь уже ясно, невелика. Но в таком случае вовсе уж неясно, что произошло: действительно ли Герн засек Трансцербера или это просто совпадение и никакого Трансцербера не было?

Как бы там ни было, столкновение произойдет: «Гончий Пес», к сожалению, вышел на орбиту достаточно точно. Столкновение произойдет, и это становится настолько очевидным, что даже капитан Лобов решает провести внеочередной сеанс связи с Приземельем. О чем он говорит, никому не известно, но после сеанса он заявляет, что Длинный корабль будет готов на три недели — да, да, на три недели! — раньше самого краткого из намеченных сроков.

Это успокаивает, хотя и весьма относительно. А тут еще один из исследователей, горячий приверженец Герна, заявляет, что масса Транса могла быть и гораздо больше. Каким образом? Очень простым. Известно, что при достижении скорости, близкой к световой, масса летящего тела...

— Да, — возражают ему. — Но каким же образом?.. И какими же причинами?.. А вспомните-ка формулу, гласящую...

И возникает битва мнений и формул, самая горячая за все время полета. Указательные пальцы скрещаются, и от них сыплются искры. Гремят возгласы: «Но если принять Д равным...», «А помнит ли коллега уравнение пространственного поглощения Горича, которое?..» Коллега, разумеется, помнит. Вот капитан Лобов не помнит. Он стоит около забытых сейчас приборов и видит, как скорость сближения снова начинает стремительно нарастать. Он заглядывает в окуляр. Да, это тело приближается... На этот раз, кажется, все...

И он произносит еще несколько фраз, из-за которых затихшая было дискуссия вспыхивает с новой силой. А капитан Лобов прикидывает и, глядя на часы, начинает вести отсчет — разумеется, про себя: «Тридцать минут... Двадцать девять минут... Двадцать восемь...»

— Двадцать восемь минут до корабля, — сказал Велигай.
 — Снова вокруг были люди, на лицах которых лежал отблеск бескрайних пространств, «звездный загар», как его называли, хотя это вовсе не был загар, а просто суровость и откровенность, наложенные на лица жизнью в Заземелье. Цветные стены залов космопорта отбрасывали свет, в каких-то пересечениях создававший вдруг комбинация самых невероятных оттенков. Слышалась музыка, пахло цветами — очень много цветов

было высажено в залах для того, верно, чтобы еще раз посмотреть и крепко запомнили их люди, уходящие в поля, где нет цветов и где бывают зелеными звезды, а не листья.

Они прошли вперед, ближе к выходам. Цветные залы тянулись долгой анфиладой. Люди сидели, шли, стояли; доносились обрывки разговоров. Наконец впереди показался последний, предстартовый зал.

Здесь не было цветов и музыки. Здесь уже было пространство. Матовые стены убегали вверх, переходя в круглый потолок. Люди здесь уже собирались группами по кораблям, и можно было отличить орбитальников от жителей Заземелья и от многочисленных обитателей лунных материков. Пахло яблоками: почему-то все везли с собой яблоки.

Велигай и Кедрин подошли к передней стене зала. Она отбрасывала мягкий сумеречный свет, странно маленькие корабли стояли подле стены около таких же маленьких эстакад. Кедрин принял было их за модели; но прозвучали команды — и одна группа торопливо направилась к выходу и через минуту, во много раз уменьшенная, показалась, выйдя из тоннеля, на фоне четвертой стены. Тогда Кедрин понял, что это было стекло, и площадка космодрома внутрилунных орбит виднелась сквозь него, и корабли эти были настоящие корабли.

Пассажиры медленно втянулись в корабль. Закрылись люки. И вот началось зрелище, которого человеку никогда не будет слишком много: тяжелый корабль оторвался от Земли и медленно-медленно всплывал вверх, словно был легче воздуха, и этот воздух вытеснял его со дна кругоземного океана... Метр, и другой, и третий, и десятый прошел корабль вверх, а его двигатели молчали, и это было похоже на чудо, и, конечно, создавшие его люди были не из тех, что спят, пока работают машины.

— Как ловят ветер его паруса!.. — сказал стоявший рядом Велигай, и Кедрин согласился, хотя и не оценил сравнения, потому что никогда не ходил под парусами.

Что-то тихо шелестело за окном, и зал, чудилось, подрагивал от напряжения, а где-то под космодромом на полную мощность работали установки агра... Где-то высоко грянули, наконец, двигатели корабля, и теперь его «паруса» забрали полный ветер — элеф-компоненты гравитационного поля, и корабль скользнул вверх, и огни его мелькнули, исчезая... Кедрин вздохнул, вытер лоб.

— Здесь по-настоящему чувствуешь, что мы вышли в космос.

— Да, — сказал Велигай. — Неизбежно одно: жизнь. Жизнь и вечное развитие. Пусть исчерпает себя синтез гелия во всей доступной нам вселенной! Пусть происходит многое другое! Но вечно древо жизни.

— Даже тогда?

— Даже тогда. Только это будет уже не просто человечество — что-то гораздо большее. А в принципе, поскольку количество энергии во вселенной не уменьшается, надо будет найти просто новые способы ее преобразования. Переставить сосуды: нижний — вверх. Только и всего...

Он засмеялся. Кедрин спросил:

— А бессмертие?

— Человечество бессмертно.

Прозвучала команда. Вспыхнули табло. Площадка висела в воздухе на уровне люков корабля. Земля была далеко внизу. Они уселись в кресла, системы страховки плотно охватили их тела. Наступила тишина, весомость. Потом тихо загудели двигатели.

Снова были спутники, начиная с Дроби первого. Корабль обходил их по очереди. В зал Дроби седьмого Кедрин вступил с ощущением, словно здесь он прожил долгие годы своей жизни. Велигай похлопал Кедрина по плечу и заторопился к себе. Кедрин шел медленно: предстоящие встречи уже стояли перед его глазами. Первая из них произошла даже раньше, чем он ожидал. Маленький лысый человек подошел к нему, дружелюбно улыбаясь.

— Вы с корабля? — спросил он. — Может быть, вы хотели осмотреть спутник? Так это обыкновенный спутник. Вы прилетели работать?

— Я прилетел работать, Герн, — подтвердил Кедрин. — И не морочьте мне головы, не делайте вид, что вы не узнали меня.

— Ага, — сказал Герн. — Нет, конечно, я вас где-то видел... Я просто забыл. Здесь забудешь все на свете. А они были уверены, что вы скоро вернетесь на спутник... Вы понимаете, этот болтун, этот флибустьер пространства, он-таки построил эту схему! Ему удалось установить, что в момент аварии у Лобова все мы находились на одной прямой...

— Кто «мы»?

— Естественно: Трансербер, Лобов и мы — если учесть, конечно, расхождение лучей: вам ведь известно, что расхождение неизбежно при самой совершенной...

— Известно!

— Ну, конечно. Так, значит, вам понятно и то, с чем же мы имеем дело.

— Герн, я вас...

— Ну, ну... С направленным излучением, вот с чем! А? Мало того, один конец этой прямой нам уже известен. Это, конечно, Трансербер. Правда, тут ваш друг начинает строить абсолютно ненаучные гипотезы. Я с ним не согласен, но, может быть, он прав. Скажите, а вам не кажется, что это излучение имеет отношение к запаху? Ведь именно в то время мы испытали...

— Об этом потом, Герн. Один конец, вы сказали. А другой?

— Другой? Насколько можно судить, он направлен в район звезды Арвэ, которая... Впрочем, вам это ничего не даст. Вы ведь не знаете характеристик Арвэ...

— Я вижу, вы меня действительно вспомнили.

— Допустим, излучение направлено туда — или оттуда, пока никто не знает. И вообще я не берусь вам все это объяснять. Вы должны знать, что сведения лучше всего черпать из первоисточника. А это не я.

— Кто же?

— Он спрашивает! Гур, этот монтажник с большой дороги, этот похититель локаторов! Но сейчас его не оторвать от корабля.

— Говорите членораздельно, Герн. Что-нибудь с кораблем?

— А что с кораблем? — сказал Герн. — Сегодня сдача. Он готов. Готова эта чертова труба, готов кораблик!..

Кедрин резко повернулся. Герн еще что-то бормотал ему вдогонку. Кедрин стремительно зашагал по эскалатору, поднялся наверх, побежал по коридору. Она еще не успела выйти в пространство. Нет, конечно, не успела. Они оба выйдут вместе; сначала встретятся, потом проводят корабль, а потом...

На этот раз протяжный свист не провожал его — автоматы спутника сразу признали в нем своего, их граненые головки поворачивались бесшумно. Кедрин все замедлял шаги. Последний шаг перед ее дверью он сделал, напрягая все силы.

Он не знал, что скажет ей. Не было времени подбирать слова. Просто сейчас он увидит ее, а больше ничего ему не нужно.

Он положил руку на ручку двери и закрыл глаза.

Каюта была пуста.

Он шагнул вперед и сел. Было странно неуютно, хотя все как будто было на месте. Даже что-то валялось на кресле, свешиваясь, — нечто специфически женское, из туалета. Значит, она здесь. Она может войти каждую минуту. Она не вышла бы в пространство, не прибрав каюты.

Он ждал. Прошло много минут. Потом Кедрин вскочил. Кто же будет сидеть в каюте в день сдачи?

В гардеробном зале была пустота, люки были наглухо закрыты. Так! Здесь не достанешь скваммера — все в пространстве. Двести восемьдесят третий тоже, естественно, в пространстве. Но ничего. Есть еще выход...

Он заторопился знакомым путем — туда, где был выход в пришвартованный к спутникам корабль, населенный тренировочными скваммерами. По счастью, все они оказались на местах. Кедрин торопливо влез в один из них, проверил. Все было в порядке. Он прошагал к люку, встал на него — и сейчас же очутился в пустоте.

Он очутился в пространстве, в том самом, мысли о котором, как оказалось, все время жили где-то глубоко в нем рядом с воспоминаниями о красивейших местах Земли.

Он включил двигатель и устремился в рабочее пространство. И чем ближе подходил к рабочему пространству, тем холоднее ему становилось. Он помотал головой, потом с силой стукнулся затылком об амортизатор фонаря. Было больно. Потом закрыл глаза, открыл их, потрогал лоб, опять закрыл глаза и опять взглянул.

— Да, это было так, хотя этого не могло быть. Никак!

В пространстве не было скваммеров. Но были люди. Были монтажники без скваммеров. Без ничего! Почти голые — в пронизанном радиацией вакууме пространства.

Люди парили в пустоте, и радостные цвета их нарядов казались неестественными для взгляда, привыкшего к сумрачной монотонности скваммеров. Они купались в пустоте, как купаются люди в полных жизни волнах теплых морей.

— Да нет, — сказал Кедрин, — ерунда!

— Не виси на месте, Кедрин! — услышал он. — Делай свой шаг вперед!

Гур оказался тут, рядом. Яркая куртка, которую он обычно носил только на Земле, облекала его сильный торс, на руках

были тонкие перчатки, на голове — ничего... Кожа его лица отблескивала, и Кедрин тоскливо подумал, что сейчас сойдет с ума.

А его заметили, и с разных сторон рабочего пространства к нему уже слетались разноцветные, хохочущие, ликующие монтажки. Он узнавал многих. Внезапно и его охватило веселье.

— Сейчас и я к вам!.. — крикнул он, отводя руки за спину, к предохранителям. И в самом деле, это значит просто, что можно дышать в пространстве. Не может быть? Мало ли чего не могло быть...

— Стой! — рявкнул Гур. — Не порть праздника, ты, торопливейший! Убери руки!

Кедрин послушно убрал.

— Или, может быть, мы здесь в самом деле голые? — язвительно спросил Гур, кружа вокруг скваммера. — Нет, отсталый друг мой, это всего лишь прозрачная антирадиационная пленка — идеальная изоляция. — Он хлопнул себя по бедру. — Передвигаемся без ранцев, наведено поле, у нас — проводники под током. А, что говорить, высокочтимый! Сблаговости дать скорость! Догоняй, иначе ты ничего не увидишь!..

Описав круг, он рванулся туда, где пока еще покоилось вытянутое, километровое тело Длинного корабля. Кедрин тронулся туда же, сопровождаемый сонмом разодетых монтажников, ярких и радостных.

Сегодня был их праздник — день корабля. Они создали его — люди, которые сейчас не напоминали более небесные тела, какими выглядели в скваммерах. Свободные в пустоте, не закрытые гулкой железной скорлупой, они казались и родившимися и выросшими здесь, в пространстве. Они населяли небо, как молодые и задорные боги.

Кедрин шел на малой скорости. Он все время искал глазами одно лицо. В пространстве стало возможно узнать человека в лицо, и он видел много знакомых лиц, кроме того, которое хотел увидеть.

Его не было. Мимо промахнул Дуглас: на его лице сияла неожиданная улыбка. Он махнул Кедрину рукой и умчался куда-то вперед, поближе ко входному люку корабля. Седов на миг вырвался из гущи летучей стаи, взвился над нею; его обычно каменное лицо выглядело взволнованным. Только ее не было, только ее!

— Не сердись, хорошая, — тихо сказал он вслух.

— Не буду. Только почему я — хорошая?

Кедрин охнул — он забыл, что говорит на волне Гура. Но тут же другая мысль ударила по нервам.

— Гур, — сказал он. — Она... еще больна?

— Нет.

— Но я ее не вижу...

— Увидишь... — сказал Гур.

«Увижу!» — подумал Кедрин.

Умело затормозившись, он повис в полуметре от зеленоватой, зеркальной брони корабля недалеко от люка, внешняя крышка которого была распахнута. Раздалась команда. Часть монтажников разлетелась в стороны, открывая широкий канал, по которому уже шел катер.

Он приближался. Седов стоял на откинутой площадке звездолета и был неподвижен, как статуя. И Кедрина показалось, что даже отсюда узнает он всегдашний холодноватый, пристальный взгляд. А катер подходил все ближе, и все знали, кого он несет в своей объемистой кабине. Катер плавно повернул, и хотелось верить, что и сам он слегка изогнулся в этом повороте, настолько красивым было это движение, и замер, выбросив голубоватое облачко, — замер напротив открытого люка. Тусклый борт катера раздвинулся, и несколько фигур легко скользнули из возникшего провала в пространство.

Это были они, новые хозяева корабля, до последней минуты безраздельно принадлежавшего еще людям Звездолетного пояса и в первую очередь монтажникам. Теперь пришли пилоты. В ярких мягких скафандрах они проскальзывали несколько метров пространства, что отделяло их от будущего дома, и выстраивались на крыльце этого дома; и монтажникам были видны их улыбающиеся лица и блестящие глаза.

Потом их командир — и Кедрин вспомнил пилота глайнера «Кузнечик», — мягко ступая, подошел к неподвижному шеф-монтеру и обнял его, и Седов тоже обнял нового капитана, а потом приглашающе протянул руку к освещенному зеву люка.

Капитан направился к люку, а Седов, сделав два шага, с силой оттолкнулся от края площадки и медленно поплыл в пространстве... Звездолетчики замахали руками. В телефонах сквимера Кедрина зазвучали их взволнованные, нерасчетливо громкие голоса. Потом они скрылись в выходной камере. Крышка люка медленно поползла вверх, навстречу ей изнутри выдвинулась вторая.

Светлое пятно закрылось, тотчас же раздалась команда. Монтажные отхлынули в стороны, занимая заранее определенные позиции. Тело корабля еще миг отблескивало в лучах осветителей, потом внезапно вспыхнули все иллюминаторы и опознавательные огни, и корабль превратился в лучшую драгоценность. И трудно было поверить, что это они, монтажники, создали такое чудо. Проба огней была всего лишь началом испытания корабля: с момента, когда зажглись ходовые огни, сооружение действительно стало кораблем, самостоятельной единицей Звездолетного флота. Он не принадлежал больше монтажникам, не принадлежал Поясу, хотя связь между ними и должна была сохраниться еще надолго, навеки. Был хорош, но и труден этот момент, когда уходил сын Пояса, и ему предстояло увидеть новые звезды, а здесь оставалось старое пространство и память, память...

Кто-то скользнул и замер поодаль, и Кедрин узнал шеф-монтера. И снова все сделалось неподвижным, только сам корабль, казалось, шевелился: открывались и закрывались, проходя испытание, грузовые люки, выдвигались смотровые площадки и мостики, шевелились, поворачивались, втягивались и вытягивались антенны. И каждый раз кто-то из монтажников — тот, кто монтировал этот мостик или антенну, горделиво взглядывал на соседей, хотя и так все знали, что ничто не может отказать.

Корабль шевелился, как ребенок,двигающий руками и ногами просто потому, кажется, что движение доставляет ему радость. Но ребенок встанет на ноги не скоро, а этот был уже

готов: челюсти люков закрылись, втянулись лишние антенны; и казалось, еще тише стало в безмолвном пространстве.

Все ждали этого момента, и все же ни один, наверное, не уловил первого, едва заметного издала содрогания корабля. Но он уже не висел на месте — затемнилась одна звезда, вторая... И вот движение стало уже заметным, и едва ощутимое взглядом голубоватое облачко дрожало в зоне выхода стартовых двигателей, а звездные будут включены лишь вдалеке от планеты. Корабль уходил в испытательный однодневный полет, сверкая, как созвездие, равный среди равных во вселенной, небесное тело галактического ранга... Он уходил, и никто не взялся бы предсказать его звездолетную судьбу, но все знали, что она будет прекрасна. Ход корабля резко убыстрился, корабль торопился в вечный день черного пространства — день, ибо не может быть ночи там, где сияют миллиарды солнц. Кедрин вздохнул и осмотрелся; Седов был рядом, с рукой, поднятой к глазам, и не требовалось особого усилия, чтобы представить себе, что было сейчас в глазах человека, который еще строил корабли, но не мог летать. Кедрин снова вздохнул — сочувственно, но шеф-монтер уже отнял руку, и голос его, произнесший команду, дрожал не больше, чем монолитные основания земных космодромов.

А корабль скрылся, он стал слабой звездочкой, затерявшейся в бездне. Монтажники медленно поплыли к спутнику. Кедрин занял место у входного люка. Его окликали и приветствовали. Казалось, все поняли, какой он славный парень. В другой раз он обрадовался бы этому, а сейчас просто кивал головой — и ждал...

Он вошел в спутник вслед за последним монтажником. Войти пришлось через корабль, там он оставил скваммер. Потом пошел в командную централь спутника. Как бы ни было, в первую очередь надо было доложить о том, что загадка запаха решена, а лишь потом узнать, где Ирэн. Кедрин был спокоен, только нижняя челюсть выдвинулась вперед и взгляд стал тяжелее.

Шеф-монтер сидел в кресле, и на лице его не было совсем ничего от бывшего пилота. Он был шеф-монтер — и все, и именно с таким выражением смотрел он на Герна. Гери порывисто расхаживал по комнате и ожесточенно полировал ладонями багровую лысину.

— Вот, — сказал Гери и схватил Кедрина за рукав. — Даже он знает, кто открыл Трансербер. А?

— Знает, — сказал Седов.

— И теперь корабль идет туда, а я должен сидеть здесь? У них есть место. До завтра они еще будут висеть в пространстве Полигона. И одного вашего слова достаточно, чтобы...

— Нет, — сказал Седов.

— То есть как «нет»? Как вам нравится! А то, что я...

— Нет. Они пойдут на пределе ускорений. А вы...

— Я! Ну и что? Со мной ничего не будет!

— Не будет, — сказал Седов, — потому что вы не полетите.

— Ха! А я хочу знать! Вот он, — Гери кивнул на Кедрина, — он тоже хочет знать. Но не знает...

— Я, — сказал Кедрин, — знаю природу запаха.

Герн пожал плечами.

— Ноль информации, — сказал он. — Это уже все знают. Кто-то сообщил с Земли, хотя, как он додумался, не имею понятия. А вот Трансцербер...

Дальше Кедрин не стал слушать. Он взглянул на Седова.

— Кто-то сообщил раньше меня?

— Нет.

— А костюмы? Как вы успели?..

— Просто, Кедрин. В мире все просто. Только простота эта, ох, как сложна!.. Скваммеры и так доживали свой век: броненосная техника, наследие прошлого. Пластик, из которого сделаны новые костюмы, был испытан заранее...

— Но ведь новое излучение...

— Да. Но Гур...

— Послушайте, — сказал Герн, который не мог так долго слушать не вмешиваясь. — Излучения излучениями, и Гур — это Гур. Но, может быть, вы мне, наконец, объясните, зачем он все время обстреливает Трансцербер направленным син-полем? Может быть, он думает его разрушить? Не удастся, поверьте мне, который что-нибудь понимает...

— Новое поле — мим, — сказал Седов, — на деле всего лишь один из компонентов син-излучения, — сказал Седов. — Герн, Герн, это уже все знают! Пока ты, — он повернулся к Кедрину, — шел к уяснению механики этого запаха, Гур, не зная ее, все же искал излучение. Скорее интуитивно, чем... И он нашел его. Теперь он рассчитывает на то, что тот, кто принимает мим, примет и син-сигналы — хотя бы одну из их составляющих. Одним словом, новый пластик проверен и на это поле. Бояться нечего, Кедрин.

— А раньше?

— Я никогда не боюсь, — сказал Седов. — Я разучился. Когда человек делает себя, он многому учится, но должен и что-то забывать — то, что досталось нам от предков.

— Как все это умно! — сказал Герн, переминаясь с ноги на ногу. — Но интересно, кто это должен принимать сигналы Гура? Камни? Так им глубоко безразлично, поверьте мне. У небесных тел есть один язык — язык астрономии. У них нет второй сигнальной...

— У небесных тел есть люди! — сказал Кедрин.

— И этот молодой человек летел вместе с Велигаем! Стыд!.. — сказал Герн. — И вообще я не знаю, что делается. Поля растут как грибы, а чтобы пустить человека убедиться — так нет! Жизнь — ребус. Полно перевернутых запятых...

Кедрин повернулся к выходу. Он шел по проспекту Бесконечных трасс. Дверь в ее каюту он распахнул рывком.

Женщина вскрикнула. Затем улыбнулась.

— Вот мы встретились, — сказала она. — Вы тогда убежали. Но я все равно здесь. Я сказала вам, что хочу на Пояс. И вот я...

— А она? — спросил Кедрин.

— Кто?

— Та, что жила здесь?

— Не знаю, мне дали эту каюту. Вы были на сдаче корабля? Как хорошо! Что нового на планете? Вы так и будете стоять в дверях?

— Нет, — сказал Кедрин.

Коридор был могильно тих. Монтажники, верно, уже собирались в кают-компанию. Там сегодня будет тесно и весело.

Он пошел к себе и лег. Кювета не была занята — ждала его. Кювета ждала... А ведь когда-то люди думали, что в счастливом будущем все будет хорошо и розово, верной будет всякая гипотеза, разделенной — каждая любовь. А может, когда-нибудь так и будет? Хотя вряд ли... Значит, нечего лежать...

Он поднялся, хотя что-то упрямо старалось положить его на лопатки. Принял душ и пошел в кают-компанию.

Там было действительно куда теснее, чем в пространстве. Говорил Велигай, поднимая бокал:

— ...Вот какую проблему должно решить человечество. И оно решит ее. Как? Самым простым образом.

Человек хочет остаться человеком. И, как ни странно, ему мало для этого одной Земли. Люди знали это уже в двадцатом веке, когда делали только первые шаги в Приземелье. Мудрец сказал: «Земля — колыбель человечества, но нельзя все время жить в колыбели». Подчеркиваю: нельзя...

Он перевел дух, отпил. Все молчали.

— Нельзя. Человечество вырастает. И вот настает для него время выйти в пространство по-настоящему. Не экспедициями, не научными станциями. Массой. Жизнью.

Кедрин поднялся. Стараясь ступать бесшумно, подошел к сидевшему неподалеку Гуру, поманил его к двери. В коридоре Гур сказал:

— Ты мог бы и потерпеть.

— Нет, — сказал Кедрин. — Скажи, откуда берется мим-поле?

— Никто не знает. Конечно, у каждого есть свое мнение...

— А твое?

— Мое? Ты же серьезный человек, зачем тебе мнение прогно-сеолога? Я ведь такой...

— И в самом деле, — сердито сказал Кедрин. — Я смотрю, сегодня все одеты по-человечески, и только ты в своей леопардовой кацавейке. Ты что, не мог?

— Не мог, — грустно сказал Гур. — В том-то и вся беда! Мой выходной костюм несколько поврежден с тех пор, как я однажды лазил в нем в канал стартового двигателя... — Он вздохнул и извиняющимся тоном добавил: — Это было слишком срочно...

— Вот поэтому на тебя иногда и смотрят несерьезно!

— Ну, — усмехнулся Гур, — это еще как сказать...

Он сделал шаг вбок, входя в полосу света из кают-компания.

Это был миг тишины, и что-то чуть слышно звякнуло при его шаге и вспыхнуло на пестрой кацавечной груди... Шесть золотых эллипсов были на ней и три параболы — шесть дальних исследовательских полетов и три похода Дальней разведки, походов, отнимавших полжизни... И, значит, не менее полутора жизней уже прожил Гур, если мерять жизни не продолжительностью, а количеством свершений.

Кедрин только глотнул и не сказал ничего.

— Так что, — сказал Гур, — дело не в этом. Хотя я и установил, что это направленное излучение и направлено оно примерно в ту точку пространства, где находится пресловутый Транс, но выводы показались многим слишком фантастичными.

— Но не Седову?

— Седов слишком много летал для этого, — сказал Гур. — Надо много летать, чтобы всерьез относиться к фантастике... Но рано или поздно нам всем придется примириться с тем, что так называемые фантастические события происходят гораздо чаще, чем мы думаем. И чем дальше, тем будут происходить чаще, потому что необъяснимые факты определяются примерно квадратом числа фактов, уже известных и объясненных.

— И все же мне не ясно, в чем тут фантастика.

— Ах, не ясно?.. Итак, ты уже знаешь, что этот самый проклятый запах возникал у нас в определенные моменты, когда Транс, мы и звезда Арвэ, около которой, очевидно, находится что-то интересное, располагались на одной прямой.

— Знаю. Герн...

— Старый гениальный болтун. При чем тут Герн? Важно, что направленное излучение, как правило, в природе не встречается. Есть возможность предположить его искусственный характер. Иными словами, предположить, что Транс — это...

— Фантазия, Гур.

— Видишь? А почему, мой ортодоксальный...

— Потому... потому, что этого никогда не было. Никакие признаки...

— Вот, вот! Но тебе не кажется, что в таком случае фантастика и Звездолетный пояс?

— Ну, знаешь!.. Хотя ладно. Зачем же ты посылаешь им сигналы?

— Чтобы они их приняли. Вернее, их автоматы... Да, скорее всего.

— Они не поймут.

— Неважно. Хозяева автоматов поймут хотя бы, что вблизи — авторы этих сигналов. И этого будет достаточно, чтобы они сами разобрались в остальном, и их автоматика не устраивала нам неприятностей вроде лобовской или той нашей драки с экранами.

— Ты думаешь?

— Размышлять полезно всегда, только не в ущерб действию. Одним словом, скажу по секрету: я не удивлюсь, если...

— Ну?

— Да ничего... В общем, я думаю, Лобов вскоре расскажет все сам, и гораздо более подробно. А пока я пойду ко всем. У меня мало времени...

— Очередной эксперимент?

— Нет, куда серьезнее и тяжелее. Предстоит вычистить этот мой праздничный костюм.

— Возьми новый.

— Не позволяет совесть. Но он мне нужен. Уж ради тех, кому я сигналю, я надену праздничный. В ближайшем будущем, друг мой, я предвижу много необычных встреч.

— И все же не верится.

— А само собой, — сказал Гур рассеянно. — Так это ты для этого соизволил вытащить меня с места, которое, я уверен, уже занял какой-нибудь уставший корифей монтажа?

— Все зубоскалишь?

— Я серьезен, как академик Велигай, как тензорное исчисление, как разочарованный влюбленный.

В следующий миг Гур оказался прижатым к стене. Кедрин яростно глотал воздух.

— Где она? Или...

— Фу, как банально — душить человека!.. Разве ты ее не заметил?

— Где?

— В команде корабля. — Гур яростно схватил рукой воздух, перед ним была пустота. — Да послушай...

Он смотрел вслед убегающему, пока тот не скрылся за углом поперечного проспекта, ведущего к эллингам. Потом улыбнулся.

— Что ж, кричи, родившийся, — пробормотал он, — ибо дважды рождается человек, и оба раза в любви. Первый раз его порождает любовь родителей, а второй... Впрочем, я, кажется, становлюсь серьезным...

XX

Молчание на орбите Трансцербера. Проникая через иллюминаторы, голубоватый свет заливал рубку. Все молчат и, сами того не замечая, принимают такие позы, чтобы удержаться, устоять. Но не устоять, потому что Транс приближается со скоростью примерно километра три в секунду. Все произойдет мгновенно и безболезненно.

Тишина. Потом кто-то из исследователей произносит:

— А зря мы заставили ребят волноваться там, на Земле...

И снова молчание.

Космический разведчик, набитый материалами, ушел к Земле три минуты тому назад. Он достаточно быстр, он уйдет. Но аппараты продолжают щелкать, замерять, записывать. Может быть, что-нибудь уцелеет, и экипаж Длинного корабля найдет.

Тишина. Только слышен размеренный, будничный голос капитана Лобова:

— Двенадцать...

И пауза. Страшно долгая пауза...

— Одиннадцать...

Бескрайная пауза.

— Десять...

Другой исследователь говорит:

— Интересно, что это все-таки такое?

— Восемь... — вместо ответа говорит капитан Лобов.

— Ну, — смущаясь, говорит третий исследователь. — Давайте, что ли, по обычаю...

Он неловко целует стоящего рядом пилота. Другие тоже целуются.

Это всегда выглядит немного смешно, когда целуются мужчины, хотя в самом деле это иногда бывает страшно.

— Шесть... — говорит капитан Лобов.

— «Наверх вы, товарищи...» — запекает кто-то.

— Четыре... — говорит капитан Лобов.

Голубое сияние в рубке становится все ярче...

На орбите Трансцербера все спокойно.

— И запишите, — скучным голосом говорит капитан Лобов. — Тело, именуемое Трансцербером и оказавшееся кораблем неизвестного происхождения — межзвездным автоматическим разведчиком, — обогнуло корабль «Гончий Пес» и ушло курсом сорок семь — двести двенадцать плюс... Установлена работа двигателей, характер которых не ясен. Трансцербер больше не наблюдается. Ну, и прочее, что надо. А я пойду спать. Да, работа двигателей сопровождается излучением в световом диапазоне. Это не забудьте. И приведите все в порядок. Думаю, скоро мы увидим и наш корабль...

Кедрин вышел из приемного шлюза в салон Длинного корабля и сощурился от слепящего света. Перед ним стоял Седов. А позади него — Ирэн. Кедрин смотрел через плечо шефа.

— Послушайте, Кедрин, тут, на корабле, нет Элмо.

— Но, шеф...

— Нет Элмо, такого как на Земле, — здесь он чуть меньше.

— Шеф!

— Говорить буду я, вы — слушать. Вы зачислены в экипаж Длинного корабля.

Кедрин пытался открыть рот, но Седов предостерегающе поднял руку:

— Свяжитесь с Герном и возьмите необходимые исходные данные по расчетам Трансцербера.

И тут Кедрин увидел, что каменное лицо Седова может улыбаться, а глаза сверкать искринками веселья:

— Считайте, что вы сделали еще один шаг вперед.

